

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

На правах рукописи

Манюк Екатерина Сергеевна

**Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии
(Калининград и Клайпеда в 1945 – 1950-е гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
кандидат исторических наук,
доцент
Гальцов Валерий Иванович

Калининград – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДОВ БЫВШЕЙ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	36
1.1 Особенности политики послевоенного восстановления городов в СССР	36
1.2 Исторический опыт градостроительства в Кёнигсберге и Мемеле в межвоенный период.....	50
1.3 Политические, социальные и экономические условия восстановления Калининграда и Клайпеды	64
ГЛАВА 2. ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В КАЛИНИНГРАДЕ	80
2.1 Формирование органов управления и начало советской градостроительной деятельности во второй половине 1940-х годов	80
2.2 Проблемы проектирования Калининграда и жилищно-коммунальное строительство в конце 1940-х – 1950-е годы	106
ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КЛАЙПЕДЫ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СОВЕТИЗАЦИИ ЛИТВЫ	131
3.1 Начало восстановления Клайпеды и формирование экономической и производственной базы градостроительства во второй половине 1940-х годов	131
3.2 Проекты превращения Клайпеды в советский город и практика строительства конца 1940-х – 1950-х годов	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	170
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	171
ПРИЛОЖЕНИЯ	196
Приложение А (справочное). Современные названия, административный статус и государственная принадлежность бывших городов Восточной Пруссии, упомянутых в диссертации	196
Приложение Б (справочное). Иллюстративный материал.....	197

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что архитектура, отражая человеческую деятельность, запечатлевает сменяющиеся исторические эпохи. Город как среда обитания человека впитывает в себя людские мысли, чувства, идеалы, достижения, промахи, катастрофы. История градостроительства неразрывно связана с науками о политике, обществе, экономике, культуре, позволяет глубже понять общественные явления и процессы. Еще Н.В. Гоголь заметил: «Архитектура – тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе».

Актуальность исследования. Архитектура города связывает все три времени – прошлое, настоящее и будущее. Градостроители решают в настоящем проблемы, созданные в прошлом. В то же время новые планировочные решения, проектируемые и уже построенные здания, улицы, микрорайоны будут иметь большое эстетическое и функциональное значение в будущем. Для настоящего всегда актуален вопрос отношения к городской среде, сформированной в прошлом.

В настоящее время активно ведётся городское строительство в России, происходят динамичные изменения в облике европейских городов. Особенно актуальными становятся проблемы сохранения культурного наследия, аутентичности при реставрации исторических зданий, планирования городской среды, удобной для жизни людей.

Присоединённые к СССР по итогам Второй мировой войны города северной части Восточной Пруссии в силу ряда исторических, политических и социально-экономических факторов имели существенные отличия от советских аналогов в планировке, организации городской среды, архитектурном облике, способах коммуникации. На этом фоне можно более рельефно рассмотреть принципы советской градостроительной концепции и практической политики в этой сфере, проанализировать деятельность архитекторов на местах, выявить особенности архитектурного проектирования и практики застройки городов. С другой стороны, архитектурное развитие присоединённых территорий отражает основные этапы советского градостроения, его стилевые особенности, дополняя тем самым общую картину.

Градостроительная деятельность (наряду со сменой топонимики, символов, языка и пр.) является важным фактором «присвоения пространства», фактического «оформления» национально-государственной принадлежности вновь присоединённых территорий.

Калининград в России, Клайпеда в Литве – два близких географически и исторически связанных друг с другом прибалтийских города, которые имеют большой потенциал для экономического и культурного развития, превращения их в промышленные и туристические центры. Изучение послевоенной истории этих городов, несомненно, поможет в разработке стратегии развития и поиске перспективных градообразующих решений на современном этапе, в том числе по таким направлениям, как: сочетание исторической и современной застройки, пути решения транспортных проблем, спорные вопросы реализации идеи города как среды обитания, связанные с проблемами экологического равновесия. Ответы на эти актуальные вопросы во многих случаях нуждаются в историческом обосновании, основанном на научных знаниях.

Прежде чем приступить к раскрытию заявленной темы целесообразно рассмотреть значение термина *«градостроительство»* (синоним «градостроение»). Определение этого понятия, данное в 1952 г. в «Большой Советской энциклопедии», до настоящего времени с незначительными изменениями кочует из одного энциклопедического издания в другое¹. Согласно «БСЭ», «градостроительство – теория и практика планировки и застройки городов. ...Охватывает сложный комплекс социально-экономических, строительно-технических, архитектурно-художественных, а также санитарно-гигиенических проблем»². Учебные и справочные издания подробнее раскрывают приведённую трактовку. Градостроительство как сфера общественной и государственной деятельности³, в первую очередь призвано обеспечивать физические и социальные условия существования населения⁴. Решает проблемы районной

¹ Градостроительство // Популярная художественная энциклопедия. М., 1986. Кн. 1. С. 184 ; Градостроительство // Российский энциклопедический словарь. М., 2001. Кн. 1. С. 389 ; Градостроение // Российский гуманитарный энциклопедический словарь. М., 2002. Т. 1. С. 502 ; Градостроительство // Большая энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 332 ; Градостроительство // Первый толковый большой энциклопедический словарь. СПб., 2006. С. 464 ; Градостроительство // Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7. С. 585 ; Градостроительство // Новая российская энциклопедия. М., 2008. Т. V (1). С. 144.

² Градостроительство // Большая советская энциклопедия. М., 1952. 2-е изд. Т. 12. С. 396.

³ Градостроительство СССР (1917 – 1967): альбом / В. А. Шквариков, Н. Я. Колли, В. А. Лавров и др.; Гос. ком. по гражд. стр-ву и архитектуре при Госстрое СССР, Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т по градостр-ву. М.: Стройиздат, 1967. С. 4.

⁴ Архитектура: учеб. для студентов строит. вузов / под ред. Б. Я. Орловского. М.: Высш. шк., 1984. С. 5.

планировки, функционального зонирования города, создания сети коммунально-бытового обслуживания и т.д.¹

Действующий Градостроительный кодекс РФ (№ 190-ФЗ от 29.12.2004 г.) даёт следующее определение: «градостроительная деятельность – деятельность по развитию территорий, в том числе городов и иных поселений, осуществляемая в виде территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территории, архитектурно-строительного проектирования, строительства, капитального ремонта, реконструкции объектов капитального строительства, эксплуатации зданий, сооружений (пункт в редакции, введенной в действие с 1 января 2013 г. Федеральным законом от 28.11.2011 г. N 337-ФЗ)»².

Как видно из приведённых выше определений, суть понятия с годами не изменилась. Оно по-прежнему включает в себя две взаимозависимые категории деятельности: теория (подготовка различного рода документации – территориальное планирование, градостроительное зонирование, архитектурное проектирование, подготовка строительных документов) и практика (деятельность по созданию недвижимого имущества – строительство, ремонт, реконструкция, эксплуатация). Однако само понятие расширилось. На сегодняшний день понимание «градостроительства» (в ГК РФ – «градостроительной деятельности») не ограничивается рамками городов. Оно представляет собой сложный многоступенчатый процесс. К этапам территориального зонирования, проектирования и строительства добавилась эксплуатация. А отсюда вытекает целый пласт деятельности по охране, реконструкции зданий и сооружений, возникают темы сохранения историко-культурного наследия, охраны окружающей среды и пр.

Итак, градостроительство – это комплексный термин, который включает в себя целый ряд направлений. В данной работе важную часть изложения занимает такая составляющая градостроительной деятельности как «восстановление и реконструкция»³ или «капитальный ремонт и реконструкция объектов капитального строительства»⁴, что

¹ Архитектура Советской России / под ред. Ю. С. Яралова. М.: Стройиздат, 1975. С. 5.

² Градостроительный Кодекс РФ (с изменениями на 21 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/gradostroitelnyj-kodeks> (дата обращения: 2.12.2013 г.).

³ Градостроительство // Большая советская энциклопедия. Т. 12. С. 401.

⁴ Градостроительный Кодекс РФ (с изменениями на 21 октября 2013 г.).

обусловлено хронологическими рамками. В послевоенные годы основная задача государства заключалась в обеспечении населения жилой площадью, о новом строительстве говорили на перспективу. Началось составление генеральных планов, ведь разрушенные немецкие города необходимо было не просто восстановить для нормальной жизнедеятельности переселенцев, но и превратить в новые советские города.

Таким образом, градостроительная деятельность является важным фактором «закрепления» территориального и государственного устройства. Рассмотрение данного аспекта градостроительства особенно актуально для присоединенных территорий и представляет собой широкий простор для разработки в отечественной исторической науке. Перспективным в этом отношении представляется изучение градостроительства в послевоенные годы в Калининграде и Клайпеде.

Степень изученности темы. Объективное изучение градостроительства второй половины 1940-х – 1950-х гг. в советское время было затруднено рядом причин. Исследователи имели ограниченный доступ к архивным источникам местных и центральных архивов. Над оценками и выводами учёных довлела идеология, тон задавали апологеты официальной пропаганды.

В постсоветский период произошли позитивные перемены благодаря открывшимся перед исследователями возможностям более свободно и беспристрастно высказывать свою точку зрения. Калининградский регион и Клайпедский край привлекли внимание зарубежных исследователей, занимавшихся изучением истории Восточной Германии. В Калининграде наблюдается всплеск научного интереса к довоенной истории края и первому послевоенному десятилетию. Помимо материалов центральных архивов активно вводятся в научный оборот документальные собрания провинциальных архивохранилищ. В обрётшей независимость Литве, после периода некоторого охлаждения, в последние годы вновь возрождается интерес к недавнему советскому прошлому.

В отечественной и зарубежной историографии в последние годы разрабатывается направление изучения судьбы бывших прусских территорий. Предметом изучения выступают преимущественно демографические, административно-территориальные, политические аспекты. Гораздо хуже освещен региональный контекст государственной

градостроительной политики и архитектурно-проектной деятельности. Недостаточно разносторонне рассмотрена проблема отношения властей и населения Калининграда и Клайпеды к историко-культурному наследию.

Сказанное выше подтверждает обзор литературы.

Характеристика литературы. Фундаментальных работ, посвящённых комплексному исследованию истории градостроительства на территориях бывшей Восточной Пруссии, не существует. Однако имеется довольно широкий круг литературы, затрагивающий различные аспекты рассматриваемого направления. Градостроительная деятельность в Калининграде уже привлекала внимание зарубежных и отечественных учёных. В то время как для Клайпеды данная тема упоминалась эпизодически.

В советское время преобладающими темами в среде калининградских историков были штурм Кёнигсберга, становление промышленности и сельского хозяйства. В обзорном виде достижения в строительстве и жилищном хозяйстве Калининграда освещались в популярных изданиях¹ и упоминались в первых учебных пособиях по истории региона². В такой литературе отсутствовал исторический анализ, но содержались фактические и статистические сведения.

С 1991 г. была отменена цензура на тематику исследований. Появились публикации на ранее закрытые темы. Прежде всего, это издания учёных Калининградского государственного университета (КГУ)³, посвящённые различным вопросам послевоенного восстановления и развития края⁴. Со второй половины 1990-х

¹ Калининградская область: история, экономика, культура, природа / ред. З. Н. Глушкова. Калининград: Кн. изд-во, 1978 ; Калининградская область: Очерки становления и развития / К. Ф. Щёкин и др. Калининград: Кн. изд-во, 1988.

² Колганова Э. М., Колганов И. П. Самая западная: краткий очерк о Калининградской области. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1959 ; История края (1945 – 1950): учеб. пособие для студентов-историков Калинингр. ун-та / В.Г. Бирковский и др. Калининград: Изд-во КГУ, 1984 ; История Калининградской области (1951 – 1965): учеб. пособие для студентов-историков Калинингр. ун-та / В. Г. Бирковский и др. Калининград: Изд-во КГУ, 1986.

³ Сегодня – Балтийский федеральный университет им. И. Канта (БФУ им. И. Канта).

⁴ Кретинин Г. В. Военные комендатуры Кёнигсбергского особого военного округа в 1945 – 1946 годах // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 12. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 55 – 62 ; Его же. Ещё раз о военных комендатурах Кёнигсбергского особого военного округа в 1945 – 1946 годах // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 12. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 88 – 92 ; Его же. Советские военные комендатуры в Восточной Пруссии и немецкое население: октябрь 1944 – 9 мая 1945 года // Россия и Балтия. М.: Весь Мир, 2011. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений. С. 151 – 166 ; Маслов В. Н. Военные комендатуры – первые советские органы власти в Кёнигсберге // Кёнигсберг-Калининград: город, история: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 39 – 49 ; Его же. Временное гражданское управление Особого Военного округа (1945 – 1946) // Калининградской области 60: этапы истории, проблемы развития: сб. ст. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 67 – 76 ; Маслов Е. А. «Да, господин Аденауэр, у нас никто и не думает

гг. стали появляться обобщающие исследования по истории города и области, прежде всего – коллективная монография «Очерки истории Восточной Пруссии»¹, последние главы которой касаются послевоенного периода.

Особенностям восстановления Калининграда, психологии новых жителей Калининградской области посвящены работы д-ра ист. наук Ю.В. Костяшова. Автор использует широкий круг источников: анкеты переселенцев, сообщения средств массовой информации, архивные документы.² Развитие края в послевоенный период рассмотрено им в издании «Секретная история Калининградской области. Очерки 1945 – 1956 гг.»³. На основе документов секретных фондов центральных и местных архивов Ю.В. Костяшов составил картину жизни региона. Среди поднятых автором тем – проблемы восстановительной деятельности военных и гражданских органов управления, отношение власти и населения к немецкому архитектурному наследию и пр.

Начало систематической разработке вопросов советского градостроительства в Калининграде положила монография московского исследователя, кандидата искусствоведения И.В. Белинцевой «Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики (Гданьск, Калининград, Эльблонг)»⁴. В главе, посвящённой Кёнигсбергу и Калининграду, поднята проблема преемственности культур, рассмотрен характер взаимодействия «своего» и «чужого» в послевоенной архитектуре, освещён период восстановительного строительства, в том числе особенности первого генерального плана города. Систематически занимаясь архитектурой Восточной Пруссии (в большей степени) и Калининградской области, И.В. Белинцева опубликовала целый ряд статей

строить новые церкви». Культурная политика властей и духовные запросы первых калининградцев // Балтийские исследования. Восточная Пруссия и Калининградская область в XX веке: сб. науч. трудов / АНО НОЦ «Балтийская Европа». Калининград: Изд-во «НЭТ», 2009. Вып. 5. С. 69 – 93.

¹ Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшинкин, В. И. Гальцов и др. Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2004.

² Костяшов Ю. В. Переселенцы рассказывают // Запад России. 1996. № 1 ; Kostjasov J.V. Russen und Deutsche in Ostpreußen nach 1945 – Konfrontation oder Integration // Annaberger Annalen. 1999. Nr. 7. S. 161 – 172 ; Изгнание прусского духа: как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы // Костяшов, Ю. В. Изгнание прусского духа; Маттес, Э. Запрещённое воспоминание. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 7 – 80.

³ Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945 – 1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009.

⁴ Белинцева И. В. Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики (Гданьск, Калининград, Эльблонг) / Моск. гос. ун-т культуры и искусства, Высшая школа культурологии. М.: Высшая школа культурологи МГУКИ, 2002.

по этой проблематике¹. Автор вводит в научный оборот широкий круг источников, хотя, будучи искусствоведом, больше внимания уделяет культурологическим аспектам темы.

Празднование 750-летия Кёнигсберга (Калининграда) в 2005 г. способствовало новой волне публикаций. Судьбе довоенных памятников архитектуры посвятил исследование главный архивист Государственного архива Калининградской области А.П. Бахтин². Краеведы А.Б. Губин и В.Т. Салахов составили периодизацию градостроительной истории региона³, с которой в целом можно согласиться, за исключением определения авторами времени завершения восстановительного периода в Калининграде (1960 г.), так как выделение статичной границы представляется необоснованным. А.Б. Губин и в дальнейшем продолжил разрабатывать тему истории строительных организаций области и изучать проблемы жилищного строительства⁴.

В последние годы вышло несколько обзорных и энциклопедических региональных изданий. Двухтомник «Памятники истории и культуры Калининграда и Калининградской области»⁵ содержит вводную статью канд. ист. наук А.А. Кузнецова, представляющую собой обзор градостроительства Калининграда в 1945 – 2005 гг. Архитектурные объекты в соответствии с функциональным назначением распределены по соответствующим разделам книги. Издание снабжено фотографическим материалом. Четырёхтомный «Каталог объектов культурного наследия Калининградской области» содержит краткие сведения об официально принятых на государственный учёт памятниках истории и искусства. Первые два тома посвящены памятникам

¹ Публикации о Калининградской области: Белинцева И. В. Архитектурное наследие Восточной Пруссии как факт культуры послевоенного Калининграда // Мир культуры – культура мира. Материалы международной научно-практической конференции 18 – 19 мая 2005 г. М., 2005. С. 40 – 43 ; Её же. В поисках культурной идентичности (на материале архитектуры Калининграда и области в послевоенное десятилетие) // Вестник МГУКИ. 2007. № 5. С. 265 – 269 ; Её же. Культурный переворот: Кёнигсберг-Калининград в послевоенное десятилетие // Архитектура в истории русской культуры. М., 2005. Вып. 6: Переломы эпох. С. 332 – 357 ; Её же. Проблемы изучения архитектуры г. Советска Калининградской области (бывший Тильзит) // Архитектурное наследство. М., 2009. Вып. 50. С. 335 – 347.

² Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии: справочник / авт.-сост. А. П. Бахтин; ред. В. Ю. Курпаков. Калининград: Терра Балтика, 2005 ; Бахтин А. П. История замка Кёнигсберг // Калининградские архивы. Калининград, 2004. Вып. 6. С. 119 – 131.

³ Губин А. Б., Салахов В. Т. Кёнигсберг-Калининград: концепция градостроения // Кёнигсберг-Калининград: город, история. Сб. науч. статей. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 70 – 82.

⁴ Губин А. Б. «Калининградстрой»: этапы структурных преобразований // Калининградской области – 60: этапы истории, проблемы развития: сб. статей. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 90 – 105 ; Его же. Строительство жилья // Балтийский альманах. Калининград, 2007. № 7. С. 19 – 21 ; Его же. Исторические записки // Преголя: Приложение к «Балтийскому альманаху». Калининград, 2011. № 6. С. 5 – 66.

⁵ Памятники истории и культуры / рук. проекта и фот. Е. В. Менсон; ред. Е. Н. Войтехович. М.: Лето-Пресс, 2005. Т.1: Калининград, 2005.

архитектуры¹. Однако в издании встречаются фактические ошибки. В энциклопедическом справочнике «Кёнигсберг – Калининград»² в одном из разделов речь идёт об архитектуре. Советский период освещён скудно, обозначены лишь общие тенденции. К 65-летию Калининградской области в 2011 г. издан «Большой энциклопедический словарь Калининградской области»³. Он содержит краткие биографические справки о некоторых архитекторах, сведения о проектных и строительных организациях, органах управления градостроительством. Ценность представляет справочник «Малые города Калининградской области»⁴, так как история муниципальных городов мало изучена.

Названные обзорные издания богаты фактическим материалом, но имеют в основном прикладной, справочный характер, редко затрагивают теоретические и общенациональные аспекты градостроительной политики.

В отечественной историографии исследуемые в диссертации аспекты затрагивались в обзорном виде или в качестве второстепенной темы. В имеющейся литературе отсутствует рассмотрение градостроительных проблем города во взаимосвязи с общесоюзной ситуацией, с региональными условиями, недостаточно внимания уделено характеристике жилищно-коммунального хозяйства, работе первых архитекторов, роли личностей.

Тема калининградского градостроительства вызывает научный интерес у немецких учёных. П. Вёрстер в своём исследовании⁵, помимо истории государственной охраны исторических памятников в Калининграде, касается проблемы разрушений Кёнигсберга, – как в военные, так и в послевоенные годы. Автор довольно поверхностно рассматривает особенности советских генеральных планов Калининграда. Вторая часть его совместного с Г. фон Глински труда на русском языке содержит краткий параграф

¹ Каталог объектов культурного наследия Калининградской области / Науч.-произв. центр по охране, учёту и реставрации памятников истории и культуры Калинингр. обл; ред.-сост. А. М. Тарунов. М.: Науч.-инф. изд. центр, 2005. Т. 1. Памятники архитектуры. Город Калининград. 2005 ; Т. 2. Калининградская область (памятники архитектуры). 2005.

² Кёнигсберг-Калининград, 1255–2005: ил. энцикл. справ. / под общ. ред. А. С. Пржездомского. Калининград: Янтарный сказ, 2006.

³ Большой энциклопедический словарь Калининградской области / Б. Н. Адамов, В. А. Беспалов, В. И. Гальцов и др. / ред. В. Н. Маслов. Калининград: Аксиос: Балт. АГП, 2011.

⁴ Малые города Калининградской области: энциклопедический справочник / ред. А. П. Попадин; рец. А. А. Ярцев. Калининград: Аксиос, 2011.

⁵ Wörster P. Königsberg (Kaliningrad) nach 1945. Fragen der Denkmalpflege und der Gestaltung des historischen Stadtbildes // Dokumentation Ostmitteleuropa. Jahrgang 20. Heft 6. Marburg an der Lahn: Herder-Institut. 1994.

по восстановлению Калининграда¹. В центре внимания авторов связь прошлого и современности, отношения России и Германии. Издание содержит большое количество редких фотографий. Но, к сожалению, в тексте отсутствуют ссылки на источники.

В начале 2014 г. увидело свет русское издание книги немецкого архитектора, профессора Б. Кёстера². Ещё в 2000 г. книга вышла на немецком языке. Русскоязычному читателю она известна в переводе Алексея Шабунина с 2000 г., который был размножен и сброшюрован всего в ста пятидесяти экземплярах³. До выхода в свет этой монографии не было ни одной работы, которая бы произвела учёт и подробное описание сохранившихся немецких сооружений. Автор выделил этапы послевоенной застройки города. Первая фаза восстановления завершилась в начале 1960-х гг. В то же время исследователь ведёт «параллельную» периодизацию. Период 1945 – 1980-х гг. Б. Кёстер называет «третьей фазой» разрушения Кёнигсберга (первая фаза – август 1944 г, вторая – апрель 1945 г.)⁴. Вводная часть книги содержит некоторые неточности (которые характерны для зарубежных изданий в целом). Так, автор отмечает, ссылаясь на исследование П. Вёрстера, что первый генплан города был создан в 1949 г. (с. 10). Тогда как первый план застройки принят в 1953 г.⁵ Деятельность по охране памятников началась не в 1960 г. (с. 12), а уже в 1950 г., когда был составлен список памятников культуры общесоюзного и республиканского значения. Из довоенных объектов в него попала только могила И. Канта⁶. Но в 1950-е гг. велись работы по выявлению довоенных памятников архитектуры⁷. Кёнигсбергом город назывался до 1946 г., а не до 1948 г. (с. 13)⁸.

¹ Глински Г., Вёрстер П. Кёнигсберг – Калининград: Прошлое и современность. Берлин/Бонн: Весткройц-Ферлаг, 1996.

² Кёстер Б. Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени / пер. с нем. А. Шабунин. Калининград: Живём, 2014.

³ Кёстер Б. Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени / пер. с нем. А. Шабунин. Хузум, 2000. (Далее ссылки в данной работе сделаны по этому изданию).

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Гнатенко М. Каким мы хотим видеть Калининград. Несколько замечаний о застройке и планировке города // Калининградская правда. 1959. 5 апр. С. 3.

⁶ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 221. Л. 162.

⁷ Решение Калининградского облисполкома № 482 от 8 октября 1955 г. «О правилах застройки города Калининграда» // На переднем крае: к 60-летию становления и развития строительного комплекса Калининградской области. Калининград, 2009. Кн. 1: 1945 – 1990 гг. С. 252.

⁸ Митина Е. С. «Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени» // Калининградские архивы : материалы и исследования: сб. ст. / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. Вып. 11. С. 150 – 154.

Монография исследователя Б. Хоппе посвящена архитектуре Калининграда в 1946 – 1970 гг.¹. Автор считает, что период восстановления продолжался до 1970 г. Рубежом послужил снос руин королевского замка, начало высотного строительства. Б. Хоппе на основе материалов калининградских архивов и периодической печати ищет причины разрушения немецких зданий, рассуждает о проблемах восстановления, о символах нового советского города. Немецкий исследователь одним из первых ввёл в научный оборот целый ряд источников по градостроительству Калининграда. Главный мотив деятельности зодчих автор видит в отрицании немецкой истории и попытках стереть довоенные образы с лица города, что делает его рассуждения несколько однобокими². В работах есть неточности. Например, у автора генплан Москвы 1937 г. (на самом деле 1935 г.), Дмитрий Тянь (надо Дيسان Тянь) и т.п.

В 2012 г. издана монография берлинского архитектора М. Поделя «Архитектура Калининграда. Как Кёнигсберг стал Калининградом»³. Она написана на основе материалов докторской диссертации⁴, которую автор защитил в 2009 г. в Высшей технологической школе Цюриха. Примечательно, что в России подобных исследований пока не существует. Автор охватил практически весь XX в. (1917 – 1991 гг.). В отличие от краеведов А.Б. Губина и В.Т. Салахова, М. Подель первый период восстановления заканчивает 1954 г., началом хрущёвской эпохи. Исследователь использовал документы Государственного архива Калининградской области, публикации калининградской прессы, материалы интервью с архитекторами, привлёк большое количество литературы на немецком и русском языках. Работа изобилует иллюстративным материалом, картами-схемами, составленными автором. Однако в труде не хватает сравнительного анализа разных периодов градостроительства Кёнигсберга-Калининграда. Слабо проработан библиографический раздел. Диссертация Д.К. Навалихина ошибочно отнесена к числу печатных изданий, неправильно датирована (первый вариант – 1955 г.

¹ Hoppe B. Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946 – 1970. München, 2000.

² Хоппе Б. «Злой город» или часть собственной истории? Об отношении к немецкой архитектуре в Калининграде после 1945 г. // Кёнигсберг – Калининград: город, история: сб. науч. статей. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 82 – 91 ; Его же. Следы виртуальной истории в совершенно реальном городе [Электронный ресурс] / пер. С. Михайлова. Режим доступа: <http://art-guide.ncca-kaliningrad.ru/print.php3?aglang=rus&au=052hoppe> (дата обращения: 19. 08. 2012).

³ Podel M. Architektura Kaliningrada. Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde / M. Podel. Marburg: Verlag Herder-Institut, 2012.

⁴ Podel M. Architektura Kaliningrada 1917 – 1991. Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde: Inauguraldissertation für Doktorwürde: Nr. 18861; Eidgenössischen Technischen Hochschule Zürich. Zürich, 2010.

вместо 1954 г., второй вариант – 1958 г. вместо 1956 г.). Исследователю не удалось познакомиться с полным текстом работы, который хранится в Российском государственном архиве экономики¹.

В 2011 г. вышло фундаментальное сравнительно-историческое исследование польского социолога и историка А. Саксона по истории регионов бывшей Восточной Пруссии в XX в. – Клайпедского края, Калининградской области, Вармии и Мазур². Большая часть работы посвящена современному периоду. Вместе с тем автор компетентно излагает основные проблемы послевоенных лет, во многом одинаковые в рассматриваемых регионах. Особенно подробно останавливается на судьбах переселенцев, репатриантов, местных жителей на фоне восстановления промышленности, сельского хозяйства и политики советизации. А. Саксон продолжает разрабатывать тему отношения властей и населения к немецкому культурному наследию. В Калининградской области и Клайпедском крае для послевоенного пятилетия характерно его отрицание, в 1950-е гг. отношение начало меняться в сторону солидарности. По актуальному для данного сочинения периоду А. Саксон использует большое количество опубликованных исследований и в основном следует за выводами предшественников, не привлекая архивный материал.

Как можно заметить, основные спорные моменты в отмеченных выше отечественных и зарубежных исследованиях сводятся к вопросам периодизации. Больше всего внимания авторы уделяют проблемам отношения к историко-культурному наследию, особенностям советского градостроения.

История восстановления и реконструкции города Клайпеды в послевоенное время относится к числу наименее изученных тем в современных литовских, немецких и российских (калининградских) исследованиях. В целом, как отмечают калининградские исследователи д-р ист. наук Г.В. Кретинин и О.Г. Фёдорова³, история Клайпедского

¹ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 1. М., 1954. Машинопись // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 293. Оп. 3. Д. 220 ; Навалихин Д. К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. М., 1956. Машинопись // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 221 ; Навалихин Д. К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда: альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222.

² Sakson A. Od Kłajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzski, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury. Poznań: Instytut Zachodni, 2011.

³ Кретинин Г., Фёдорова О. Клайпедский край после окончания Второй мировой войны // Akta Historica Universitatis Klaipedensis. T. XVIII. Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytu Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos. Klaipėda: Klaipėdos universiteto Baltijos region istorijos ir archeologijos institutas, 2009. С. 254.

края в советское время рассматривалась в контексте общей истории Литовской ССР, либо ограничивалась рассмотрением социально-экономической и культурной сторон жизни. Исследования должны были соответствовать официальной идеологии, носить пропагандистский характер. Примерами таких работ могут служить издания «Возрождённый город»¹, «Освобождение Клайпеды»², «Литва за полвека новой эпохи»³ и т.д. Хотя, нередко, работы литовских советских историков и экономистов содержат обоснованную информацию – А. Дробниса, К. Мешкаускаса⁴, М. Шумаускаса⁵ и пр.

В постсоветский период в связи с новой политической ситуацией сформировались разные традиции в оценке событий военной и послевоенной истории Клайпеды. Российская историография действия Красной армии в январе 1945 г. в Мемеле оценивает с точки зрения освобождения территории от нацистов. При изучении послевоенной истории в первую очередь внимание уделяется вопросам восстановления хозяйства края, налаживания мирной жизни и т.п. В литовской историографии обращает на себя внимание резкое изменение некоторых оценок и выводов, относящихся к начальной истории советской Клайпеды. Так, если в литовской литературе советского периода вина за разрушение города возлагалась целиком и полностью на немцев, то в современной историографии поднят вопрос об ответственности Красной армии. Советское военное командование обвиняется в намеренном затягивании разминирования Клайпеды⁶. Период 1945 – 1990 гг. рассматривается преимущественно в негативном ключе, как период «оккупации», и даже «геноцида». Появились работы на ранее запретные темы сопротивления советской власти, репрессий и пр. Стоит отметить, что учебные издания по советской истории города Клайпеда отсутствуют. Однако и в последнее время делаются попытки изучать данный период без предубеждений, с объективной точки зрения⁷.

¹ Atgimęs miestas: Klaipėdos išvadavimo iš vokiškųjų fašistų okupuotų dešimtmečio proga: straipsnių rinkinys. *Возрождённый город: К десятилетию освобождения Клайпеды от немецко-фашистских захватчиков: сб. ст.* Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1955.

² *Освобождение Клайпеды.* Вильнюс: Изд-во «Минтис», 1975.

³ *Литва за полвека новой эпохи.* Вильнюс: Изд-во «Минтис», 1967.

⁴ Дробнис А. А., Мешкаускас К. А. 20 лет Советской Литвы (1940 – 1960 гг.). М.: Знание, 1960.

⁵ Шумаускас М. Ю. Достижения промышленности социалистической Литвы. Вильнюс: Гос.изд.полит. и науч.лит-ры, 1950.

⁶ Demereckas K., Safronovas V. *Klaipėda 1945 – 1965...* Klaipėda: Libra Memelensis, 2010. P. 297.

⁷ Kairiūkštytė N. *Klaipėdos ūkio atkūrimas pirmaisiais pokario metais (1945 – 1946 m.)* // Tarybinės Klaipėdos istorijos klausimai. Vilnius, 1977. P. 22 – 33 ; Kairiūkštytė N. *Klaipėdos kraštas ir jo ypatumai 1944 – 1947 metais* // Lietuvos istorijos metraštis: 2000 metai. Vilnius, 2001. P. 257 – 276 ; Safronovas V. *Vykdomoji valdžia ir jos kadru politiką*

В процессе работы над исследованием выяснилось, что в настоящее время деятельность военных комендантов по восстановлению города, вопрос взаимоотношений военных и гражданских структур, тема передачи власти от военного гражданскому управлению комплексно не изучены. Документы военной комендатуры города Клайпеда хранятся в Центральном архиве Министерства обороны РФ и доступ к ним иностранных исследователей затруднён. Российские историки до настоящего времени также не разрабатывали данную тему, не считая упоминаний в статьях Г.В. Кретинина¹.

С 1990-х гг. литовские, немецкие и российские авторы активно исследуют различные аспекты положения немецкого населения, репатриантов, судьбы «пруссских литовцев», социально-политические условия проживания гражданского населения Клайпеды во время «советской оккупации», проблему отношения к «новому дому»². Еще одна востребованная тема – вопросы советизации и русификации³.

Советской архитектуры города Клайпеды и её проблем впервые коснулся литовский архитектор П. Лапе в 1992 г.⁴ В 1950-е гг. он возглавлял комиссию Государственного архитектурного строительного контроля (Госархстройконтроль или ГАСК) в Клайпед. Автор рассуждает об ошибках в генеральных планах реконструкции города, о стилевых и конструктивных особенностях новых построек, о судьбе церквей и пр. В целом, П. Лапе приходит к выводу, что Клайпеда сохранила свой уникальный стиль, вобрав в себя архитектурные традиции различных исторических эпох.

Klaipėdos mieste 1945–1957 metais // *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. T. XI. Klaipėdos visuomenės ir miesto struktūros. Klaipėda: Klaipėdos uiversiteto Baltijos region istorijos ir archeologijos institutas, 2005. P. 113 – 125.

¹ Кретинин Г. В. Литва в составе СССР в 1940-х годах: государственно-правовые и экономические аспекты: ист. очерк. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009 ; Его же. Советские военные комендатуры в Восточной Пруссии и немецкое население: октябрь 1944 – 9 мая 1945 года // *Россия и Балтия*. М.: Весь Мир, 2011. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений. С. 151 – 166.

² Arbušauskaitė A. Das tragische Schicksal Ostpreußens nach 1945 im Lichte neuer Dokumente // *Annaberger Annalen*. 1995. Nr. 3. S. 6 – 19 ; Idem. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation // *Annaberger Annalen*. 1999. Nr. 7. S. 39 – 64 ; Mačiulskis M. Die Tätigkeit des MVD-MGB im Memelland in den Nachkriegsjahren (1945-1953) // *Annaberger Annalen*. 1999. Nr. 7. S. 65 – 94 ; Nikžentaitis A. Verloren und neu gefunden. Ein Blick auf die neue Heimat in Ostpreußen nach 1945: Einige einführende Bemerkungen über dieses Thema // *Annaberger Annalen*. 1999. Nr. 7. S. 13 – 28 ; Kibelka R. Ostpreußens Schicksalsjahre: 1944 – 1948. Berlin: Aufbau, 2001 ; Idem. Memellandbuch: fünf Jahrzehnte Nachkriegsgeschichte. Berlin: Basidruck, 2002.

³ Vareikis V. Klaipėda (Memel) in der Nachkriegszeit 1945 – 1953 // *Annaberger Annalen*. 1995. Nr. 3. S. 52 – 66 ; Idem. Klaipėda zwischen der Sowjetunion und der Litauischen SSR, 1945 – 1990 // *Nordost-Archiv*. Im Wandel der Zeiten: Die Stadt Memel im 20. Jahrhundert. Bd. 10. Lueneburg, 2002. S. 117 – 148 ; Safronovas V. Antrojo pasaulinio karo įvykiai Rytų Prūsijoje Klaipėdos krašto ir Kaliningrado srities atminimo kultūroje // *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. T. XVIII. Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės išvalgos. Klaipėda: Klaipėdos uiversiteto Baltijos region istorijos ir archeologijos institutas, 2009. P. 87 – 108.

⁴ Lapė P. Klaipėdos miesto pokario architektūra ir jos problemos // *Klaipėdos kultūros raidos bruožai*. Klaipėda, 1992. P. 93 – 98.

Общее представление об истории советского градостроительства и архитектуры города Клайпеда дали исследователи Й. Генис и Э. Андрияускас в параграфе научно-популярного издания «Клайпеда. Популярная история»¹. Исследователями сделана попытка выяснить причины разрушения зданий довоенной постройки после 1945 г., при этом особое внимание уделено судьбе старого города.

В книге «99 историй о Клайпедзе»² д-ра истории В. Варейкиса ряд «историй» касается урбанистического развития Клайпеды в послевоенные годы. Отдельную заметку автор посвятил судьбе памятников – немецких, литовских, советских³. На суждения д-ра В. Варейкиса оказывает влияние его приверженность официальной в современной литовской историографии точке зрения о советском периоде «оккупации» Литвы.

В книге д-ра гуманитарных наук В. Сафроноваса и краеведа К. Демеркаса «Клайпеда 1945–1965...»⁴ впервые предпринята попытка раскрыть градостроительное развитие послевоенной Клайпеды на основе архивных документов и собранных авторами из разных коллекций редких фотоматериалов. Исследователи приходят к выводу, что это развитие имело двоякий характер. С одной стороны, происходила расчистка города от развалин, создание урбанистических условий для нормального функционирования мирной жизни. С другой стороны, начался процесс разрушения памятников архитектуры, стирания исторического лица города. Издание представляет собой каталог фотографий с вводной научной статьёй.

Полстраницы посвятил советскому периоду истории архитектурного и градостроительного развития Клайпеды (с 1945 до 1980-х гг.) коллектив авторов социологического исследования «Беседы о Клайпедзе 1990 – 2010 гг.»⁵. Изложение ограничено тезисами об игнорировании немецкой истории города в советское время по идеологическим причинам, об изменениях в исторически сложившемся плане города. Судя по контексту, эти изменения заключались лишь в росте площади города «в длину», вдоль Куршского залива. В пояснительной сноске указано, что раздел написан на основе

¹ Genys J., Andrijauskas E. Klaipėdos urbanistika ir architektūra po didžiojo gaisro // Klaipėda. Istorija Populiariai. Klaipėda, 2002. P. 121 – 152.

² Vareikis V. 99 stories about Klaipėda. Klaipėda: Publishing Group DRUKA, 2009.

³ Vareikis V. Der Umgang mit Denkmälern in Klaipėda // Annaberger Annalen. 1999. Nr. 7. S. 95 – 100.

⁴ Demerckas K., Safronovas V. Op. cit. Klaipėda, 2010.

⁵ Kraniuskas L., Gedutis A., Acus A., Kraniuskienė S., Viluckienė J., Spiriajevas E. Klaipėdos diskursai 1990 – 2010 m.: sociologinė miesto tapatybių rekonstrukcija. Monografija. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2012. P. 79.

рассказов пяти архитекторов 35 – 67 лет, проживавших в Клайпеде после 1990 г. Вероятно, именно этой причиной вызвано невнимание к более чем 40-летнему периоду истории города.

В последнее двадцатилетие литовские учёные, рассматривая первые годы советской Клайпеды, больше внимания уделяют политической истории, проблемам миграции литовского и немецкого населения. Социально-экономические вопросы, тема восстановления и градостроительства мало исследованы. Отдельные аспекты затронуты в рамках учебных и научно-популярных изданий. В целом, можно отметить заострённость со стороны современных исследователей на негативных моментах деятельности советских властей в сфере градостроительства.

Среди современных калининградских учёных историей Литвы систематически занимается д-р ист. наук Г.В. Кретинин, который в соавторстве с О.Г. Фёдоровой проанализировал внутривнутриполитические, экономические, международные аспекты восстановления Клайпеды¹. Основываясь на уже предпринятых исследованиях и новых архивных источниках, авторы делают вывод, что экономика города комплектовалась силами и ресурсами советского государства, при этом «руководство Литовской ССР пользовалось полной свободой действий»². Сравнительную оценку послевоенного восстановления Клайпеды и Калининграда дала в своей статье О.Г. Фёдорова³.

Историографический обзор свидетельствует о росте исследовательского интереса к послевоенной истории Калининграда и Клайпеды. Общей чертой публикаций последнего времени является введение в научный оборот новых источников, ставших доступными в 1990-е гг., использование достижений зарубежной историографии. Комплексное сравнительное изучение градостроительной истории бывших немецких территорий, присоединённых к СССР, по сути, вообще не проводилось.

¹ Кретинин Г. В., Фёдорова О. Г. Государственно-правовые и экономические вопросы восстановления Клайпеды в послевоенные годы. К истокам трансграничного сотрудничества // Регион сотрудничества. Калининград, 2009. Вып. 1. Актуальные проблемы социально-экономического и политического развития Балтийского региона. С. 26 – 40 ; Их же. Клайпедский край после окончания Второй мировой войны // *Akta Historica Universitatis Klaipedensis*. Т. XVIII. *Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje: faktai ir istorinės įžvalgos*. Klaipėda: Klaipėdos uiversiteto Baltijos region istorijos ir archeologijos institutas, 2009. С. 252 – 263 ; Их же. От Литвы к Литовской ССР: предвоенные планы и послевоенная действительность (1939 – 1945) // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3. С. 159 – 178.

² Кретинин Г. В., Фёдорова О. Г. Клайпедский край после окончания Второй мировой войны // *Akta Historica Universitatis Klaipedensis*. Т. XVIII. Klaipėda, 2009. С. 262.

³ Фёдорова О. Г. Послевоенное восстановление Клайпеды и Калининграда: сравнения и оценки // Россия и Балтия. М., 2011. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений. С. 167 – 176.

Прежде чем приступить к анализу региональных аспектов советского градостроительства необходимо рассмотреть особенности государственной политики восстановления советских городов в послевоенные годы, дать характеристику переходному периоду от сталинской к хрущёвской архитектуре.

Официальный теоретик сталинской архитектуры М.П. Цапенко в своём труде, изданном в начале 1950-х гг., сформулировал устоявшиеся принципы зодчества, в основе которых лежал метод социалистического реализма, проявлявшийся в архитектуре идейностью содержания¹.

В хрущёвское время сталинская архитектура подверглась критике в связи с борьбой с «излишествами» и «украшательством»². В 1960 – 1980-е гг. общепринятый взгляд на историю послевоенного градостроительства и архитектуры, декларировавший достижения партии в строительстве, излагался в рамках специальной и справочной литературы. К таким изданиям, к примеру, относятся «Градостроительство СССР (1917 – 1967)»³, «Архитектура Советской России»⁴, «Всеобщая история архитектуры»⁵, учебники «Архитектура»⁶, «Советская архитектура: 1917 – середина 1950-х гг.»⁷, «История советской архитектуры»⁸.

Примечательно, что в специализированных периодических изданиях, таких как журнал «Архитектура СССР» и ежегодник «Советская архитектура» (издавались Академией архитектуры СССР) в номерах за 1950 – 1960-е гг. отсутствуют статьи о восстановлении присоединённых территорий, в частности о Калининграде и Клайпеде. Вероятно, по причине закрытого режима в приграничных городах. Зато каждый номер пропагандирует успехи советского государства в восстановлении и строительстве городов. В ежегодник «Советская архитектура» попадали здания, удостоенные Сталинской премии или конкурсных премий Управления по делам архитектуры Совета

¹ Цапенко М. П. О реалистических основах советской архитектуры. М.: ГИЗ по строительству и архитектуре, 1952.

² Советская архитектура: ежегодник. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1955. IV.

³ Градостроительство СССР (1917 – 1967). М., 1967.

⁴ Архитектура Советской России. М., 1975.

⁵ Всеобщая история архитектуры. М.: Стройиздат, 1975. Т. 12. Кн. 1.

⁶ Архитектура / под ред. Б. Я. Орловского. М., 1984.

⁷ Заварихин С. П. Советская архитектура: 1917 – середина 1950-х гг.: учебное пособие. Л.: ЛИСИ, 1984.

⁸ История советской архитектуры, 1917-1954: учебник / под ред. Н. П. Былинкина, А. В. Рябушкина и др. М.: Стройиздат. 1985.

Министров РСФСР и других республик. При этом в задачи издания не входило подробное исследование архитектуры сооружений.

Глубокие исторические исследования, ставившие целью выяснить истоки, раскрыть содержание, выявить последствия градостроительных решений послевоенных лет немногочисленны. Прежде всего, это труды д-ра архитектуры А.В. Иконникова¹. В годы перестройки, в 1988 г. вышел сборник, изданный Союзом архитекторов СССР, «Послевоенное восстановление городов», содержащий воспоминания архитекторов, исследовательские статьи и публикации документов².

Заслугой советской историографии можно считать её фактографический характер, что позволило использовать в работе рассмотренные издания.

Как уже отмечалось ранее, в постсоветский период в научный оборот начали вводиться многочисленные архивные источники. Архитектура стала рассматриваться не только как вид искусства, но во взаимосвязи с политическими и социально-экономическими процессами. В настоящее время главным центром исследований является Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТАГ РААСН). Однако тема сталинской архитектуры, послевоенного градостроительства до начала массовой типовой застройки только начинает разрабатываться отечественными исследователями. При этом их взгляды по отдельным вопросам довольно противоречивы.

Большой вклад в изучение советской архитектуры внёс А.В. Иконников³. Д-р архитектуры является автором теории «утопии» и «реальности». Архитектура, как и другие составляющие части культуры, подчинена утопическим целям. Содержание целей меняется во времени, но сам принцип подчинения остаётся. Согласно А.В. Иконникову, сталинская архитектура была направлена на создание «образов-ориентиров», несущих черты прекрасного коммунистического будущего. А.В. Иконников одним из первых поднял проблему использования опыта прошлого при

¹ Иконников А. В. Гуманистическая направленность советской архитектуры // Серия «Строительство и архитектура». № 1. М.: Знание, 1980 ; Журавлёв А. М., Иконников А. В., Рочегов А. Г. Архитектура Советской России. М.: Стройиздат, 1987.

² Послевоенное восстановление городов (по материалам совещаний 1985 г.): Сборник / Союз архитекторов СССР; отв. ред. Ю. П. Волчок. М.: СА СССР, 1988.

³ Иконников А. В. Архитектура XX века. Реальность и утопии: Сб. статей. М.: РААСН, 1996 ; Его же. Историзм в советской архитектуре, 1917 – 1954. М.: Стройиздат, 1997 ; Его же. Советская архитектура – реальность и утопии // Художественные модели мироздания: XX век. Взаимодействие искусств в поисках нового образа мира. М.: Наука, 1999. Кн. 2. С. 91 – 121.

решении «современных» (для рассматриваемого времени) задач архитектуры. Кроме того, автор рассматривает советскую архитектуру в мировом контексте.

В сферу научных интересов д-ра искусствоведения С.О. Хан-Магомедова входили архитектура народов Дагестана и советского авангарда 1920 – 1930-х гг. Но в последнее время исследователь затрагивал проблемы сталинского зодчества¹, которому давал высокую оценку. По мнению С.О. Хан-Магомедова, «сталинский ампи́р» является «одним из самых высокопрофессиональных этапов в истории русской архитектуры последних столетий»². Первая масштабная попытка коллективно осмыслить сталинскую архитектуру отечественными исследователями была предпринята на научной конференции, проведённой НИИТАГ РААСН в 2007 г., материалы которой опубликованы³.

Самое основательное исследование по истории советского послевоенного градостроительства провела д-р архитектуры Ю.Л. Косенкова. В монографии «Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов»⁴ исследователь анализирует различные аспекты восстановления и реконструкции городов в широких географических рамках, охватывающих практически все регионы страны. Автор приходит к выводу, что процесс послевоенного восстановления в СССР подобен эффекту «гаснувшей волны»: от серьёзных преобразований в разрушенных городах на западе к почти полному отсутствию реконструкции в удалённых от центра восточных районах. Однако специфика восстановления прибалтийских городов осталась за пределами повествования. Автор на основе исторического материала выявляет особенности архитектурно-градостроительного мышления рассматриваемого времени. Подробно останавливается на роли главного архитектора города. Особую ценность труду придаёт большой массив привлечённых архивных источников. Часть документов федеральных архивов по проблемам послевоенного градостроительства, проектированию и застройке городов СССР опубликованы в приложении издания.

¹ Хан-Магомедов С. О. «Сталинский ампи́р»: проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Научно-исслед. ин-т теории и истории арх-ры и градостр-ва; сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: КомКнига, 2010. С. 10 – 25.

² Там же. С. 24.

³ Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / Рос. акад. архитектуры и строительных наук / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М.: КомКнига, 2010.

⁴ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Особняком стоят работы, изданные в эмиграции. Советский и английский историк мирового искусства И.Н. Голомшток проанализировал истоки и особенности тоталитарного искусства (в том числе архитектуры) на примере сталинского СССР, гитлеровской Германии и муссолиниевской Италии¹. Профессор А.В. Иконников, напротив, отрицает возможность такого сравнения. По его мнению, советский неоклассицизм, в отличие от нацистской архитектуры, соответствовал настроениям массового зрителя. Вкусам бывших деревенских жителей, заселивших города в 1930-е гг., была ближе традиционная классика, а не авангард².

Архитектор Д.С. Хмельницкий в своих трудах³ настаивает на персональном характере истории, выявляет и доказывает личную роль И.В. Сталина в развитии архитектуры 1930 – середины 1950-х гг. Особое внимание уделено эволюции взглядов и психологии советских архитекторов, к 1940-м гг. полностью подчинённых главному заказчику И.В. Сталину. Советская архитектура рассмотрена опосредованно от общемировых тенденций.

В последние годы набирает популярность исследование региональных градостроительных вопросов, что, бесспорно, обогатит имевшие место до сих пор изыскания общего характера.

Градостроительное развитие провинциальной России с XVIII в. и до настоящего времени исследовано в монографии «Город в зеркале генплана»⁴, изданной Челябинским государственным педагогическим университетом. В круг изучаемых городов вошли крупные региональные центры и малые города Урала (Челябинск, Екатеринбург), Нижнего Поволжья (Пермь, Уфа), Юга России (Волгоград).

В процессе написания научной работы были прочитаны авторефераты диссертационных исследований, касающихся различных вопросов истории градостроительства послевоенного времени, в том числе на примере конкретных городов. Это труды И.Ю. Батурко⁵, И.В. Исаевой¹, Е.В. Конышевой², Ю.Л. Косенковой³.

¹ Голомшток И. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994.

² Иконников А. В. Историзм в советской архитектуре, 1917 – 1954. С. 428.

³ Хмельницкий Д. С. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2007 ; Его же. Зодчий Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

⁴ Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков / под ред. Е. В. Конышевой, С. А. Баканова, Л. В. Никитина. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008.

⁵ Батурко И. Ю. История градостроительной политики в Ленинграде: По материалам генеральных планов города с 1917 по 1991 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02; С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2005.

Зодчество Челябинска, Курска, Ленинграда, с одной стороны, достаточно полно, а, с другой стороны, с позиций провинциальных и столичного городов, отражает основные этапы, закономерности, типологические и стилистические особенности советской архитектуры, дополняя и расширяя, таким образом, общероссийскую картину.

В целом, исследования общего характера позволяют сформировать полное представление о советской градостроительной деятельности на региональном уровне с учётом как государственных, так и местных факторов и особенностей. Материалы истории Калининграда и Клайпеды дают возможность для всестороннего сравнительного изучения послевоенного градостроительного развития бывших немецких городов, отошедших к разным республикам Советского Союза по итогам Второй мировой войны. Тема актуальна как для Калининграда, так и для Клайпеды, поскольку в отечественной и зарубежной историографии только в последние годы начинает подвергаться серьёзному научному анализу история освоения этих территорий.

Объектом исследования является градостроительная деятельность советского государства в Калининграде и Клайпедке во второй половине 1940-х – 1950-е годы.

Предметом исследования выступает восстановительный период Калининграда и Клайпеды в общесоюзном градостроительном контексте.

Цель диссертационного сочинения заключается в сравнительном изучении градостроительного развития Калининграда и Клайпеды во второй половине 1940-х – 1950-е годы. Исходя из цели исследования, определены его *задачи*:

1. выяснить, насколько восстановительный процесс в Калининграде и Клайпедке был детерминирован господствовавшими в СССР градостроительными концепциями и директивами Центра, имело ли практическое градостроительство на изучаемых территориях какие-либо отличия от аналогичных процессов в других советских городах;

¹ Исаева И. В. История развития отечественного градостроительства в период 1943 – 1957 гг.: на примере Курской области: автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02; Кур. гос. техн. ун-т. Курск, 2009.

² Коньшева Е. В. Градостроительство и архитектура г. Челябинска конца 1920-х – середины 1950-х годов: автореф. дис. ...канд. искусствовед.: 17.00.04; С.-Петерб. гос. акад. инс-т живоп., скульп. и арх-ры им. И.Е. Репина. СПб., 2003.

³ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства: автореф. дис. ...доктора арх-ры: 18.00.01; НИИ теории арх. и градостр-ва Рос. акад. арх-ры и строит. наук. М., 2000.

2. определить социально-политические, экономические и исторические условия, обусловившие специфику архитектурно-градостроительного развития Калининграда и Клайпеды;

3. выявить и исследовать специфические особенности градостроительной деятельности в Калининграде и Клайпед;е;

4. проанализировать соответствие результатов архитектурно-строительной деятельности в городах бывшей Восточной Пруссии правительственным планам восстановительного периода.

Хронологические рамки исследования: 1945 – конец 1950-х гг. Нижняя граница определяется временем окончания боевых действий на рассматриваемых территориях, началом периода послевоенного восстановления. Выбор верхней границы обусловлен сменой векторов градостроительной политики СССР в их региональном выражении: переход от восстановления к массовой индустриальной застройке.

Территориальные рамки исследования охватывают бывшие немецкие города – Калининград и Клайпеду. По итогам Второй мировой войны они отошли к разным республикам СССР, что дает обширную почву для компаративного рассмотрения их градостроительного развития в двух плоскостях: «регион – регион», «регион – центр». Специфика советского государства заключалась в жесткой централизации. Все планы и проекты спускались с государственного на местный уровень, где так же царила чёткая иерархия. Поэтому и процесс градостроительного проектирования, принятия архитектурных решений был сосредоточен на областном (краевом) уровне. В административных центрах – Калининграде и Клайпед;е – располагались городские и областные (краевые) административные органы. Политика в областных городах строилась по примеру центра. Всё это обусловило выбор территориальных рамок диссертационного сочинения.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование осуществлено на основе научных принципов историзма и объективности, обоснованности при интерпретации источников во избежание тенденциозности и политизированности суждений.

В рамках культурцентристской исследовательской программы нельзя обойти вниманием присутствие субъектов и значимость их ценностных ориентаций в развитии градостроительной деятельности.

Системный подход позволил выявить закономерности и тенденции в истории градостроительства в Калининграде и Клайпеде в послевоенные годы, проследить причинно-следственные связи с общесоюзной градостроительной политикой (отношения подсистема-система).

С позиций пространственного измерения изучение вопросов на уровне микроистории позволяет дополнить имеющиеся макроисторические изыскания, сопоставить полученные выводы.

С точки зрения хронологического измерения градостроительная деятельность в Калининграде и Клайпеде во второй половине 1940-х – 1950-е гг. представляет собой часть истории более обширного периода. Небольшие экскурсы по ходу рассмотрения главных сюжетов в перспективном направлении (с 1960-х гг. до настоящего времени) способствуют лучшему пониманию темы, раскрывают её актуальность. Больше внимания уделено взаимосвязи рассматриваемого периода с предшествующим отрезком времени (межвоенный период). Речь идет о прямом влиянии исторических условий, о проведении исторических аналогий.

Междисциплинарный характер темы исследования, а именно связь с теорией архитектуры и градостроения, с искусствоведением предопределил необходимость изучения специального понятийного аппарата, его адаптации к историческому контексту; использование методов описания и интерпретации архитектурных проектов, схем. В то же время в диссертации как историческом исследовании не предусматривается глубокий анализ конструктивных и технических характеристик архитектурных проектов и планов.

В процессе сбора и накопления материала применялись общелогические методы исследования. В частности, метод интервьюирования позволил привнести в работу воспоминания и суждения людей – материалы устной истории. Важными для данного исследования стали эмпирические методы наблюдения, описания, необходимые для характеристики архитектурного наследия.

К специальным методам, используемым в диссертации, относятся сравнительно-исторический и сравнительно-типологический анализ, положенные в основу определения сходств и отличий градостроительного развития Калининграда и Клайпеды. В отношении статистического материала использовались элементы количественного анализа.

Источниковая база. Приоритетную группу при написании научной работы составили неопубликованные источники. Рассмотрим самый массивный и ценный корпус – *архивные материалы*. Изучены документы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Государственного архива Калининградской области (ГАКО), Научного архива Калининградского областного историко-художественного музея (НА КОИХМ) и его фондов (Фонды КОИХМ), Литовского государственного центрального архива (LCVA), Архива Клайпедского уезда (KLAA).

Большая часть документов подверглась целенаправленному изучению. В результате было выявлено, что практически отсутствует исследовательский интерес к материалам центральных архивохранилищ, к документам Клайпедского горисполкома. Таким образом, большая часть обработанных в диссертации документов ранее не публиковалась.

К трудностям, возникшим при работе с некоторыми архивными документами, следует отнести невысокую степень репрезентативности и однобокость. Зачастую, конкретный фактический материал сложно вычленишь из текста, чрезмерно насыщенного пропагандистскими высказываниями, плановыми показателями и завышенными отчётными данными. Документы местного уровня содержат грамматические и арифметические ошибки, искажения топонимов и фамилий. В Клайпедском архиве дела зачастую небрежно оформлены, загрязнены, присутствует путаница в нумерации страниц, нечётко указаны выходные данные. Так же, из-за особого режима пограничного города-порта вплоть до 1960-х гг. существовал официальный запрет на фотографирование в Клайпедке и Калининграде. Вследствие этого сохранилось сравнительно небольшое количество фотоматериалов второй половины 1940 – 1950-х гг.

Большая часть необходимых для раскрытия темы документов хранится в местных архивах – ГАКО, КЛАА. Но и центральные архивы содержат чрезвычайно ценные материалы.

Одним из главных источников исследования стали два варианта *кандидатской диссертации* (с альбомом фотоматериалов) первого главного архитектора Калининграда (в 1948 – 1953 гг.) Д.К. Навалихина, которые хранятся в фонде Академии архитектуры СССР РГАЭ (Ф. 293). Научное руководство осуществлял член-корреспондент Академии архитектуры СССР В.В. Семёнов-Прозоровский. Первая версия «К вопросу архитектурной реконструкции города Калининграда»¹ была написана в 1954 г., вторая редакция «К вопросу реконструкции центра города Калининграда»² – в 1956 г. Во втором варианте несколько изменилась структура работы. Появились предложения по организации движения транспорта, а также вслед за переменами в градостроительной политике государства идеи о микрорайонной планировке, типизации, индустриализации строительства и пр. Кроме того, как видно из названия, Д.К. Навалихин сузил территориальные границы до центральной части города. Ценность диссертации определяет то, что она написана очевидцем и непосредственным участником послевоенного восстановления Калининграда и области, более того руководителем городского органа управления архитектурой и строительством. Материалы исследования Д.К. Навалихина были использованы в небольшом параграфе «Культурный переворот: Кёнигсберг-Калининград» в монографии И.В. Белинцевой³. Фрагменты оказались доступны немецким исследователям Б. Хоппе и М. Поделю. Вероятно, именно по этой причине немецкие авторы первый вариант диссертации ошибочно датируют 1955 г., а второй – 1958 г., не указывают место хранения. Поэтому, фактически, в качестве одного из главных источников она впервые вводится в научный оборот. Альбом иллюстраций (приложение к диссертации)⁴ содержит схему первого генерального плана города Калининграда, различные проекты планировки центра,

¹ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 1. М., 1954. Машинопись // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220.

² Навалихин Д. К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. М., 1956. Машинопись // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 221.

³ Белинцева И. В. Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики (Гданьск, Калининград, Эльблонг). С. 124 – 130.

⁴ Навалихин Д. К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда: альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222.

снимки разрушенных и восстановленных зданий, проекты реконструкции строений и районов и пр. Часть иллюстраций проанализирована в исследовании.

Отдельно необходимо упомянуть коллекцию документов главного архитектора Калининграда Д.К. Навалихина, которая хранится в фондах и в научном архиве КОИХМ. Она включает как необходимые для анализа градостроительной деятельности в Калининграде *документы* («Справка о творческом пути и наследии Навалихина Дмитрия Константиновича, архитектора-художника, кандидата архитектуры, доцента по кафедре «Архитектурное проектирование планировки населённых мест»¹ с биографическими данными и информацией о периоде работы в Калининграде, доклад по диссертационной работе «К вопросу реконструкции центра гор. Калининграда»²), так и *изобразительные* источники (схема послевоенных разрушений города от 1 января 1947 г., схема застройки первой очереди Сталинградского проспекта 1949 г., *фотографии*, в т. ч. проектов реконструкции объектов)³.

Собранный архивный материал отличает видовое разнообразие.

Наиболее многочисленная группа архивных источников – *документы делопроизводства*. К *организационно-распорядительной документации* центральных и местных органов власти относятся решения, постановления, распоряжения, указы, их проекты. В частности, содержащиеся в фондах ГАКО материалы военных и гражданских органов управления города Калининграда и области: Временного управления по гражданским делам при Военном Совете особого военного округа (Ф. Р-332), Управления по гражданским делам Калининградской области (Ф. Р-298), Калининградского городского и областного советов народных депутатов и их исполнительных комитетов (соответственно Ф. Р-216, Ф. Р-297). Постановления и решения высших и местных партийных органов по восстановлению Калининграда хранятся в фонде Калининградского областного комитета КПСС (ГАКО, Ф. 1-П). Данный вид документации занимает обширный пласт материалов КЛАА в фонде Клайпедского городского совета народных депутатов и его исполнительного комитета (Ф. 104). Важную роль в анализе восстановления Клайпеды сыграли материалы LCVA.

¹ Научный архив Калининградского областного историко-художественного музея (далее – НА КОИХМ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 73. Материалы о первом главном архитекторе г. Калининграда.

² Навалихин Д. К. Доклад по диссертационной работе «К вопросу реконструкции центра города Калининграда» // Фонды КОИХМ. КГОМ1-12092.34.

³ Фонды КОИХМ. КГОМ1-12092.1 – 57.

Приказы Главного управления по строительству (Ф. Р-530), постановления СНК Литовской ССР (Ф. Р-755) использованы при рассмотрении деятельности строительных организаций, жилищно-коммунального хозяйства Клайпеды, вопроса об использовании труда военнопленных.

Важным источником разнообразной информации стали *протоколы заседаний* горисполкомов, местных отделений Союза архитекторов СССР, *доклады, пояснительные записки, проекты, правила, планы работ и отчёты, сметы, штатные расписания* региональных органов управления градостроительством, *внутриведомственная и межведомственная переписка*. В ГАКО это материалы названных фондов, а также Калининградского областного отдела по делам архитектуры (Ф. Р-520), Управления главного архитектора Калининграда (Ф. Р-522), Калининградской областной проектной конторы (Облпроект) (Ф. Р-164). Материалы по подготовке и рассмотрению генерального плана города Калининграда помимо документов перечисленных фондов содержит фонд Министерства городского строительства СССР (РГАЭ, Ф. 9510). Необходимые сведения были получены из годовых отчётов калининградских архитектурных органов в Госстрой РСФСР (ГАРФ, Ф. А-150). Информация о мероприятиях по восстановлению городского хозяйства Клайпеды была получена в протоколах заседания коллегии Министерства строительства Литовской ССР и её решениях, отчёте проектного института «Литгипрогорстрой» (Ф. Р-530); в недавно рассекреченных докладах фонда Совета министров Литовской ССР (Ф. Р-754).

Как правило, материалы, содержащиеся в местных и центральных архивах, дополняют друг друга. Это позволяет выявить «белые пятна», раскрыть спорные вопросы, от начала до конца проследить определённое событие или процесс. В основном, документы не дублируются.

Приведём такой пример. Материалы Калининградской организации Союза архитекторов СССР (Ф. Р-135) в ГАКО дополняют документы фонда Союза архитекторов СССР (Ф. 674) в РГАЛИ. Протоколы общих собраний архитекторов и строителей позволили понять градостроительную ситуацию в городе, выявить отношение к ней и к государственной политике местных специалистов. Доклады членов

Союза раскрыли спорные вопросы, проблемы, возникавшие в работе архитекторов и инженеров.

Нередко, наоборот, только центральные архивы содержат информацию по некоторым аспектам местного характера. Так, важным источником по градостроительству в Клайпеде стали материалы творческих встреч архитекторов Прибалтийских республик, Союза архитекторов Литовской ССР по обсуждению проектов планировки и строительства в городе¹, хранящиеся в РГАЛИ. В Клайпедском архиве практически отсутствуют материалы Управления главного архитектора города за вторую половину 1940-х – 1950-е гг., не считая нескольких документов в фонде горсовета и горисполкома (F. 104), таких как «Отчёт главного архитектора Клайпеды за 9 месяцев 1946 г.»², «Правила застройки города Клайпеда» 1954 г.³

Материалы делопроизводства имеют большое значение в раскрытии темы, помогают выявить причины решений, проследить ход событий, оценить их последствия. В целом они обладают разной степенью достоверности, но комплексный подход в большинстве случаев позволяет извлечь наиболее объективную информацию.

Ранее уже отмечалось, что сохранилось небольшое количество *фотодокументов*. В фонде Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР (РГАЭ, Ф. 9432) хранятся фотоиллюстрации работы инспекции Госархстройконтроля в Клайпеде во второй половине 1940-х гг. Фотоматериал (опубликованный и неопубликованный) из фондов Калининградского областного историко-художественного музея и Музея Малой Литвы (Клайпеда) с видами городов помог представить и оценить степень разрушений, проиллюстрировал процесс восстановительных работ.

Как уже было сказано, осложняют работу с источниками проблемы достоверности информации и репрезентативности. В этой связи ценную группу в дополнение к официальным документам составили записанные интервью с архитекторами Л.В. Черкасовой, В.Н. Адриановым, Ю.М. Вагановым о событиях послевоенного десятилетия. Они, как и многие архивные документы, впервые вводятся в

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 674. Оп. 3. Д. 608, 756.

² Klaipėdos apskrities archyvas (далее – KLAА). F. 104. Ap. 1. B. 1. L. 1 – 2.

³ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 213. L. 62 – 89.

научный оборот. Интервью оформлены надлежащим образом и сданы в научный архив КОИХМ¹.

В связи с утратой архивов некоторых учреждений («Калининградгражданпроект»), личных архивов архитекторов и строителей, поиск материала осуществлялся в городском архиве администрации городского округа «Город Калининград», в архиве муниципалитета города Клайпеда с целью найти личные дела, генеральные планы, проектную документацию, иные материалы по теме. Но, к сожалению, такие документы по рассматриваемому хронологическому периоду по каким-то причинам не сохранились.

В целом, архивные документы имели первостепенное исследовательское значение в данной работе по сравнению с опубликованными.

К *опубликованным* источникам относятся материалы тематических *сборников документов* из местных архивов. Среди них – «Самая западная»², «В начале нового пути»³. Кроме того, научные статьи и документы опубликованы в изданиях «Калининградские архивы»⁴, «Балтийский альманах»⁵.

В *постановлениях партии и правительства, местных органов власти*, принятых в 1945 – 1950-х гг., отражена политика государства в области градостроительства, определившая направления будущего развития городов. Появление законодательного акта тут же отражалось как на тоне обсуждений в архитектурно-инженерной среде, так и на строительной практике. К примеру, принятие серии постановлений 1954 – 1955 гг., сменивших вектор градостроительной политики, тут же прослеживается в выступлениях членов региональных отделений Союза архитекторов, в газетных публикациях. Напомним, что Д.К. Навалихин отредактировал свою диссертацию в 1956 г., на что, несомненно, повлияла смена политического курса.

Количественные данные были получены из ряда источников: *статистических сборников*⁶, опубликованных и неопубликованных архивных материалов (докладных

¹ НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 72.

² Самая западная: сб. док. и материалов о становлении и развитии Калинингр. обл. Калининград, 1980. Вып. 1. 1946 – 1952; Вып. 2: 1952 – 1961 гг. Калининград: Кн. изд-во, 1987.

³ В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / Сост. В. Н. Маслов. Калининград, 2004.

⁴ Калининградские архивы: Материалы и исследования. Калининград, 2000. Вып. 2; Калининград, 2001. Вып. 3.

⁵ Балтийский альманах. Калининград, 2002. № 2; Калининград. 2007. № 7.

⁶ Калининградская область в цифрах. 1946 – 1967 / сост. Д. К. Пчёлкин. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1967; Калининградская область в восьмой пятилетке: стат. сб. / Стат. упр. Калинингр. обл.; сост. А. Кускова.

записок из учреждений государственной статистики, различных ведомств в партийные и в советские организации, отчётных докладов на сессиях Калининградского и Клайпедского горсоветов), *газетных публикаций*. Сведения из разных источников иногда существенно отличаются. По замечанию краеведа А.Б. Губина, это можно объяснить влиянием нескольких факторов: уточнением показателей, привлечением оперативных данных, субъективными причинами, изменением методов статистических наблюдений¹. А.Б. Губин отметил, что особенность статистической отчётности до 1955 г. заключается в том, что сведения о «прибытии» жилой площади включали в себя как фонд жилья во вновь построенных зданиях, так и дома, принятые на городской баланс от ведомственных организаций (например, от воинских частей, отдельных предприятий). Кроме того, в первые послевоенные годы преобладают показатели ввода жилой площади (т.н. полезной площади жилых помещений)². В то же время встречаются данные о жилом фонде (общей площади жилых и вспомогательных помещений). Это вносит путаницу и усложняет количественный анализ. А.Б. Губин провёл большую и основательную работу по сбору статистических данных о жилищном хозяйстве Калининградской области. Сводную таблицу он привёл в публикации «Строительство жилья»³.

В Клайпедке подобной работы не проводилось. Статистические сведения, содержащиеся в архивных документах, зачастую недостаточно репрезентативны и достоверны. Как и в случае с Калининградом сложно выявить о полезной или общей жилой площади идёт речь. Кроме того, в советских статистических документах нередко были случаи приписок к государственной отчётности, которые делали с целью декларирования выполнения и перевыполнения плана.

В целом имеющиеся сведения дают общее представление о развитии рассматриваемых территорий.

Существенную группу источников составляют материалы *прессы*, содержащие сообщения о происходивших событиях, воспоминания очевидцев. Поиск

Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1972 ; Народное хозяйство Калининградской области: стат. сб. / ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Калинингр. обл. ; ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Калинингр. обл. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1961.

¹ Губин А. Б. Строительство жилья.

² Там же.

³ Там же.

калининградских публикаций помогло осуществить издание «Летопись Калининградской области»¹. Главным образом были проанализированы статьи местных периодических изданий – «Калининградская правда», «Советская Клайпеда». Просмотрены выпуски клайпедской газеты «Raudonasis Svyturys», материалы центральных органов печати – газет «Правда», «Tiesa». Особенностью данного источника является то, что публикации носят пропагандистский характер, имеют ярко выраженную идеологическую окраску. Большой процент составляют законы, постановления союзных и республиканских органов власти, обращения государственных деятелей. Новости относительно советской действительности отличает исключительно позитивный настрой. Нередко информация недостоверна, количественные и качественные показатели завышены. В то же время присутствует полезная информация о темпах строительных работ, недостатках работы организаций, проектах и планах восстановления и пр.

Кроме того, были изучены и опубликованные воспоминания участников становления городов – строителей, архитекторов, политических и общественных деятелей². Ценный материал был получен из сборника «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев»³, составленного на основе более 300 интервью переселенцев с привлечением архивных документов и газетных публикаций. Интервью были собраны группой учёных и студентов КГУ под руководством д-ра ист. наук Ю.В. Костяшова. Эта книга вышла также на немецком⁴ и польском⁵ языке. Материалы интервью и полная рукопись книги хранятся в фондах Калининградского областного историко-художественного музея⁶. В данной работе, наряду с опубликованными беседами,

¹ Летопись Калининградской области / С. П. Гальцова, И. А. Гордеев, Л. А. Ефремов и др. Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2005. Т. 1: 1945 – 1976.

² Денисов В. В. Калининград – судьба моя: лит.-публ. сб.; авт.ст. Н. Горбачева, В. Кожемяко; ред. Н. Н. Глущенкова; фот. В. Г. Мокеенко, В. В. Денисов. Калининград: Кн. изд-во, 2001 ; Минакова Р. Д. Пейзаж цвета времени: худож.-ист. повествование. Калининград: Янтарная летопись, 2007 ; На переднем крае: к 60-летию становления и развития строительного комплекса Калининградской области. Калининград. 2009 ; Pužauskas M. Mes statėme Klaipėda. Klaipėda, 1998 ; Pužauskas M. Darbas saulę palydėdavo. Klaipėda, 2001.

³ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / С. П. Гальцова, А. Н. Гедима, М. А. Клемешева и др.; рук. авт. кол. Ю. В. Костяшов. СПб.: Изд-во «Бельведер», 2002 ; Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. 2-е изд., испр. и доп. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

⁴ Als Russe in Ostpreussen. Sowjetische Umsiedler über Neubeginn in Königsberg/Kaliningrad nach 1945/ Hrsg.: Eckhard Matthes; Aus dem Russischen von Arne Ackermann. Ostfildern: Tertium, 1999.

⁵ Przesiedleńcy opowiadają: Pierwsze lata Obwodu Kaliningradzkiego we wspomnieniach i dokumentach. Olsztyn, 2000.

⁶ НА КОИХМ. Б/н. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. 1945 – 1950 гг. / ред. Ю. В. Костяшов, Ю.И. Матюшина, А. Н. Попадин. Калининград, 1992. Машинопись. Т.1 ; Фонды КОИХМ. КГОМ2-11880. 1.

использована часть неопубликованных. Особую помощь данный материал оказал в определении отношения переселенцев к немецкому архитектурному наследию, в выявлении жилищно-бытовых проблем и способах их решения.

Исследование межвоенного периода градостроительства в Калининграде и Клайпеде во многих моментах базировалось на *мемуарной литературе*¹. Воспоминания, записи бесед, безусловно, не лишены субъективизма. Они несут отпечаток как личных взглядов и впечатлений авторов, интервьюируемых, так и рецензентов, редакторов, интервьюеров. Тем не менее, они позволяют погрузиться в историческую атмосферу, увидеть происходившее глазами свидетелей, сопоставить их оценки с другими источниками и, в конечном итоге, сделать обоснованные выводы.

В целом источниковая база исследования позволяет реализовать заявленную цель и решить поставленные задачи, рассмотрев предмет исследования с различных сторон.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования определяются тем, что впервые предпринята попытка сравнительного изучения восстановительного периода в градостроительном развитии бывших немецких территорий, вошедших в состав разных республик СССР после Второй мировой войны, ныне входящих в состав разных государств, во взаимосвязи с общесоюзным архитектурно-градостроительным контекстом. Поднят вопрос рассмотрения градостроительной деятельности как одного из факторов «оформления» национально-государственной принадлежности вновь присоединённых территорий. Введён в научный оборот ряд неизвестных документов из местных и центральных архивов, интервью архитекторов, на основе которых сделаны собственные выводы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Послевоенное восстановление Калининграда и Клайпеды происходило в соответствии с общесоюзными градостроительными тенденциями, согласно которым архитектура была выражением идеологии и политики Советского государства. Присоединённые города в

Интервью первых переселенцев, прибывших в Калининградскую /Кёнигсбергскую/ область в 1945 – 1946 гг. Калининград, 1991. Машинопись. Т. 11 ; КГОМ2-11880.2. Интервью первых переселенцев в Калининградскую область в 1947 и последующие годы. Калининград, 1991. Машинопись. Т.12.

¹ Аккерман П. А. Месяц в штабе армии // Костяшов Ю., Кретинин Г. Россияне в Восточной Пруссии. Калининград: ФГУИПП «Янтар.сказ», 2001. Ч. 2. Дневники, письма, записки, воспоминания. С. 216 – 223 ; Гумилёв Н. С. Записки кавалериста // Там же. С. 227 – 231 ; Минцлов С. Р. По Ливонскому рубежу // Там же. С. 233 – 234 ; Твардовский А. Т. Родина и чужбина // Там же. С. 249 – 252.

начале своего пути в составе СССР находились примерно в равных градостроительных условиях.

2. Градостроительная деятельность является важным фактором государственного «закрепления» на присоединённых территориях.
3. Принадлежность к разным союзным республикам Калининграда и Клайпеды объясняет отличия в темпах и способах восстановления, различное отношение к историко-культурному наследию.
4. Первые генеральные планы, разработанные для присоединённых прибалтийских городов, в основном носили утопический характер и не были реализованы.
5. Базовые направления строительства городов и основы их будущего облика были заложены в послевоенные годы. В то же время, как на практике, так и в проектах сохранялась преемственность городской среды.

Прикладная ценность полученных результатов заключается в том, что данный труд может стать составной частью обобщающих работ по истории градостроительства в Калининградской области, советского градостроительства на бывших немецких территориях, по истории восстановления присоединённых к СССР территорий. Возможно использование основных положений и выводов исследования для решения актуальных вопросов региональной архитектуры и градостроительства. Материалы диссертационного сочинения могут быть востребованы в преподавании курса истории края (как в вузе, так и в школе), а также специального курса по истории и культуре Прибалтики в XX в. Кроме того, положения диссертационной работы имеют перспективу быть использованными в качестве основы для совместных исследований с учёными Клайпедского университета, городского музея, результатом которых может стать научное издание, международная выставка.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы обсуждались на кафедре специальных исторических дисциплин и региональной истории исторического факультета Балтийского федерального университета им. И. Канта в 2009 – 2014 гг. Результаты исследования отражены в семи статьях, три из которых опубликованы в научных журналах, входящих

в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.¹ Кроме того, материалы научного исследования были использованы при подготовке передвижной выставки «История архитектуры Калининграда в лицах» в Калининградском областном историко-художественном музее (сентябрь 2010 г.). Выставка экспонировалась в образовательных и культурных учреждениях Калининграда и городов области, была показана на архитектурном фестивале «Неслучившееся будущее» 30.09 – 03.10.2010 г., посвящённом 60-летию калининградского отделения Союза архитекторов России. Результаты исследования доложены на X и XI Всероссийских студенческо-аспирантских научно-практических конференциях «Региональная история. Краеведение. Москвоведение» в Российском государственном гуманитарном университете (г. Москва): 30 мая 2012 г. в докладе «Восстановительный период на новых территориях запада СССР на примере Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.)»; 26 апреля 2013 г. в докладе «Социально-политические условия послевоенного восстановления городов новых территорий запада СССР». Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Структура исследования включает в себя введение, три главы, заключение, список источников и литературы и приложения. Деление исследования на главы произведено по проблемно-хронологическому принципу. В приложении помещены схемы, диаграммы, проекты, фотографии, а также список современных названий городов Восточной Пруссии, упомянутых в работе.

¹ Митина Е. С. Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. С. 71 – 76 ; Её же. От немецкого Мемеля к советской Клайпед (восстановление города в первое послевоенное десятилетие) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2011. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. С. 88 – 92 ; Её же. Послевоенное градостроительство в Калининградской области по воспоминаниям архитектора Л. В. Черкасовой // Калининградские архивы: материалы и исследования: науч. сб. / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. Вып. 9. С. 181 – 192 ; Её же. Восстановительный период на новых территориях запада СССР на примере Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.) // Региональная история. Краеведение. Москвоведение: Сб. мат-ов VII-X Всероссийских научно-практических студенческо-аспирантских конференций. М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. Вып. 2. С. 87 – 92 ; Её же. Градостроительство в Восточной Пруссии в межвоенный период // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. Вып. 6: Гуманитарные науки. С. 129 – 134 ; Её же. «Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени» // Калининградские архивы : материалы и исследования: сб. ст. / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. Вып. 11. С. 150 – 154 ; Её же. Первые градостроительные проекты Калининграда (1946 – первая половина 1950-х годов) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей: сб. науч. статей. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. Вып. 8. С. 51 – 58.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОРОДОВ БЫВШЕЙ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

1.1 Особенности политики послевоенного восстановления городов в СССР

За годы Великой Отечественной войны в СССР были разрушены более 70 тыс. деревень и сёл, 1710 городов и посёлков городского типа. Более 25 млн. людей остались без крыши над головой. Только в Российской Федерации пострадало 500 городов, половина довоенного жилого фонда была уничтожена¹. Старейшие русские города лежали в руинах. В Новгороде сохранилось всего 40 домов²! Сталинград фактически пришлось строить заново. В Смоленске было разрушено 93 % всего жилого фонда³, в Пскове – более 94 %⁴. Невосполнимый ущерб был нанесен памятникам истории и культуры.

В послевоенное десятилетие происходила реанимация разрушенной экономики страны, а в градостроительном плане форсированное восстановление и реконструкция населённых пунктов. Предварительно необходимо было ликвидировать боеприпасы, баррикады, провести разминирование и санитарную расчистку городских территорий, разобрать завалы и аварийные объекты.

Основная задача послевоенного пятилетнего плана заключалась в том, чтобы восстановить районы страны, подвергшиеся оккупации, достичь довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства и превзойти их. Градостроительная политика государства была нацелена на восстановление жилого фонда, коммунального хозяйства и промышленных предприятий с учётом максимальной экономии всех видов затрат, с ориентацией на местные материальные и трудовые ресурсы. Перед архитекторами-проектировщиками стояла непростая проблема. Её суть в 1945 г. сформулировал президент Академии архитектуры В.А. Веснин: необходимо «...не просто восстанавливать разрушенное, механически копируя недочёты, имевшиеся в прежней планировке и застройке городов, а в том, чтобы создать города, ансамбли и

¹ Архитектура Советской России. М., 1975. С. 20 – 21.

² Там же.

³ Манина А. Восстановление 15 русских городов // Архитектура СССР. 1975. № 5. С. 34.

⁴ Журавлёв А. М., Иконников А. В., Рочегов А. Г. Архитектура Советской России. С. 179.

отдельные здания ещё более красивые и величественные, чем они были до разрушения»¹.

Уже 21 августа 1943 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации». В сентябре 1943 г. для руководства основными работами по восстановлению городов был организован Государственный комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР. Для руководства местными архитектурными органами и решения вопросов планирования 21 декабря 1943 г. создано Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР². Таким образом, с оформлением организационно-управленческого аппарата гражданское строительство было отделено от военно-промышленного³.

В 1942 – 1944 гг. велась разработка проектов реконструкции крупнейших городов, пострадавших в результате военных действий, – Ленинграда, Сталинграда, Смоленска, Новгорода, Калинин, Воронежа, Севастополя и др. 1 ноября 1945 года СНК СССР принял постановление № 2222 «О первоочередном восстановлении 15 русских городов», сильно пострадавших в войну, расположенных вдоль всей западной границы России – от Мурманска до Севастополя. Несмотря на то, что правительственное постановление касалось 15 городов, принципы и порядок восстановления, в нём заложенные, распространились на все города.

Постановление имело важное идеологическое значение. Выбор городов носил символический характер, так как были выделены центры на западной границе, связанные с выдающимися событиями отечественной истории. Их возрождение должно было стать утверждением неприступности границ и архитектурным прославлением Победы. Поэтому повсеместно первоочередное значение отводилось проектированию и возведению монументов во славу Красной армии. Постановление имело и экономическое значение, так как все эти города – крупные областные и краевые центры. Восстановление предполагало возрождение промышленного производства, транспортных связей. В то же время союзные и республиканские наркоматы получили предписание оказать помощь городским властям в возрождении хозяйства.

¹ См.: Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 41.

² История советской архитектуры. М., 1985. С. 175.

³ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 191.

Таким образом, восстановление жилых и общественных зданий фактически осуществлялось за счёт ведомств, в которых были сосредоточены финансовые и материально-технические ресурсы. В результате появилась параллельная централизованной системе, система управления городской застройкой через промышленные ведомства. Положительные стороны сложившейся ситуации ясны. К отрицательным последствиям относится то, что строительство в городах концентрировалось вокруг промышленных объектов. Центральные улицы и площади оставались незастроенными до начала 1950-х гг. Кроме того, крупные ведомства, с целью максимальной экономии, не считались с нуждами города, средства на благоустройство, сферу обслуживания зачастую не выделялись. Задачи индустриализации вели к пониманию города как «поселения при производстве»¹. Этой концепции противостояла идея строительства «городов-ансамблей»², также заложенная в постановлении «О первоочередном восстановлении». Таким образом, в градостроительную политику изначально было заложено противоречие. Особенно трудно было бороться с этими тенденциями архитекторам на местах.

Восстановление городов следовало проводить на основе утверждённого идейно-художественного решения, заключённого в генеральном плане. Разработкой генпланов занимался московский Государственный институт по проектированию городов (Гипрогор), находившийся в системе Комитета по делам архитектуры при СНК СССР. В работе по восстановлению городов, вошедших в список 15 первоочередных, Гипрогор руководствовался проектными предложениями Государственных архитектурных мастерских, организованных в 1943 г. Мастерскими руководили академики архитектуры А.В. Щусев, Г.П. Гольц, М.Я. Гинзбург, Н.Я. Колли и др. В годы войны институт потерял свои архивы. Кроме того, работу осложняла нехватка архитекторов высшей квалификации. Дефицитные кадры были задействованы в формировании новых научных учреждений (Институт градостроительства Академии архитектуры СССР и др.). В основном работала только что окончившая вузы молодёжь³. Постепенно с 1944 г.

¹ Там же. С. 186.

² Там же. С. 191.

³ Сладков Д. В. Организация работы Гипрогора в годы послевоенного восстановления городов // Послевоенное восстановление городов (по материалам совещаний 1985 г.). М., 1988. С. 105 – 106.

происходило возвращение специалистов из эвакуации. В 1944 г. Академия архитектуры насчитывала всего 22 действительных члена и 38 членов-корреспондентов¹.

Проектирование шло ускоренными темпами. За десять послевоенных лет Гипрогор разработал около 300 генеральных планов. В 1956 г. из всех городов РСФСР генпланы имело только 294 города, т.е. 40 %². Постоянное расширение объёмов проектирования, переход к реконструкции тыловых восточных районов страны приводили к тому, что разработка генпланов часто осуществлялась вдали от городов.

Восстановление и новое строительство велись параллельно. В связи с этим основная нагрузка градостроительной деятельности падала на плечи главных архитекторов. Важно было наладить взаимодействие и согласованность действий центрального (Гипрогор) и местного (главный архитектор) звена. Здесь опять напоминала о себе кадровая проблема дефицита проектировщиков и технического персонала. Например, в Сталинграде архитектурно-планировочная мастерская при Управлении главного архитектора насчитывала в 1946 г. всего 43 специалиста при утверждённой численности штата в 150 человек³. Как отмечает исследователь Д.В. Сладков, сложившаяся ситуация явилась закономерной причиной того, что ряд послевоенных проектов отличался низким качеством⁴.

Именно по причине существовавших проблем, а также в связи с отсутствием законодательных механизмов, регулировавших градостроительство, большое значение приобретала роль личности главного архитектора города. Согласно исследованию Ю.Л. Косенковой, статус руководителя городской архитектуры был повышен во время войны⁵. До 1940 г. главные архитекторы имелись не во всех городах и состояли в штате системы коммунальных служб, подчиняясь заведующему горкомхозом. В октябре 1944 г. СНК СССР утвердил разработанное Комитетом по делам архитектуры «Положение о главном архитекторе города», существенно расширившее его функции и организационную роль. Фактически, он стал главной фигурой в городе, контролировавшей вопросы восстановительного строительства и проектирования,

¹ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 43.

² Важнейшие задачи советских градостроителей. Беседа с секретарём правления Союза архитекторов СССР т. В. А. Шквариковым // Советская Клайпеда. 1956. 6 янв. С. 3.

³ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 116.

⁴ Сладков Д. В. Указ. соч. С. 105.

⁵ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 114 – 115.

причём зачастую не только в областном центре, но и во всей области. Он подчинялся непосредственно председателю горисполкома. На творческих позициях послевоенных зодчих основывались проекты восстановления городов и их реализация.

В то время как маститые столичные архитекторы разрабатывали генпланы, главные архитекторы решали насущные потребности городов. На плечи зодчих также ложилась важная задача адаптировать генплан к местным условиям при разработке схемы первой очереди застройки и проекта центра. Таким образом, градостроительная работа строилась от общего к частому, из центра – к периферии.

Архитектура как один из видов искусства являлась орудием идеологии. Принципы проектирования городов, архитектурно-стилевые особенности оформления зданий и сооружений в условиях командно-административной системы управления определяли высшие партийные инстанции и лично И.В. Сталин. Президент Академии архитектуры СССР В.А. Веснин в одном из докладов, озвученных в 1947 г., выразил суть понимания советским руководством архитектурно-градостроительной деятельности: «Наша наука должна быть теснейшим образом связана с политикой нашего государства, служить его целям, быть мощным орудием его политики»¹. Тоталитарная система жестко пресекала и контролировала попытки проявления всякого рода индивидуальности и отступления от официальных общеобязательных норм. В искусстве господствовал метод «социалистического реализма», его стиливым выражением в архитектуре был «сталинский ампир». Стиль подразумевал обращение к разным направлениям прошлых эпох, «взятым в их умелом творческом применении к современным условиям развития»². Особое значение отводилось русской средневековой архитектуре и русскому классицизму, символизирувавших непрерывность исторических традиций³. Остальные стили были объявлены реакционными и враждебными. В целом «сталинский ампир» вобрал в себя черты барокко, ампира, классицизма, ар-деко. В основу теоретических концепций были положены принципы традиционализма и историзма⁴. Настроения, порождённые Победой, способствовали тому, что после войны

¹ Цит. по: Косенкова Ю. Л. Две схемы изменения ценностных ориентиров в советском градостроительстве (1937 – 1938 и 1947 – 1948 годы) // Архитектура в истории русской культуры. М.: КомКнига, 2005. Вып. 6: Перелом эпох / отв. ред. И. А. Бондаренко. С. 372.

² Цапенко М. П. Указ. соч. С 80.

³ Иконников А. В. Историзм в советской архитектуре, 1917 – 1954. С. 461 – 463.

⁴ Там же.

архитектура приобрела «героико-повествовательный» характер. Стилистическая специфика заключалась в сочетании величественности и роскоши, монументальности и масштабности, доходивших до помпезности. До предела была доведена идея ансамблевой застройки. Её ярчайшим проявлением стала система высотных зданий, построенных в Москве на рубеже 1940 – 1950-х гг. К обязательным декоративными элементам стиля относились изображения советской символики (пятиконечных звёзд, лавровых венков, колосьев и пр.).

Вопреки надеждам населения на перемены к лучшему, вскоре после окончания войны руководство страны приняло меры по ужесточению внутривластного курса. По справедливому замечанию профессора А.В. Иконникова, во второй половине 1940-х гг. давление сталинской идеологии на архитектуру стало более жёстким и откровенным. Принимались всевозможные меры для подавления критической мысли¹.

Изучая материалы восстановления, можно заметить такую закономерность: большинство генеральных планов 1940-х – начала 1950-х гг. создавалось на основе сочетания «шаблона», заключавшего в себе принятые в стране нормы и принципы проектирования, с композиционными особенностями разных по своему характеру городов. Исследователи, изучающие сталинскую архитектуру, сходятся во мнении, что в качестве «шаблона» выступала модель, ориентированная на концепцию генплана Москвы 1935 г. Д-р архитектуры Ю.Л. Косенкова определяет его суть формулой «весь город – ансамбль»².

Послевоенное преобразование городов призвано было устранить недостатки в их планировке. Как правило, генпланы предполагали сохранение исторически сложившейся структуры поселения, уменьшение плотности застройки, расширение центральных улиц и пробивку новых магистралей, упорядочивание транспортной сети, функциональное зонирование территорий. В архитектуре на первое место ставилось идейно-художественное содержание, а не рациональность. В послевоенном восстановлении укоренилась задача создания города как произведения искусства, состоящего из крупных взаимосвязанных архитектурных ансамблей³. О приоритете создания композиционных акцентов над функциональными задачами говорит

¹ Там же. С. 463.

² Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 71.

³ Иконников А. В. Советская архитектура – реальность и утопии. С. 110.

стремление архитекторов – авторов послевоенных генпланов – сделать город гостеприимным, открытым для советских людей. Отсюда особое внимание к привокзальной площади и её связи с городским центром, идея раскрытия города к морю или реке (даже когда климатические условия требовали замкнутой планировки), создание даже в небольших городах композиционных доминант, поражающих воображение (административные здания, высотки, монументы и т.п.), развитие системы зелёных насаждений, создание обширных парковых зон. Центр идеального советского города виделся как просторная площадь для парадов и митингов. По меткому выражению А.В. Иконникова, жилые дома становились выражением духа «сталинской эпохи», их фасады обрамляли главные магистрали, являвшиеся выражением триумфа Советского государства¹. К неоспоримому плюсу послевоенной градостроительной идеологии следует отнести заботу о гражданине. Проектировщики не делали разницы между периферийными и центральными районами городов. В равной степени их предполагалось оснащать инженерно-коммунальным благоустройством, общественными центрами, необходимыми социальными учреждениями.

По С.О. Хан-Магомедову, послевоенные проекты предусматривали выполнение социальных заказов государства². А именно – проектирование памятников, пантеонов и музеев Великой Отечественной войны; павильонов достижений народного хозяйства; возведение высотных зданий (в т. ч. Дворцов Советов); привлечение к проектированию городов крупных специалистов из Москвы и Ленинграда.

Проекты реконструкции древних русских городов требовали особого подхода, необходимо было соблюсти соответствие старого и нового. При этом в историческом городе новое должно было доминировать, но не подавлять старое³. В Пскове, Новгороде, Смоленске и других городах памятники архитектуры были включены во вновь проектируемую застройку. Согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 г. «Об охране памятников архитектуры» историко-художественное наследие национальной культуры объявлялось неприкосновенным. К постановлению прилагался список памятников, подлежащих государственной охране на территории

¹ Там же. С. 111.

² Хан-Магомедов С. О. Указ. соч. М., 2010. С. 23 – 24.

³ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 54 – 55.

РСФСР. Присоединённые по результатам войны территории, за исключением Выборга, в этот список не попали¹.

Город Выборг, который вместе с Карельским перешейком вошёл в состав СССР в результате заключённого с Финляндией перемирия 19 сентября 1944 г., значился в числе 15-ти городов, восстановление которых считалось первоочередным. Этому способствовали его историческая принадлежность России и географическое положение вблизи западной государственной границы. К 1948 г. в городе вступили в строй все промышленные предприятия, началось строительство новых заводов. Возросла роль Выборга как железнодорожного узла и портового города, а также как культурного и туристического центра Ленинградской области. Однако некоторые сохранившиеся исторические здания, стиль которых не отвечал требованиям советской архитектуры, были снесены (напр., лютеранский собор) или изменили свой облик².

Д-р Ю.Л. Косенкова отметила, что в отношении городов Прибалтики у послевоенных архитекторов сложилось неоднозначное впечатление³. С одной стороны, их «хаотичная» застройка противоречила советской концепции города, с другой стороны, средневековый облик старых улочек вызывал интерес и восхищение. Архитекторы оправдывались тем, что «старый город в этих городах – памятник народной национальной культуры, представляет большую историческую и архитектурную ценность, что не может не учитываться в ходе реконструкции...»⁴. Версия о «тевтонском происхождении» прибалтийской архитектуры приписывалась «литературе стран капиталистического Запада»⁵. Такой же противоречивой была и градостроительная практика. В целом, с учётом военных разрушений, зодчие вносили в генпланы поправки, основанные «на принципах социалистического градостроительства». В городах в процессе восстановления возникали кварталы типовой застройки, облик улиц насыщался советской монументальной символикой. Однако

¹ Постановление Совета Министров СССР от 22 мая 1947 г. № 389 «Об охране памятников архитектуры» (с изм. и доп., внесёнными распоряжениями Совета Министров РСФСР от 27.07.1951 № 3839-р; от 01.03.1954 № 628-р) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex16346.htm> (дата обращения: 14. 05. 2012).

² Фридлянд Д. П. Обзор градостроительного развития города Выборга второй половины XX века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vyborg-site.narod.ru/arch5.htm> (дата обращения: 25. 05. 2012).

³ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 129.

⁴ Богданов Л. Реконструкция городов Советской Прибалтики и проблема архитектурного наследия // Архитектура СССР. 1953. № 1. С. 13.

⁵ Там же.

выдающиеся архитектурные памятники, композиции старых городов были сохранены, а позднее восстановлены в Риге, Вильнюсе, Таллинне и других городах прибалтийских республик. Уже в 1952 г. на творческой встрече архитекторов Прибалтики совместно с архитекторами Москвы и Ленинграда в Вильнюсе было решено «принять неотложные и действенные меры к сохранению зданий памятников архитектуры»¹. Таким образом, зодчие отстаивали включение памятников в новую городскую среду при соблюдении требований современного советского градостроительства.

В ряде городов уже с 1948 г. началась реализация генпланов. Однако их полное осуществление априори являлось невозможным. Хаотичная застройка жилыми домами в обстановке послевоенной дезорганизации городских управленческих структур, неспособных осуществить контроль и руководство строительством, исчерпала земельные ресурсы. Генпланы требовали корректировок и доработок. К сожалению, главный архитектор не имел права напрямую вмешиваться в размещение промышленного строительства и строительства жилья, которое велось в основном на средства предприятий. Он должен был вести переговоры через Комитет по делам архитектуры СНК СССР, который в свою очередь обращался в соответствующие министерства. Такая переписка носила затяжной характер². Усложняла и замедляла работу архитектора и иерархическая многоступенчатая система утверждения градостроительных проектов.

Реальное строительство велось по упрощённым типовым проектам, разработанным академиками архитектуры для скорейшего решения жилищного вопроса, или по разработанным местными архитекторами проектам реконструкции и приспособления сохранившихся зданий. Строительство велось с предельной экономией. Почти повсеместно не хватало металлов, строительной керамики и других материалов³.

Сразу по окончании боевых действий началось восстановление коробок разрушенных домов, строительство «временных» малоэтажных зданий, которые на деле стали жильём советских граждан на долгие десятилетия. В послевоенные годы постоянно увеличивались темпы жилищного и культурно-бытового строительства. Во многих городах к середине 1950-х гг. был превышен довоенный уровень жилой

¹ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 608.

² Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 119.

³ Журавлёв А. М., Иконников А. В., Рочегов А. Г. Архитектура Советской России. С. 179.

площади¹. Если в 1938 г. в СССР насчитывалось 808 городов, то в 1954 г. – 1515². Это было обусловлено тем, что многие посёлки выросли и поменяли свой статус. Кроме того, строились новые города, прежде всего промышленного и научного значения. Однако темпы строительных работ отставали от масштабов роста городского населения, численность которого стремительно увеличивалась и к середине 1960-х гг. превысила численность сельского. В 1950-е гг. нехватка жилья переросла в острую жилищную проблему.

Со смертью И.В. Сталина в Советском Союзе начался новый этап в истории СССР, а, следовательно, и новый этап в советском зодчестве. Если в начале 1930-х гг. основной причиной отказа от конструктивизма в пользу богатого неоклассицизма в архитектурной среде называлось возросшее благосостояние населения и страны в целом, то в середине 1950-х гг. отход от принципов исторической архитектуры был продиктован как нехваткой финансов для реализации проектов, так и острой жилищной проблемой.

На Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954 г. сталинскую архитектуру обвинили в забвении основных принципов советского градостроения, которые заключались в «создании максимальных удобств для трудящихся, экономичности и конструктивной целесообразности сооружений, индустриализации их строительства на базе унификации, стандартизации и типизации архитектурных и конструкторских элементов»³. В своей речи первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв отметил, что задачи архитектуры сводятся к решению насущных проблем, прежде всего, жилищного строительства⁴. Приоритет отводился внутреннему содержанию (конструкция дома, внутренняя планировка) взамен внешнего оформления. Однако провозглашённые задачи не означали возврата к конструктивизму. На практике приоритет отводился количеству в ущерб качеству. Как отмечают исследователи, одной из предпосылок градостроительной перестройки середины 1950-х гг. стало сооружение более 400 заводов сборного железобетона⁵.

¹ Архитектура Советской России. М., 1975. С. 22 – 24.

² Важнейшие задачи советских градостроителей. Беседа с секретарём правления Союза архитекторов СССР т. В. А. Шквариковым // Советская Клайпеда. 1956. 6 янв. С. 2.

³ Советская архитектура: ежегодник. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1955. IV. С. 7.

⁴ Иконников А. В. Советская архитектура – реальность и утопии. С. 112.

⁵ Журавлёв А. М., Иконников А. В., Рочегов А. Г. Архитектура Советской России. С. 215.

Ранее уже подчеркивалось, что проектная документация разрабатывалась в соответствии с законодательными актами, которые определяли основные направления социально-экономического развития СССР. С принятием постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей для строительства» (19 августа 1954 г.), «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» (23 августа 1955 г.), а также «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (4 ноября 1955 г.) начался пересмотр проектной документации в соответствии с новыми требованиями.

В последнем постановлении перечислены объекты в разных городах, спроектированные неправильно, названы имена конкретных архитекторов. Сталинский стиль архитектуры заклеимён как «дворцово-показной». Критике подверглись учреждения, определявшие направления градостроительной деятельности для всей страны – Академия архитектуры СССР, Союз архитекторов СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по делам строительства, Московский архитектурный институт. В числе виновных оказался даже Комитет по Сталинским премиям, дававший ошибочные оценки архитектурным проектам. Надлежало полностью перестроить работу органов архитектуры и строительства. На пересмотр всех проектов отводился трёхмесячный срок¹.

Генпланы необходимо было переделать таким образом, чтобы они предусматривали: удешевление и ускорение строительства; застройку по принципу микрорайонов (что зачастую вносило изменения в планировочную структуру городов); массовое строительство многоквартирных типовых жилых домов из крупных блоков, панелей; утилитарность создаваемого пространства; простой и рациональный дизайн проектов. Перед советскими архитекторами и инженерами ставилась задача «строить быстро, дешево и красиво». Эта формула наиболее ёмко и полно определяет новый советский стиль в архитектуре. Постановление Совета Министров СССР «об устранении излишеств», имевшее целью экономию государственных средств, на деле вылилось в низкое качество строительства. В сметы перестали закладывать целый ряд необходимых работ (шлифовка полов, облицовка внутренних стен и т.п.).

¹ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // Правда. 1955. 10 нояб. С. 1.

Как убедительно доказала в своей публикации О.В. Казакова, поиск экономических методов индустриального строительства начался еще в середине 1930-х гг. И звучал он не только в выступлениях Н.С. Хрущёва, но и из уст ведущих архитекторов страны. И даже на законодательном уровне. Особенно актуальной тенденция к типизации и упрощению стала в послевоенные годы. В сталинском градостроительстве коренилось острое противоречие между необходимостью удешевления строительства и желанием продемонстрировать в монументальной архитектуре успехи государства¹. Жилищное градостроительство в послевоенные годы ограничивала нехватка материалов, механизмов, квалифицированных рабочих и специалистов. Стандартизация строительства и внедрение индустриальных методов являлись закономерной необходимостью. Изменившаяся историческая ситуация диктовала свои условия.

«Классическая утопия архитектуры» (используя терминологию А.В. Иконникова) столкнулась с приоритетом функциональности архитектуры, строительных технологий. Художественное оформление, специальные проекты отошли на второй план, уступив место массовому типизированному строительству. Каждый гражданин Советского Союза должен был получить уровень минимальных благ, в том числе собственное жильё. Однако парадокс истории заключается в том, что «сталинки» в конструктивном плане оказались значительно качественнее и долговечнее «хрущёвок».

Этот нелёгкий период вносил изменения в профессиональные взгляды архитекторов, инженеров, строителей, в сам характер творческого процесса. Типизация градостроительства повлекла за собой снижение роли творческой личности архитектора. Продолжились начатые ранее изменения организационно-управленческой системы. На смену Комитета по делам архитектуры в 1949 г. было создано Министерство городского строительства, в 1950 г. его сменил Государственный комитет Совета Министров СССР по делам строительства (Госстрой СССР), деятельность которого была направлена на обеспечение технического прогресса в градостроении. По инициативе Н.С. Хрущёва в рамках борьбы с бюрократизацией по всей стране происходило упрощение структуры управления и сокращение численности аппарата государственных служащих. На местах в середине 1950-х гг. повсеместно реорганизовывали отделы по делам архитектуры при

¹ Казакова О. В. «Борьба с излишествами» в 1930 – 1950-е годы // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М.: КомКнига, 2010. С. 40 – 48.

облисполкомах в отделы по делам строительства и архитектуры, упраздняли службы главных архитекторов города посредством их ввода в штаты областных управлений.

31 июля 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР», которое поставило задачу устранить в течение 10 – 12 лет недостаток в жилищах. Уже к концу 1950-х гг. во многих городах путём колоссального напряжения сил населения был не только восстановлен, но и намного превзойден довоенный уровень жилищного и промышленного строительства¹.

Итак, в послевоенные годы в Советском Союзе активно происходило восстановление и реконструкция пострадавших городов. При этом наблюдался перевес в пользу городов запада СССР. В восточных районах градостроительные преобразования не были столь масштабными. Главный проектный институт Гипрогор занимался разработкой проектов генпланов большинства советских городов. Были сформированы основополагающие принципы, на которых строилась архитектурно-градостроительная деятельность. С одной стороны, советскую архитектуру ограничивали рамки единой для всей страны градостроительной концепции, с другой стороны, послевоенные строители стали творцами интересных образцов архитектурной творческой мысли.

Новые пограничные населённые пункты на северо-западной границе Советского Союза естественным образом должны были проектироваться в соответствии с имевшимися образцами. Они менялись в зависимости от политической ситуации в стране. Фактически развитие шло от демонстрации триумфа Победы, выразившейся в гонке восстановления промышленности и возрождения старейших городов в ещё лучшем виде, чем они были до войны, к решению социальных проблем, обострившихся в ходе этой гонки. Ведь монументальные дорогостоящие здания в стиле «сталинского ампира» строились для удовлетворения жилищной потребности, прежде всего, партийной номенклатуры. Простые граждане довольствовались барачными жилищами, наспех построенными за счёт промышленных предприятий, и упрощёнными типовыми домами, возводившимися государственными строительными конторами на словах временно, а на деле на длительный срок. Таким образом, за парадностью и демонстративным пафосом восстановленных в кратчайшие сроки советских городов

¹ Манина А. Восстановление 15 русских городов. 1975. С. 41.

скрывались неудовлетворённые жилищно-бытовые нужды населения. Послевоенная обстановка требовала максимальной дешевизны и быстроты строительства. С середины 1950-х гг. формула дешёвое жильё в быстрые сроки была помножена десятикратно и начала использоваться в массовом порядке.

Анализ архитектурного развития городов бывшей Восточной Пруссии на фоне общих советских тенденций позволит выделить общие и региональные особенности становления городской среды. Далее будет рассмотрено, каким образом отразилась централизованная политика советского государства на градостроительстве Калининграда и Клайпеды.

1.2 Исторический опыт градостроительства в Кёнигсберге и Мемеле в межвоенный период

В рамках изучения восстановительного периода истории градостроительства в бывшей Восточной Пруссии после Великой Отечественной войны, целесообразно рассмотреть, как происходило возрождение прусских городов после Первой мировой войны. Ведь градостроительная среда, созданная в Кёнигсберге, Мемеле и малых городах германской провинции в первой половине XX в., во многом определяет их современный облик.

Немецкий архитектор К. Фрик выделил два типа городов в Восточной Пруссии – орденские и колониальные. Центр орденского города (Кёнигсберг, Мемель, Гердауэн, Норденбург, Домнау и др.) сосредоточен вокруг замка или кирхи, его характеризует плотная застройка. Колониальные города (Шталлупёнен, Ширвиндт, Голдап и др.) моложе орденских, их отличает обширность и просторность, центр сосредоточен вокруг рыночной площади¹. Городскими доминантами в обоих типах городов были церкви, поэтому культовые здания размещались на возвышенностях, на перекрестках, на оси улиц.

До начала XX в. орденские города Кёнигсберг и Мемель представляли собой, прежде всего, крепости, градостроительные изменения происходили в соответствии с военно-оборонительными нуждами и планами развития. В основе Кёнигсберга лежала радиально-кольцевая система планировки. В Мемеле исторически сложилась прямоугольно-прямолинейная структура застройки, обусловленная географическим расположением города вдоль Куршского залива. После крупного пожара 1854 г. производственные здания и склады были перенесены на берега реки Дане, на юге и востоке возводили промышленные объекты. Произошло разуплотнение застройки центра. Развитие жилой городской территории пошло на север.

Как отмечает И.В. Белинцева, в двадцатом столетии большое значение стало отводиться «видовым эффектам»². В 1910-е гг. в Кёнигсберге начался снос части

¹ Фрик К. Восстановление Восточной Пруссии / М. Дворкин. Пер. ст.: Der Wiederaufbau Ostpreussens von Architect K. Frick, Königsberg. Früher Leiter des staatlichen Bauberatungs – Amtes Stallupönen – Schirwindt. Berlin, 1926 // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 155. Л. 165.

² Белинцева И.В. Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики... С. 108.

городских укреплений, в частности внутреннего вального кольца, некоторых городских ворот (Трагхаймских, Штайндаммских) с целью создания на их месте промышленных, жилых и рекреационных зон¹. Это решение городского магистрата было связано с тем, что земляной вал препятствовал росту города. В пределах системы оборонительных укреплений размещались основные селитебные территории. По отзывам современников, город был загнан в тесное пространство и перенаселён². На одном гектаре в разных городских районах располагалось от 10 до 25 жилых домов³. Они примыкали друг к другу торцами, образуя сплошную линию фасадов, выходивших на улицу. Средняя высота в центре составляла 4 – 5 этажей. Плотность населения: в 1900 г. – 333 человек на 1 га, в 1925 г. – 420 человек на 1 га⁴. Типичными для города были узкие улицы, лишённые дневного света. Их ширина в центральной части местами составляла не более трёх метров. Бытовало даже такое шутливое стихотворение: «В Кёнигсберге много разных улиц маленьких и грязных»⁵. Не соблюдались санитарные зоны между предприятиями и жилой застройкой. Мелкие и средние предприятия располагались среди кварталов. Крупные предприятия, как и в Мемеле, размещались по берегам реки, вблизи железнодорожных узлов, а также на загородных территориях.

Но, несмотря на хаотичность городской застройки, город обладал красивым ландшафтом, расчленённым рекой Прегель и многочисленными водоёмами. Вот как описывал Кёнигсберг журналист и писатель С.Р. Минцлов: «Расположен он на холмах и изрезан каналами; на самом высоком месте, словно на страже, стоит древний замок; куда ни оглянись – везде видишь памятники старины, статуи замечательных людей, заботу о прошлом, чистоту и порядок в настоящем»⁶.

Начавшаяся Первая мировая война приостановила снос оборонительных сооружений Кёнигсберга.

¹ Там же. С. 108 – 109.

² Аушпитцер Х. Кёнигсберг с градостроительной точки зрения / М. Дворкин. Пер. ст.: Königsberg in städtebaulicher Hinsicht von Schriftleiter H. Auspitzer. Berlin, 1926 // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 183. Л. 120.

³ Салихова Е. В. Указ. соч. С. 213.

⁴ «Архитектурный вестник»: Предложение о перестройке и развитии города Кёнигсберга, 1938 год [Электронный ресурс]/ пер. с нем. Т. В. Сахаровой // Восстановление Кёнигсберга [сайт фонда содействия изучению и развитию культурно-исторического и архитектурного наследия]. Режим доступа: <http://www.koenigfond.ru/content/articles/282/> (дата обращения: 07.07.2012).

⁵ Аушпитцер Х. Кёнигсберг с градостроительной точки зрения // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 183. Л. 121.

⁶ Минцлов С. Р. По Ливонскому рубежу // Костяшов Ю., Кретинин Г. Указ. соч. С. 233.

Война принесла значительные разрушения в малые города: на две трети были разрушены Тапиау, Шталлупёнен, почти полностью Ширвиндт и Эйдткунен, значительный урон понесли Мемель, Гумбиннен. Руины некоторых городов запечатлены на послевоенных открытках, а также на нотгельдах – «чрезвычайных деньгах», которые выпускали муниципалитеты с целью получения помощи от других провинций. Крупные центры (Кёнигсберг, Инстербург) пострадали не столь значительно¹.

По результатам войны Восточная Пруссия оказалась в сложной экономической ситуации, будучи отрезанной от основной территории Германии Данцигским коридором. Численность населения сокращалась из-за оттока жителей в казавшиеся более благоприятными районы страны. Но правительство Германии стремилось к тому, чтобы отрезанная провинция оставалась частью единого государства, для чего осуществляло его массивную поддержку путём мощных экономических вливаний. Восстановление сельскохозяйственной провинции Германии началось уже во время войны, в 1915 – 1916 гг. В то время как страну поглотила инфляция, в Кёнигсберге и Восточной Пруссии велось активное строительство. Это стало возможным благодаря финансовой помощи правительства и работе городских управлений, которые быстро и целенаправленно вложили деньги, снизив тем самым потери от инфляции². Обербургомистр Кёнигсберга основал городской банк и ряд муниципальных предприятий на коммерческой основе. Они приносили существенную прибыль в казну. В апреле 1920 г. для решения проблем провинции была создана «Восточнопрусская служба при имперском и государственном министерстве». Финансовые средства поступали из метрополии по программе «Восточная Пруссия»³. Кроме того, крупнейшие города Германии оказывали помощь пострадавшим и остро нуждавшимся в жилье городам, которым не хватало государственного финансирования. Так, Эйдткунен был восстановлен ещё до окончания войны при шефской помощи города Висбадена⁴. Бремен помогал восстанавливать город Ширвиндт⁵.

¹ Митина Е. С. Градостроительство в Восточной Пруссии в межвоенный период. С. 130.

² Кёстер Б. Указ. соч. С. 29.

³ Очерки истории Восточной Пруссии. С. 372.

⁴ Малые города Калининградской области: энциклопедический справочник. С. 287.

⁵ Там же. С. 133.

Структура управления восстановлением была чётко отлажена. Разрушенные районы провинции разбиты на строительно-консультационные округа во главе с местными архитекторами. Районные отделения подчинялись Главной строительно-консультационной службе при обер-президенте провинции, которая располагалась в Кёнигсберге. Должности районных архитекторов заняли частные лица¹.

Во время войны восстановление происходило спешно, часто новые дома возводили хаотично, поэтому существовала угроза потери привычного городского пейзажа, утраты многовековой орденовской планировки. Городская территория разрасталась². Но благодаря вмешательству общественности, историческое наследие было поставлено под защиту. В помощь районным архитекторам из метрополии направили 500 «строительных заступников», которые сами не могли производить проектные работы, но следили за сохранением образа прежнего городского ландшафта. «Архитектурные заступники» призваны были содействовать гармоничному сочетанию исторической и новой застройки³.

Города Восточной Пруссии восстанавливали при участии профессиональных архитекторов, некоторые из которых приобрели известность во всем мире (Эрих Мендельсон, Ганс Шарун, Бруно и Макс Таут). В 1915 – 1918 гг. должность главного строительного советника Восточной Пруссии занимал Г. Шарун⁴. Он участвовал в реконструкции Гумбиннена и Инстербурга. К. Фрик в должности руководителя государственной строительной консультации восстанавливал Шталлупёнен и Ширвиндт, строил здания в Кёнигсберге, Нойкурене, Лабиау, Тильзите. В Кёнигсберге и Тильзите есть здания, спроектированные Э. Мендельсоном и Г. Хоппом. Ряд проектов на основе использования стилизованных исторических форм осуществил архитектор М. Шёнвальд в Домнау, Алленбурге и других городах. В Мемельском крае ряд жилых домов, промышленных и общественных зданий в стиле функционализма и конструктивизма построены по проектам Г. Рейсмана (в частности, он спроектировал виллу Т. Манна в Нице), А. Никсдорфа.

¹ Митина Е. С. Градостроительство в Восточной Пруссии в межвоенный период. С. 130.

² Сухин Д. Б. Германская градостроительная история Восточной Пруссии [Электронный ресурс]. 2009 – 2010. Режим доступа: <http://instergod.ru/wp-content/uploads/2010/10/Encyclopaedia-redux.pdf> (дата обращения: 13. 12. 2011).

³ Там же.

⁴ Чернышёва В. В. Архитектура г. Кёнигсберга в конце XIX – 40-х годах XX века: науч. справка. Калининград, 2004 // НА КОИХМ. Ф.1. Оп. 6. Д. 125. Л. 33.

По утверждению К. Фрика, к 1924 г. восстановление Восточной Пруссии было окончательно завершено¹. Среди основных проблем, с которыми пришлось столкнуться в процессе работы, архитектор отмечал нехватку материалов и рабочих рук, квалифицированных специалистов. В первую очередь необходимо было возродить аграрный сектор, поэтому строительство велось в сельской местности. В городах восстановительные работы начались в 1916 г. Приграничные города по политическим соображениям пребывали в разрухе до 1917 – 1918 гг. (Эйдткунен, Ширвиндт)². Среди особенностей восстановления архитектор называл, наряду с утилитарными требованиями, соблюдение художественных условий, применение новых форм и конструкций. При этом учитывалась ансамблевая композиция города, разрабатывалась общая архитектурная идея³. Преобладающими стилями были конструктивизм, функционализм. Архитектура общественных и административных зданий межвоенного периода отличается отсутствием или умеренностью декора на фасадах. Привлекательный внешний вид достигался за счёт расцветки и фактуры материала, чёткости и точности формы, пропорций, применения малых форм – трельяжей, решёток, крылец. Окраска снаружи не применялась. Первоочередным требованием являлось соответствие здания или сооружения возложенным на него производственным и бытовым процессам. Внешняя простота сочеталась с внутренним удобством. Применялись современные строительные технологии и материалы.

В 1920 г. был разработан генеральный план Кёнигсберга. Он предусматривал строительство новых жилых кварталов, промышленных зон, озеленение путем разбивки новых парков. Предполагалось расширение морского порта и строительство речного, развитие транспортной сети⁴, что было особенно актуально в связи с анклавным положением провинции.

В Кёнигсберге после войны деловой центр разместился на Ганза-Плац (сегодня – площадь Победы), где в начале 1920-х гг. были возведены новая городская ратуша по проекту Г. Хоппа (изначально строилась как торговое помещение) и сооружения Восточной ярмарки, одной из крупнейших в Германии. Ярмарка стала настоящим

¹ Фрик К. Восстановление Восточной Пруссии // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 155. Л. 160 – 161.

² Там же. Л. 162.

³ Там же. Л. 163 – 164.

⁴ Сухин Д. Б. Указ. соч.

финансовым спасением для провинции. Площадь начала развиваться как городской транспортный центр.

Особое значение с потерей Мемеля и Данцига приобрёл кёнигсбергский морской порт, который был расширен. В порту построили склады, оснащённые современным техническим оборудованием, механическими кранами, холодильник, грузовой двор с подъездными железнодорожными ветками. В 1920-е гг. возведены новые железнодорожные вокзалы – Северный и Главный, двухэтажный железнодорожный мост через Прегель. Построен аэропорт «Девау». Все эти мероприятия были необходимы для возрождения торговых отношений провинции и решения её экономических проблем, восстановления утраченных связей с основной территорией Германии. Как писали современники, в 1920-е гг. Кёнигсберг находился на этапе становления¹.

В связи с тем, что частное строительство не справлялось с решением жилищной проблемы, муниципалитеты начали строить для семей с небольшим доходом так называемые «минимальные квартиры»² (площадью в 32 кв. м) и «народные дома» в 3 – 4 этажа. Применение качественных строительных материалов являлось своего рода экономией – отводить финансовые средства на временные решения и переделки немецкое правительство не собиралось. В Кёнигсберге «народные дома» возводили в новых районах (Лавскен, Шпандинен, Иерусалим и др.). Стандартные дома в кварталах были сведены в блоки (длина некоторых блоков достигала 200 – 250 м). Кроме того, в связи с сокращением городских гарнизонов, освободившиеся казармы перестраивали под жильё³. Одновременно продолжали застраивать заложенные в довоенное время районы вилл и коттеджей, как на северном берегу Прегеля (Ратсхоф, Амалиенау и др.), так и на южном (Понарт, Розенау и др.)⁴. Многие дома имели свои садовые участки. Высота коттеджей и индивидуальных домов составляла 2 – 3 этажа. Каждое здание в архитектурном отношении решалось самостоятельно.

Новые районы отличались современной застройкой, были шире и просторнее старого центра, их связывало между собой кольцо окружной дороги, опоясывавшей

¹ Аушпитцер Х. Кёнигсберг с градостроительной точки зрения // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 183. Л. 122 – 123.

² Сухин Д. Б. Указ. соч.

³ Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии: история одного европейского города / пер. с нем. В. Херд, Н. Конрад. Реклингхаузен: Изд-во Биттер, 1994. С. 233.

⁴ Сухин Д. Б. Указ. соч.

город. Расстояние между домами в среднем составляло от 15 до 25 м, но местами достигало 60 м (в зависимости от района). Ширина улиц в предместьях составляла 20 – 30 м, а местами достигала 35 – 40 м. Почти все улицы города были асфальтированы или покрыты плоским булыжником¹.

С другой стороны, центр Кёнигсберга оставался плотно застроенным многоквартирными домами в 3 – 5 этажей. Ширина проезжей части (за исключением нескольких улиц) сужалась до 10 – 15 м, на острове Кнайпхоф – до 7 – 12 м².

Таким образом, межвоенный период характеризуется интенсивным строительством современных районов. Пригороды Кёнигсберга в 1920-е гг. вошли в городскую черту (1927, 1928, 1929 гг.). За пределами города возникали новые дачные посёлки (Метгетен, Танненвальде, Кведнау и пр.). Связь окраин и центра требовала развитой транспортной сети, подведения инженерных коммуникаций (водопровода, канализации, электроэнергии). В районах возникали производственные и торговые организации, образовательные и культурные учреждения, строились церкви. Таким образом, с одной стороны, обеспечивалась автономия жителей, с другой стороны они получали лёгкий доступ в центр пригородными поездами и трамваями³. Современный трамвайный парк развивался наряду с конным и автомобильным транспортом. Однако проектирование внеуличной городской сети так и не было завершено⁴. Только к началу войны закончилось строительство новой водонасосной станции⁵.

В Мемеле, как и в других городах Восточной Пруссии, восстановительные работы начались во время войны. Несмотря на трудности, в 1915 г. закончилось строительство канализации. С 1920 по январь 1923 гг. возрождённый усилиями немцев Мемель находился под коллективным управлением стран Антанты. Военную миссию стран-союзниц в крае выполняли французские войска. Приток иностранных капиталов способствовал росту торговли, содействовал развитию городского трамвая и инфраструктуры. Было построено современное здание отеля «Виктория» с лифтом. Развивался междугородний транспорт. Прокладывались новые железнодорожные ветки,

¹ Город и крепость Кёнигсберг. Краткий справочник. Штаб Замландской группы войск. 1945 г. (из личного архива генерал-полковника Т. Т. Хрюкина) // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 156. Л. 5 – 11, 13 – 16, 18 – 23.

² Там же.

³ Сухин Д. Б. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Гаузе Ф. Указ. соч. С. 236.

развивалось морское сообщение. В 1922 – 1924 гг. начались постоянные полёты между Мемелем и Берлином, Данцигом, Кёнигсбергом, Ригой.

Однако жилищное строительство фактически не велось. Французский гарнизон занял военные казармы. Из-за уменьшения финансирования его численность постоянно сокращалась. Из четырёх рот, прибывших в 1920 г., к осени 1922 г. осталась одна. Поэтому нехватка недорогих квартир стала серьёзной социальной проблемой для Клайпеды (так город стал называться с 1923 г., когда Мемельский край был передан Литовской Республике). Включение предместий в городскую черту (1918 г.) и рост населения накаляли ситуацию. Экономическая депрессия 1920-х гг., а затем кризис 1929 г. препятствовали развитию жилищного строительства. Темпы ввода жилой площади выросли только с середины 1930-х гг. Однако новое правительство пыталось финансировать проекты, которые могли привести к улучшению качества жизни горожан. В 1934 г. министерство финансов страны создало акционерное общество «Статиба», которое возвело ряд городских и пригородных жилых микрорайонов по типовым проектам. Новые квартиры должны были соответствовать современным требованиям – быть удобными и экономичными¹. В домах появилось электричество, водоснабжение, канализация. Для защиты от шума и ветров в микрорайонах высаживали деревья, кустарники. С конца 1920-х гг. активно реализовывали программу по озеленению, разбивали общественные сады, парки².

Основные капиталовложения правительство направляло в порт, который стал «воротами в мир» для Литвы³, главной артерией экспорта и импорта. Была достроена зимняя гавань. Проводилось расширение городских улиц. В 1930 г. городской администрацией было утверждено, что ширина новых улиц должна составлять не менее 20 метров. До этого в старом городе ширина некоторых переулков едва превышала один метр⁴. Вместо трамваев основными видом городского транспорта стали автобусы⁵.

Литовское правительство пыталось развивать курортные посёлки на Куршской косе, а также примыкавшие к городу Гируляй, Мельнраге. Богатые горожане строили

¹ Žukas J. Klaipėdos ekonominė raida // Klaipėda. Istorija Populiariai. Klaipėda: Klaipėdos miesto savivaldybė, 2002. P. 62 – 65.

² Tatoris J. Op. cit. P. 102.

³ Žukas J. Op. cit. P. 59.

⁴ Tatoris J. Op. cit. P. 69.

⁵ Žukas J. Op. cit. P. 62 – 65.

там деревянные виллы. Концепция развития Клайпеды предусматривала специализацию города не только как порта и промышленного центра, но и как курорта¹.

Однако немецкие партии сохранили существенное влияние. Литовское руководство сохранило местное самоуправление, бургомистров-немцев, которые подчинялись правительству в Каунасе. В 1931 г. литовцы в Клайпедском крае составляли всего 11 %². Часть местных жителей была враждебно настроена против новой центральной власти. Позиции Литвы в Клайпедском крае опирались на фактор военного присутствия. Литовцы трудились по преимуществу на рабочих специальностях. Здания в большинстве строили профессиональные архитекторы из Берлина и Кёнигсберга. В 1920 – 1930-е гг. в городе действовало 8 архитектурных контор, до 15 строительных фирм различного профиля³. Немецкие архитекторы призывали создавать красивые, выразительные здания с использованием натуральных материалов, декоративных деталей, орнаментов. Они активно применяли исторические формы германского зодчества, обращались к традиционным готическим и классическим решениям, к модному функционализму. Архитектурным символом города продолжал оставаться красный кирпич⁴. В то же время в 1920 – 1930-е гг. литовские архитекторы Р. Стрейкунас, В. Ландсбергис-Земкалнис, М. Сонгайла и др. привнесли литовскую этнографическую стилистику в облик некоторых зданий⁵.

Таким образом, архитектурный облик Клайпеды в межвоенный период включал интернациональные стилевые решения с преобладанием немецкого функционализма. В целом город характеризовали небольшие улицы, малоэтажные здания. Исторически сложившуюся прямоугольно-прямолинейную планировку сохраняли и поддерживали в новых районах.

К 1930-м годам Кёнигсберг превратился в город-сад. Еще в 1906 г. началась застройка района Ратсхоф по проекту города-сада в соответствии с самыми современными наработками английских архитекторов. Район застраивался односемейными домами, а во время войны блоками домов. Каждый дом имел свой

¹ Tatoris J. Op. cit. P. 58.

² Ibid. P. 29.

³ Ibid. P. 37, 40.

⁴ Ibid. P. 124 – 125.

⁵ Genys J., Andrijauskas E. Op. cit. P. 138 – 139.

садовый участок¹. Директор городских парков дендролог и ландшафтный архитектор Э. Шнайдер в 1920-е гг. создал на месте старого оборонительного пояса зелёную зону отдыха с каналами и ручейками. Её продолжали променады Обертайха (сегодня – Верхний пруд) и Шлосстайха (Нижний пруд), дополняли новые спортивные парки². По результатам программы озеленения города, разработанной в 1928 г., площадь парков достигла 630 га³. А к 1940 г. около 40 % территории Кёнигсберга занимали зелёные насаждения и сады⁴. Особенность довоенного озеленения состояла в том, что использовались редкие породы деревьев и кустарников. Сами горожане активно участвовали в программе. Внутриквартальные территории были поделены между жителями для ухода. Структура территории «Зелёного пояса» предусматривала сохранение архитектурных фрагментов оборонительного вала, гармонично сливалась с особенностями исторической застройки. Однако необходимо отметить, что в ряде районов города ощущался недостаток зелени. Прежде всего, это касается рабочих кварталов, старого центра. Подробное рассмотрение садово-паркового пространства Кёнигсберга содержится в монографии канд. биол. наук В.И. Салиховой⁵.

Программа города-сада успешно реализовывалась и в малых городах Восточной Пруссии – Нойхаузене, Даркемене и др.⁶ В 1920-е гг. в Инстербурге была создана система скверов и парков под руководством ландшафтного архитектора Х. Кауфмана⁷. В Клайпеде появились новые городские парки, зелёные насаждения украсили берега набережной Дане, территории возле общественных учреждений, жилых домов⁸. В 1930-е гг. жилые районы застраивали индивидуальными домами с садиками⁹.

Таким образом, отделённая от основной территории Германии Восточная Пруссия вопреки ожиданиям не пришла в упадок, а развивалась и процветала.

С 1933 г. в Кёнигсберге архитектура стала восприниматься как орудие идеологии нацистского режима. Тон градостроительству задавали столичные зодчие.

¹ НА КОИХМ. Ф.1. Оп. 6. Д. 125. Л. 7 – 8.

² Гаузе Ф. Указ. соч. С. 233.

³ Белинцева И. В. Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики... С. 112.

⁴ Памятники истории и культуры. Т.1. С. 20.

⁵ Салихова Е. В. Хроники садов и парков (Кёнигсберг-Калининград): Монография. Калининград: Балтийский институт экономики и финансов, 2008.

⁶ Белинцева И. В. Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики... С. 112.

⁷ Малые города Калининградской области: энциклопедический справочник. С. 296.

⁸ Tatoris J. Op. cit. P. 102.

⁹ Genys J., Andrijauskas E. Op. cit. P. 138.

Проектировщики Третьего рейха пытались создать особый стиль, сочетающий европейский неоклассицизм и черты национальной германской архитектуры. Остальные стили отрицались. Нетрудно заметить сходства тоталитарного искусства гитлеровской Германии и сталинского СССР. Из всего многообразия архитектурных стилей были выбраны консервативные классические формы в сочетании с национальными приёмами зодчества и объявлены единственными и общеобязательными. С 1939 г. эти тенденции активно воплощались и в Мемеле, аннексированном Германией.

Городское строительное управление подготовило проект превращения Кёнигсберга в образцовый нацистский город. 16 июня 1938 г. обер-бургомистром Х. Виллем было утверждено «Предложение о перестройке и развитии города Кёнигсберга»¹. Город предполагалось застроить по примеру столицы. В качестве образца были взяты берлинские оси Север-Юг, Запад-Восток. План реконструкции ставил несколько задач. Во-первых, ввод новой жилой площади – строительство 20 тыс. квартир в течение пяти лет. Развитие предполагалось на север, по направлению к окружной дороге.

Следующая задача – строительство нового центра вблизи Северного вокзала. Политическим символом города должен был стать Дворец края, вмещавший 20 тыс. человек, который был бы вплетён в городскую ось Север-Юг – от Восточной ярмарки до главного железнодорожного вокзала (от современной площади Победы до Южного вокзала). Вдоль этой оси предусматривалось возведение административных зданий. Кроме того была запланирована двухкилометровая улица для парадных шествий вдоль орденских озер (ныне Верхний и Нижний пруд), которая бы соединила район замка с Дворцом края и со спортивными сооружениями Каролиненхофа (сегодня – район ул. Куйбышева)².

Третье направление заключалось в развитии транспортной сети в связи с начавшейся моторизацией. По линии вального укрепления предполагалось создать внутреннее транспортное кольцо, которое бы освободило центральную парадную дорогу от загруженности транспортом. В новые микрорайоны планировалось проложить широкие магистрали, перестроить трамвайные пути, построить новые дороги для

¹ «Архитектурный вестник»: Предложение о перестройке и развитии города Кёнигсберга, 1938 год.

² Там же.

автобуса и троллейбуса. Предполагалось расширение улиц в центре, строительство четырёх новых мостов через Прегель.

План был рассчитан на 20 лет. И, несомненно, его реализация привела бы к кардинальному изменению архитектурно-градостроительного облика города. Запланированное строительство ряда больших сооружений подразумевало снос некоторых старых зданий. И.В. Белинцева справедливо отметила, что план характеризует несоответствие старой и новой застройки¹. Но грандиозным проектам не суждено было осуществиться. Начавшаяся война поставила перед городскими архитекторами другие задачи.

В нацистский период было продолжено или закончено начатое в предшествовавшие годы. Границы Кёнигсберга продолжали расширяться (в 1934, 1938 и 1939 гг.). Много внимания продолжали уделять озеленению, строительству спортивных сооружений, развитию парковых зон. Старые улицы спрямляли и расширяли. Нацисты делали упор на решение социальных проблем. Строили массовое дешёвое жильё, развивали рабочие районы вокруг предприятий. При реализации жилищной программы основными целями были стандартизация и рационализация, удешевление стоимости дома. Оформлению фасада отводилась минимальная роль. Нацистская жилищная программа схожа с массовым строительством дешёвого жилья в СССР при Н.С. Хрущёве. Были разработаны три типа социального жилья: многоквартирные дома, дома с садовым участком, маленькие поселения². Однако в Кёнигсберге основная часть жилой площади была возведена до 1933 г., в Мемеле до 1939 г. По словам Б. Кёстера, в нацистский период в основном строили казармы и залы для собраний³.

В военный период оборонительные сооружения Кёнигсберга и Мемеля вновь приобрели свою актуальность. Промышленность была перенацелена на удовлетворение военных нужд. Еще до войны началось строительство заводов и складов боеприпасов, аэродромов. Возводили здания для войсковых частей, штабных нужд⁴. Повсеместно строили доты, дзоты, оборонительные линии и пр. Кёнигсберг и Мемель получили

¹ Белинцева И. В. Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики. С. 113.

² Podehl M. Op. cit. S. 76.

³ Кёстер Б. Указ. соч. С. 29.

⁴ Гаузе Ф. Указ. соч. С. 251.

статус морских крепостей. Мемель стал вторым по величине городом Восточной Пруссии, уступив лишь столице.

В своей докторской диссертации М. Подель отметил, что в 1930-е гг. произошла политизация архитектуры. Архитектурное наследие Кёнигсберга, Мемеля представлялось нацистам как историческая связь между Орденом и Третьим рейхом¹. Особенно превозносилась «символическая сила» старого орденского замка в столице Восточной Пруссии². Городу отводилась особая роль «опорного пункта», стоящего на переднем рубеже Германии³. В «Истории города Кёнигсберг», написанной в 1934 г., Ф. Вальтер заявил, что город был и навсегда останется бастионом и форпостом Германии на Востоке. И даже Кафедральный собор расценивался как церковь-крепость⁴.

Такая немецкая интерпретация собственной архитектуры стала частью советской антифашистской пропаганды. В послевоенные годы идеологический контекст восприятия советскими властями архитектурного наследия Кёнигсберга послужил одной из причин его уничтожения.

Таким образом, города Восточной Пруссии были восстановлены в сложнейших экономических условиях в короткие сроки – уже к середине 1920-х гг. Это стало возможным благодаря грамотной финансовой политике государства и напряжению сил населения провинции. Дальнейшее архитектурное развитие происходило в соответствии с современными стилевыми и строительными решениями. В городах Восточной Пруссии воплотились прогрессивные градостроительные идеи по строительству жилых комплексов с одновременной закладкой зелёных насаждений. К 1939 г. Кёнигсберг и Мемель являлись крупными городами Восточной Пруссии, одними из самых современных в Германии. Городские архитекторы стремились к гармоничному сочетанию старой и новой, гражданской и военной застройки. Но центры Кёнигсберга, Мемеля оставались по сути средневековыми и ожидали правильных градостроительных решений. Нехватка жилой площади, активное промышленное строительство и увеличение транспортной нагрузки требовали модернизации городского пространства

¹ Podehl M. Op. cit. S. 67.

² «Архитектурный вестник»: Предложение о перестройке и развитии города Кёнигсберга, 1938 год.

³ Там же.

⁴ Franz W. Geschichte der Stadt Königsberg. Königsberg, 1934. S. 225.

(расширение улиц, создание транспортных развязок, развитие новых жилых районов в центре и пригородах и пр.).

1.3 Политические, социальные и экономические условия восстановления

Калининграда и Клайпеды

Для верного понимания градостроительного развития необходимо учитывать историческую обстановку, в которой оно происходит. После рассмотрения межвоенного периода и предвзято послевоенные годы восстановления и архитектурного развития городов, следует раскрыть следующие аспекты. Градостроительство отражает результаты различных сторон жизни общества. Говорят, что архитектура – это зеркало экономики. В первую очередь на развитие экономики, как и архитектуры, влияют власть и общество. Поэтому для выявления причин тех или иных градостроительных процессов, решений важно ориентироваться в социально-политической ситуации, которая складывалась на бывших немецких территориях. Логично предположить, что она имела как общие черты, так и отличия.

Зарубежные исследователи называют первые послевоенные годы «час нуля», имея в виду начало новой жизни, нового периода истории. Так и для бывших немецких городов Восточной Пруссии в 1945 г. всё началось с нуля.

Ещё до окончания боевых действий была закреплена будущая территориальная принадлежность Мемеля путём назначения в октябре 1944 г. уполномоченного представителя СНК Литовской ССР для Клайпедского края Виктораса Бергаса. Характерной особенностью Кёнигсберга и прилегающего к нему района являлось то, что в административном порядке он в течение года (с апреля 1945 по апрель 1946 г.) территориально не входил в состав ни одной из республик. И только создание Кёнигсбергской области весной 1946 г. обозначило включение территории в состав РСФСР. 9 июля 1945 г. в северной части Восточной Пруссии был сформирован Особый военный округ. С весны 1945 по весну 1946 гг. властные полномочия на присоединённых территориях исполняли чрезвычайные органы власти.

Итак, с первых дней новой истории немецким городам был определён разный путь. Мемель был переименован в Клайпеду и признан возвращённым литовским городом. Присоединение к СССР позиционировалось как «окончательное соединение литовских земель». Кёнигсберг ещё в течение более года сохранял прежнее название. Неопределённость его судьбы создавала ощущение временной оккупации, как у

остававшегося немецкого населения, так и у советских военнослужащих и переселенцев. Именно с целью обоснования присоединения территории власти настойчиво пропагандировали тезис И.В. Сталина, озвученный на Тегеранской конференции в 1943 г., о Восточной Пруссии как «исконно славянской земле».

Перед правительством встала задача восстановления городов, подвергшихся значительным разрушениям во время войны. Мемель сильно пострадал в результате советских бомбардировок в октябре 1944 г., во время штурма в январе 1945 г. По информации Народного комиссариата внутренних дел Литовской ССР (сентябрь 1945 г.) разрушения в городе составили 65 – 70%¹. Было уничтожено 60% промышленных предприятий, 50% зданий культурного назначения².

Кёнигсберг наибольшие повреждения понёс во время бомбардировок английской авиацией в августе 1944 г. Особенно сильно пострадал исторический центр в пределах вального кольца, где преобладала старая деревянная застройка, дома с деревянными перекрытиями. Около 200 тыс. человек оказалось на улице³. Советская авиация и артиллерия нанесли удар по городу в апреле 1945 г. Однако уничтожения не были столь всеобъемлющими. В пригородах, особенно в северной и северо-западных частях города, где не было активных уличных боёв, сохранилось большинство построек. По оценкам военных комендатур, центр Кёнигсберга был разрушен на 90 %, окраины пострадали в среднем на 60%⁴. Уничтожению подверглось 40 % заводов и фабрик⁵. Официальные данные относительно степени разрушений, кочевавшие из публикации к публикации в советское время, несколько завышены. Об этом подробнее речь пойдет во второй главе.

Опуская на время вопрос о степени разрушений, необходимо признать, что существенно пострадали промышленные предприятия, жилые здания, коммунальное хозяйство, а также портовые сооружения, мосты, железнодорожные пути. Серьёзный урон посредством минирования, подрыва, разборки и вывоза оборудования ряду стратегических объектов нанесли отступавшие немецкие войска, руководство которых знало, что города могут перейти к СССР (о желании получить незамерзающие порты на

¹ Lietuvos centrinis valstybes archyvas (далее – LCVA) F. R-754. Ap. 13. B. 35. L. 117

² Genys J., Andrijauskas E. Op. cit. P. 142.

³ Wörster P. Op. cit. S. 10.

⁴ Криворуцкая И. В. О восстановлении послевоенного Калининграда 1946 – 1953 гг. // Балтийский альманах. Калининград, 2002. № 2. С. 3.

⁵ Очерки истории Восточной Пруссии. С. 447.

Балтийском море Кёнигсберг и Мемель И.В. Сталин высказался на Тегеранской конференции в 1943 г.¹).

Поэтому в связи с необходимостью восстановления разрушенных городов и окончательного «закрепления» присоединённых территорий за СССР встала проблема их заселения.

Спешная эвакуация вглубь Германии населения Кёнигсберга и Мемеля, основных активов компаний и учреждений, заводского оборудования началась летом – осенью 1944 г., когда Красная армия вступила на территорию Литвы и стала быстро продвигаться к границе с Восточной Пруссией. При этом если в Кёнигсберге по окончании штурма оставалось около 7 % довоенного населения (26 – 27 тыс. человек вместо 372 тыс. в 1939 г.²), то в Мемеле практически не было местных жителей. По воспоминаниям В. Бергаса, председателя исполнительного комитета Клайпеды в 1945 – 1947 гг., после штурма было найдено всего шесть человек: двое старых литовцев, двое молодых русских военнопленных и два поляка архитектора³. Сотрудник военной комендатуры города С.Т. Апышков свидетельствует: «Помню, сразу же после освобождения в санитарную часть пришёл взволнованный польский гражданин. Он просил оказать помощь роженице. Если я не ошибаюсь, ребёнок был 28-м гражданским человеком в Клайпед»⁴. Поэтому, первое время основной трудовой ресурс в городе составляли военнопленные. В мае 1946 г. клайпедский лагерь насчитывал 4,1 тыс. человек⁵.

В Кёнигсберге советское правительство нуждалось в коренном населении как в рабочей силе. По мнению исследователей, именно по этой причине массовая депортация стала осуществляться только в 1947 – 1948 гг.⁶ В первую очередь вывозили нетрудоспособное население из стратегических районов (Балтийск)⁷. К концу 1946 г. численность советских граждан превысила немецкое население, а к началу 1950-х гг. в

¹ Кретинин Г. В. Государственно-правовые аспекты формирования территории и населения Литвы. С. 20.

² Кретинин Г. В. Советские военные комендатуры в Восточной Пруссии и немецкое население... С. 161.

³ Vareikis V. Klaipėda zwischen der Sowjetunion und der Litauischen SSR, 1945 - 1990. S. 123.

⁴ Стубра А. Первый комендант портового города // Советская Клайпеда. 1975. 16 апр. С. 3.

⁵ Кретинин Г. В., Фёдорова О. Г. Государственно-правовые и экономические вопросы восстановления Клайпеды в послевоенные годы... С. 36.

⁶ См., например: Frobarth V. Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion 1945 – 1990. Mit einer analytischen Betrachtung des Kaliningrader Gebiets in der Politik Rußlands 1991 – 2000. Berlin, 2001 ; Kibelka R. Ostpreußens Schicksalsjahre 1944-1948 ; Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области.

⁷ Sakson A. Op. cit. S. 180 – 181.

области проживало более полумиллиона¹, а в Калининграде около 200 тыс. человек². Переселенцы прибывали из России, Белоруссии, Украины, Прибалтики (в основном из Литвы), Польши³. Большинство приезжих были из сельской местности.

В послевоенное пятилетие рост населения в Клайпеде был одним из крупнейших в Литве. По данным литовских исследователей в мае 1945 г. в городе проживало около 500 человек⁴, в конце 1945 г. – около 8300⁵, а к июлю 1946 г. уже насчитывалось до 30 тыс. жителей⁶. Клайпеда стала третьим по величине городом республики, в 1950 г. в ней проживало 48,5 тыс. человек. Основную часть переселенцев составляли литовцы (40%)⁷, русские, а также немцы, поляки⁸. Если в Калининград большей частью ехало сельское население, то в Клайпеду направляли специалистов (как правило, из России). Селяне ехали из Литвы.

В то время как из Калининграда депортировали коренных жителей, бывшее население Клайпеды, т.н. «пруссские литовцы», вынужденно покинувшие город в 1939 г., получили разрешение вернуться в свои собственные дома. По мнению разных литовских исследователей, в 1945 – 1950 гг. в Клайпеду вернулось от 6000 до 8000 репатриантов из Германии (прежде всего из советской оккупационной зоны)⁹. Д-р истории А. Арбушаускайте называет две причины, по которым советское правительство было заинтересовано в возврате репатриантов. Во-первых, нехватка рабочих рук, бывшие жители должны были способствовать реконструкции и экономическому развитию региона. Во-вторых, «потенциальные эмигранты могли быть инструментом международной антисоветской политики»¹⁰.

Правительство стремилось разграничить коренное литовское и немецкое население. Осенью 1945 г. началась смена паспортов жителей Клайпеды. Те репатрианты, которые до 22 марта 1939 г. имели гражданство Литвы, с 28 января 1945 г. рассматривались как граждане СССР. Немцы, чтобы избежать враждебного отношения

¹ Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 89.

² РГАЭ. Ф. 9510. Оп. 3. Д. 70. Л. 3.

³ Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 133 – 134.

⁴ Vareikis V. Klaipėda zwischen der Sowjetunion und der Litauischen SSR, 1945 – 1990. S. 122.

⁵ Жукас Ю. Клайпеде – 750 лет // Балтийский альманах. № 4. Калининград, 2004. С. 112.

⁶ KLAJA. F. 104. Ap. 1. B. 3. L. 42

⁷ Sakson A. Op. cit. S. 151.

⁸ Юргайтис Э. Возвращение // Советская Клайпеда. 1985. 26 янв. С. 4.

⁹ Arbušauskaitė A. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation. S. 49 - 50 ; Mačiulskis M. Die Tätigkeit des MVD-MGB im Memelland in den Nachkriegsjahren (1945 - 1953). S. 87.

¹⁰ Arbušauskaitė A. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation. S. 50.

со стороны советской власти, часто уничтожали свои старые документы и принимали литовское гражданство¹. Таким образом, в Клайпеде в юридическом смысле бывшие жители Пруссии (в основном литовцы и поляки) находились в более выгодном положении, чем в Калининграде (немцы), где они получали лишь временную регистрацию, фактически были лишены гражданских прав.

При смене населения региона неизбежны национальные конфликты.

В Клайпеде нередко возникали разногласия между вернувшимися коренными жителями и занявшими их дома переселенцами². Некоторые из новосёлов считали вернувшихся жителей «фашистами»³. Репатриантов неохотно принимали на работу. В свою очередь оставшиеся в крае коренные жители с враждебностью встречали приезжих⁴. Ситуацию обостряло то, что советская власть испытывала подозрение к лицам, вернувшимся с Запада. Органы госбезопасности проявляли к ним особенное внимание. Как и из Калининградской области, из Клайпедского края в 1948 г., 1951 г. в Германию депортировали несколько тысяч вернувшихся немецких жителей⁵. Большие масштабы в 1948 – 1952 гг. получила депортация «врагов народа» в Сибирь и Казахстан. К концу 1940-х гг. «пруссские литовцы» составляли мене 10 % населения Клайпедского края⁶.

Еще одна национальная проблема заключалась в недовольстве литовцев «засильем» русского населения. Руководящие должности в Клайпеде, как и в целом в республике, занимали русскоязычные специалисты⁷. Большинство военнослужащих, квалифицированных рабочих, массово прибывавших в город, составляли русские, украинцы, белорусы. Они в льготном порядке получали городские квартиры. С 1950 г. 10 % от построенного жилищного фонда в Литве должно было передаваться Министерству вооруженных сил СССР⁸. Жилищный кризис накалял ситуацию.

¹ Kibelka R. Memellandbuch... . S. 51, 234.

² Mačiulskis M. Op. cit. S. 91 ; Safronovas V. Antrojo pasaulinio karo įvykiai Rytų Prūsijoje Klaipėdos krašto ir Kaliningrado srities atminimo kultūroje. P. 89 ; Arbušauskaitė A. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation // Annaberger Annalen, Nr. 7, 1999. S. 52.

³ Sakson A. Op. cit. S. 126.

⁴ Arbušauskaitė A. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation. S. 53 – 55.

⁵ Sakson A. Op. cit. S. 178, 180.

⁶ Ibid. S. 123.

⁷ Vareikis V. 99 stories about Klaipėda. P. 129.

⁸ Kareivinės, tapusios Klaipėdos universitetu / sudarytojas ir mokslinis redaktorius dr. V. Safronovas. Klaipėda, 2012. P. 227 – 228.

О.Г. Фёдорова в своих статьях данную ситуацию объясняет «скудными кадровыми возможностями Литвы»¹. Как отмечалось ранее, большинство литовских переселенцев в Клайпедский край прибывали из сельской местности². Автор обратила внимание, что в переписке с союзными наркоматами республиканские органы власти запрашивали специалистов для работы в партийных органах и на предприятиях. Нельзя забывать о том, что советской власти необходимо было «закрепиться» на новой территории, обеспечить лояльное отношение большинства населения к новому строю. Поэтому на восстановление республик направляли квалифицированных специалистов даже несмотря на то, что дефицит кадров после войны ощущался в СССР повсеместно.

26 мая 1953 г. по инициативе Л.П. Берии была осуществлена попытка отмены практики назначения на должности заместителей председателя Совета министров, вторых секретарей парткомов лиц «не литовской национальности». Принято постановление президиума ЦК КПСС «Вопросы Литовской ССР». Однако, вслед за арестом Л.П. Берии в июне 1953 г. постановление было отменено, а меморандум «О положении в Литве» (№ 52/б) от 8 мая 1953 г. изъят из протоколов и признан ошибочным³.

В Калининграде специфика отношений прибывшего и местного населения имела несколько иной характер. Выше упоминалось, что в Калининградской области до середины 1946 г. большую часть населения составляли немцы. Перед администрацией стояла задача обеспечения условий их проживания, избегания конфликтов с советскими гражданами. Д-р ист. наук Ю.В. Костяшов проанализировал материалы интервью около 300 переселенцев и пришёл к таким выводам: только 3 % опрошенных называли своё отношение к немцам как враждебное; 60 % обозначали его как нейтральное и 37 % как дружеское⁴. Большинство приезжих, рассказывая о случаях взаимодействия с немцами, отзывалось о них как об аккуратных, хозяйственных, вежливых в обращении⁵. Хотя встречались отдельные случаи активного (подпольщики) и пассивного (отказ работать)

¹ Фёдорова О. Г. Послевоенное восстановление Клайпеды и Калининграда: сравнения и оценки. С. 174.

² Sakson A. Op. cit. S. 122.

³ Максименков Л. В. Признания лубянского маршала. Неизвестный меморандум Лаврентия Берии о положении в Литве в 1953 году [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2008. 8 мая. Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2005-08-05/5_priznania.html (дата обращения: 22. 11. 2011).

⁴ Kostjasov J. V. Russen und Deutsche in Ostpreußen nach 1945 – Konfrontation oder Integration? S. 168.

⁵ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. СПб., 2002. С. 190 – 192, 203 – 206, 210 – 217.

сопротивления, преступных действий¹. К сожалению, в отечественных исследованиях отсутствует обратная сторона вопроса об отношении немецкого населения к русским переселенцам. Вероятнее всего, учитывая поверженный моральный дух проигравших немцев, находившихся между жизнью и смертью, они испытывали постоянный страх и недоверие. Встречались отдельные случаи дружбы. Особенно факты социальной солидарности проявлялись на рабочем месте². Исследователи приводят воспоминания жителей о проявлении человечности и сострадания. Известен случай защиты советским офицером немцев от своих сослуживцев³.

В фондах Калининградского областного историко-художественного музея хранятся письма немки Габриэлы Рут. Она родилась в Кёнигсберге в 1929 г. После войны голодала, мать умерла в феврале 1947 г. Девушку спасла русская семья Грабовых, взявшая её домработницей. В конце октября 1947 г. Рут была депортирована. Русская семья дала ей 300 рублей в дорогу и продукты на неделю. Девушка уехала к отцу и брату в Бонн. Её переписка с Грабовыми продолжалась до начала 1990-х гг. Рут, наряду с другими жителями ФРГ, рассказала о своей судьбе в письмах, опубликованных в «Калининградской правде» в 1988 – 1989 гг.⁴ Эти послания свидетельствуют о том, что упомянутая семья была не единственной, у кого сложились тёплые дружеские отношения с немцами. Кстати, И.А. Грабов – известный калининградский архитектор, работал директором института «Калининградгражданпроект» (1965 – 1970), возглавлял службу архитектуры и градостроения области (1970 – 1978).

Таким образом, можно заключить, что фактор межнациональной напряженности в Калининграде имел иные формы, чем в Клайпеде.

Стоит отметить ещё одну социальную особенность Клайпеды. Город почти не затронуло литовское антисоветское партизанское движение. Жители северо-восточных районов Калининградской области, пограничных с Литвой, вспоминали случаи встречи с литовскими «лесными братьями», как на своей территории, так и во время поездок в

¹ Там же. С. 185 – 189, 211.

² Sakson A. Op. cit. S. 193.

³ Luschnat G. Die Lage der Deutschen im Königsberger Gebiet 1945 – 1948 / (Europäische Hochschulschriften: Reihe 3, Geschichte und ihre Hilfswissenschaften; Bd. 686). Frankfurt am Main: Lang, 1998. S. 212 – 215.

⁴ Письма из ФРГ // Калининградская правда. 1988. 14 июня. С. 3 ; Рут Г. Помню русских друзей // Калининградская правда. 1989. 1 марта. С. 3.

Литву¹. Подобных свидетельств не выявлено в районе Клайпеды. Вернувшиеся в город беженцы обнаружили разрушенные дома и фермы, необходимо было заново строить своё хозяйство². Большинство новых жителей района, прибывших из различных частей Литовской ССР, друг друга не знали и взаимного доверия не испытывали. Кроме того, Клайпеда была русским городом среди других литовских городов. В начале 1950-х гг. русское население города составляло 65 – 75 %³. Такие условия не способствовали организации совместной партизанской борьбы. Значение имела также политика коллективизации, деятельность советских органов государственной безопасности⁴.

Почти полная смена населения в Клайпедде и Калининграде, межнациональная напряженность обуславливали зачастую неуважительное отношение переселенцев к немецкому наследию. Для новых жителей немецкое культурное пространство было не только чужим (другие географические и климатические условия, приёмы хозяйствования, архитектура, пространственная планировка, предметы быта и пр.), но зачастую враждебным (ранее территория принадлежала фашистской Германии). Негативное или просто безразличное отношение проявлялось в разграблении и разрушении домов, вырубке деревьев и кустарников для получения древесины, выпасе скота в городских парках и кладбищах. Книги на немецком языке, картины использовали для отопления. Однако постепенно, с налаживанием мирной жизни, новые жители начали проявлять уважение и интерес к доставшейся им в наследство культуре. Литву отличают глубокие национальные традиции, близкие западноевропейской культуре и быту. Поэтому литовское население в духовно-психологическом плане комфортнее чувствовало себя на немецкой земле, чем русское.

Наряду с новым населением, первоочередное влияние на будущее развитие присоединённых территорий оказала политика советской администрации.

Как уже отмечалось, руководство Литовской ССР взяло на себя управление территорией края еще в октябре 1944 г., когда были определены представители будущей гражданской власти. Административный статус территории обсуждался уже 22 ноября 1944 г. на заседании бюро ЦК ЛКП(б). Согласно административно-территориальному

¹ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. СПб., 2002. С. 133.

² Vareikis V. Klaipėda (Memel) in der Nachkriegszeit 1945 – 1953. S. 65.

³ Arbušauskaitė A. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation. S. 60.

⁴ Mačiulskis M. Die Tätigkeit des MVD-MGB im Memelland in den Nachkriegsjahren (1945 – 1953). S. 85, 94.

делению, утверждённому 8 июня 1945 г., Клайпедский район был разделён на уезды: Клайпедский (в составе 16 волостей), Пагегайский (16 волостей) и Шилутский (15 волостей)¹. Таким образом, единая ранее территория вошла в состав трёх разных административных формирований. Временные перемены статуса района произошли в июне 1950 г., когда в рамках эксперимента по введению областного деления внутри союзных республик Прибалтики Литва была поделена на четыре области. Клайпедская область² располагалась в западной и северо-западной частях Литвы, в неё входило 16 районов. Эксперимент был признан неудачным и 28 мая 1953 г. указом Президиума Верховного Совета СССР область была упразднена. Клайпедский район из областного вновь был передан в непосредственное управление республиканским органам Литовской ССР³.

Уже через несколько дней после окончания боевых действий, в феврале 1945 г. бюро ЦК КП(б) Литовской ССР приняло постановление «О разработке мероприятий по восстановлению административного аппарата и народного хозяйства в Клайпедской области». Принятое 1 августа 1945 г. постановление СНК Литовской ССР и ЦК КП(б) «О первоочередных мероприятиях по восстановлению народного хозяйства г. Клайпеды» приоритетными задачами провозгласило возрождение коммунального хозяйства (особенно жилого фонда) и промышленности (прежде всего морского порта)⁴. Оно обязало Управление по делам архитектуры Литовской ССР разработать генеральный план застройки города⁵. Клайпеду включили в пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Литовской ССР 1946 – 1950 гг.⁶ Город получал помощь от союзных правительственных органов⁷.

¹ Arbušauskaitė A. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation. S. 40 – 41.

² В обиходе название «Клайпедская область» по отношению к территории Мемельланда употреблялось с февраля 1945 г. Об этом подробнее см.: Фёдорова О. Г. Послевоенное восстановление Клайпеды и Калининграда: сравнения и оценки. С. 168.

³ Указ Верховного Совета СССР от 28 мая 1953 г. «Об упразднении Вильнюсской, Каунасской, Клайпедской и Шауляйской областей Литовской ССР (образованных указом 20 июня 1950 г.)» // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – ноябрь 1958 г.). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959. С. 69.

⁴ Kairiūkštytė N. Klaipėdos ūkio atkūrimas pirmajais pokario metais (1945 – 1946 m.). P. 24 – 25.

⁵ LCVA. F. R-755. Ap. 2. B. 34. L. 66 – 72.

⁶ KLA. F. 104. Ap. 1. B. 6. L. 344.

⁷ Кретинин Г. В., Фёдорова О. Г. Государственно-правовые и экономические вопросы восстановления Клайпеды в послевоенные годы. С. 28.

Вопросы восстановления Кёнигсберга и прилегающего района правительство подняло только после образования области в 1946 г. 21 июня Совет Министров СССР принял постановление «О мероприятиях по хозяйственному устройству Кёнигсбергской области». Но фактически до 1947 г. центральное правительство не уделяло должного внимания проблемам нового западного края, который стал источником строительных материалов, оборудования, ремесленных изделий для других городов СССР. Отсутствовали учёт и охрана имущества. Новую область не включили в первый послевоенный пятилетний план. Хотя такие присоединённые территории, как Клайпедский край, Южный Сахалин, Курильские острова, район Печенги в план вошли. Как отмечалось ранее, Выборг был включен в число 15 русских городов, восстановление которых законодательно было названо первоочередным. Решением социально-экономических задач занимались военные власти.

Письмо второго секретаря Калининградского обкома П.А. Иванова от 28 мая 1947 г. И.В. Сталину, в котором он выразил озабоченность положением в области, отсутствием помощи в восстановлении со стороны республиканских и союзных министерств, послужило катализатором, изменившим ситуацию. 25 июня 1947 г. указ Президиума Верховного Совета РСФСР установил административно-территориальное деление Калининградской области. То есть важнейшее мероприятие, определяющее статус территории, произошло на два года позже, чем в Клайпедде. В июле 1947 г. принят «Сталинский план восстановления и развития Калининградской области» (так назвали ряд постановлений Совета Министров СССР от 21 июля 1947 г.¹), обозначивший основные направления хозяйственного развития области (судостроение, рыбная, целлюлозно-бумажная, янтарная промышленность, энергетика, транспорт, сельское хозяйство) и с опозданием включивший её в пятилетний план. Согласно постановлению «О мерах помощи городскому хозяйству» в 1947 – 1948 гг. планировалось масштабное восстановление жилой площади (200 тыс. кв. м), коммунального хозяйства, транспорта, создание учреждений образования и культуры².

Вышеизложенная ситуация обусловила отставание в сфере градостроительства. Ранее отмечалось, что генеральные планы восстановления российских городов были

¹ Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 208.

² Щербаков В. В. Сталинская программа хозяйственного и культурного строительства Калининградской области. Калининград: Тип. изд-ва «Советская Литва», 1947. С. 23.

приняты к исполнению в 1948 – 1949 гг. Работы по составлению генплана Калининграда начались только в 1947 г. (их выполнял московский Гипрогор в соответствии с постановлением Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР от 27 июля 1947 г. № 461 «О мероприятиях по восстановлению хозяйства города Калининграда и Калининградской области»)¹. К подготовке генплана Клайпеды приступили годом раньше, в 1946 г. Он был утверждён Постановлением Совета Министров Литовской ССР от 22 октября 1952 г. № 944 (Ленпроект, авторы – архитекторы М. Клейн, А. Афонченко, А. Цибас). План застройки Калининграда принят Советом Министров РСФСР 16 мая 1953 г. (Гипрогор, автор и руководитель проекта М.Р. Наумов)².

В своей работе архитекторы ориентировались на установки советских идеологов, определивших судьбу немецкой архитектуры, которой удалось уцелеть после войны: «Недостаточно изменить названия улиц, площадей и даже городов, надо изменить облик, найти формы, достойные социалистического содержания, и ликвидировать тлетворное влияние неметчины»³. Как выразился немецкий исследователь Б. Хоппе, «это была борьба политических режимов»⁴. Общепринятую точку зрения на архитектуру городов, «не имеющих памятников русской старины», выразил председатель правления Московского отделения Союза советских архитекторов Н.Я. Колли: «Выражение русской национальной градостроительной традиции обязательно не только для городов с большим историческим прошлым, сохранивших древние архитектурные памятники. ...Город, лишённый исторического наследия, не сумевший за время своего существования обрести своё лицо, свой особый стиль, должен найти свою индивидуальность»⁵.

Архитекторы новых советских, но в то же время российского и литовского городов по-разному интерпретировали наставления столичных градостроителей. Калининградские архитекторы поставили перед собой задачу «изменения лица города, прусского до мелочей»⁶. Литовские зодчие искали возможности «сочетания интересов

¹ ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 118. Л. 290.

² Гнатенко М. Каким мы хотим видеть Калининград. Несколько замечаний о застройке и планировке города // Калининградская правда. 1959. 5 апр. С. 3.

³ Щербаков В. В. Сталинская программа... С. 24.

⁴ Норре В. Op. cit. S. 51.

⁵ Цит. по: Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 50.

⁶ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 519. Л. 5.

сохранения и включения памятников архитектуры в новую композицию города с требованиями современного советского градостроительства»¹. Эти первоначальные установки, сформулированные ещё на рубеже 1940 – 1950-х гг., и определили градостроительную судьбу бывших немецких городов в составе разных республик Советского государства.

Важным мероприятием при вхождении в государство новых территорий является смена названий. Переименование символически закрепляет политическую принадлежность, вселяет в жителей чувство безопасности, ощущение пребывания на своей земле. Кёнигсберг стал Калининградом по прошествии более, чем года после присоединения, в июле 1946 г. В Клайпедском крае фактически сразу были возвращены литовские названия населённым пунктам, районам, природным объектам. На территории Калининградской области процесс массовой смены топонимов растянулся до конца 1940-х гг.

В Калининграде и Клайпеде появились улицы, названные именами революционеров, героев коммунистического движения, Великой Отечественной войны, деятелей науки, культуры и искусства, исторических личностей. Распространены были географическая, природная, военная, производственная и социалистическая тематика. В Калининграде появились Сталинградский проспект, улицы Гвардейская, Кавалерийская, Маяковского, Дзержинского, Аллея Смелых и пр. В Клайпеде – площадь Ленина, улицы Красной Армии, Комсомола, Ю. Янониса², С. Нерис³, П. Цвирки⁴, М. Горького и пр. Город был разделён на два административных района – Ленинский (северный) и Сталинский (южный)⁵. Таблицы с названиями улиц изготавливали на литовском и русском языках. Калининград первоначально состоял из четырёх районов (решение облисполкома № 12 от 6 июня 1947 г.⁶) – Сталинградского, Ленинградского, Московского, Балтийского (в Кёнигсберге было 12 районов). Постановление Калининградского горисполкома от 9 октября 1947 г. утвердило карту города с новыми

¹ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 608. Л. 8об.

² Янонис Юлюс (1896 – 1917) – основоположник литовской пролетарской поэзии.

³ Нерис Саломея (1904 – 1945) – литовская поэтесса, воспевшая И. В. Сталина. Лауреат Сталинской премии первой степени (1947 г. – посмертно).

⁴ Цвирка Пятрас (1909 – 1947) – литовский поэт и прозаик, депутат «Народного сейма» (1940). Подписал «Декларацию о вхождении Литвы в состав Союза Советских Социалистических республик» (1940). Депутат Верховного Совета Литовской ССР (1947).

⁵ КЛАА. Ф. 104. Ар. 1. В. 9. Л. 22.

⁶ ГАКО. Ф. 216. Оп. 1. Д. 4. Л. 292.

названиями улиц. Таблички надлежало изготовить и установить в кратчайший срок – к 20 октября¹. Кандидат ист. наук Е.А. Маслов отметил, что к аналогичным мероприятиям, оказывающим влияние на психологическое состояние социума, необходимо отнести уничтожение немецких вывесок, надписей, барельефов и пр. графических символов иной культуры. Кроме того, одним из направлений борьбы с германским культурным наследием стали демонтаж скульптур, памятников ландшафтной культуры, ликвидация музейных, архивных и библиотечных коллекций².

Таким образом, можно прийти к выводу, что присоединённые к СССР города Восточной Пруссии имели ряд специфических особенностей, обусловленных политическими, социальными, экономическими причинами.

В результате войны СССР получил выгодные с геополитической точки зрения территории – через Калининград и Клайпеду ведут самые короткие транзитные пути с Востока на Запад. В перспективе они могли стать крупными торговыми, рыбодобывающими портами, центрами современной промышленности и сельского хозяйства. Но все это было в перспективе.

Обе территории имели стратегическое значение. В первую очередь города у западной границы СССР, располагавшие незамерзающими портами, стали важными пунктами дислокации сухопутных и морских военных подразделений. Экономическую деятельность, социальные контакты населения ограничивал режим запретно-пограничной зоны. Жители приграничных районов должны были стать гарантом национальной стабильности и безопасности, поэтому проводилась планомерная политика советизации, русификации, активно велась агитационно-пропагандистская работа.

Казалось бы, направления развития бывших немецких городов были определены. Но решающую роль, обусловившую отличное градостроительное будущее, сыграл тот факт, что рассматриваемые территории отошли к разным республикам СССР. Клайпедский край считался возвращённым регионом, исторически принадлежавшим Литве. Калининградская область была трофеем, неизвестной землей. Деятельность советских гражданских органов управления в ней началась позже, из-за чего, как

¹ Там же.

² Маслов Е. А. Указ. соч. С. 85 – 86.

отметил в своём письме И.В. Сталину от 28 мая 1947 г. секретарь калининградского обкома П.А. Иванов, «министерства и ведомства рассматривали её как оккупированный район», источник сырья и оборудования¹. В результате почти полной смены населения присоединённые территории стали ареной для столкновения разных культур, религий, ментальностей. Травмированная историческая память населения выдвинула на первый план проблему соотношения «своего» и «чужого».

Исходя из социально-политической ситуации, сложившейся в Кёнигсберге-Калининграде и в Мемеле-Клайпеде сразу после войны, можно выделить ряд общих и отличных факторов, повлиявших на отношение переселенцев к немецкой историко-архитектурной среде.

Общие факторы:

- 1) Психологический. Большой процент нового населения составляли демобилизованные, жители оккупированных территорий. В памяти людей были живы воспоминания о трагедии недавней войны.
- 2) Идеологический. Среди переселенцев велась планомерная пропаганда советского образа жизни, неприятия всего «вражеского». Сведения о немецкой истории долгое время замалчивались и упрощались в соответствии с заданной идеологически выверенной схемой. Например, в Калининграде доля местной тематики в лекционной пропаганде 1945 – 1956 гг. всего составляла 2 – 5 %². Согласно интерпретации советских властей немецкая архитектура была символом агрессии фашистской Германии, считалась «пережитком времени»³.

Отличительные факторы (Калининград):

- 1) Социальный. Для советских переселенцев немецкая историко-культурная среда была чуждой и непонятной. Особенно это было характерно для переселенцев из сельской местности, не имевших опыта городской жизни (согласно имеющимся данным в 1947 – 1950 гг. они составляли 40 % от общего количества переселенцев в города области⁴). Кроме того, контакты приезжих с людьми, которым принадлежало это культурное

¹ Цит. по: Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 253.

² Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 49.

³ Тянь Д. К. Советский город Калининград // Калининградская правда. 1947. 17 нояб. С. 2.

⁴ Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 130.

наследие, ограничивались. Позднее немцы были выселены, что оборвало цепь передачи, прервало исторические и эмоциональные связи между прежним и новым.

2) Фактор неопределённости. Как среди советского, так и среди немецкого населения были распространены слухи, что Кёнигсберг и прилегающая к нему территория временно оккупированы советскими войсками и вскоре будут возвращены Германии.

3) Фактор временности. Многие исследователи отмечают, что большинство переселенцев не рассчитывали обосноваться здесь навсегда, планируя переждать трудное послевоенное время (приманкой являлись переселенческие льготы и жильё¹). Распространённым явлением стало «обратничество». Настроения «временного» пребывания обосновывают безразличие к чужой культуре, вещам, жилью и пр.

Отличительные факторы (Клайпеда):

1) Социальный. Литовским переселенцам немецкие традиции в архитектуре были ближе, чем российским. Они не подвергались резкой критике власетей, как в Калининграде. Да и российские специалисты, которых обеспечивали жильём и работой, не были столь разочарованы своим положением.

2) Фактор определённости. Территория сразу вошла в состав Литовской ССР. Наряду с чрезвычайными были образованы гражданские органы управления, которые без промедления приступили к восстановительным мероприятиям. Планы будущего развития территории разрабатывали как на уровне местной власти, так и в республиканском и союзном правительствах.

3) Фактор постоянства. Прибывавшие литовские переселенцы заселяли эту землю, как исконно литовскую, рассчитывая обосноваться здесь на постоянной основе. Город ещё в межвоенный период предполагалось осваивать как литовский основательно и навсегда (имеется ввиду период 1923 – 1939 гг.).

Итак, отношение населения и властей к архитектурной среде имело общие факторы, но в целом преобладали отличия. К тому же идеологический фактор создавался властями искусственно. К новым жителям Клайпеды гораздо быстрее пришло ощущение «своего»: родного дома, земли. Тогда как в Калининграде необходимо было вырасти новому поколению, для которого эта земля стала Родиной. Для них довоенное прошлое города постепенно стало срастаться с настоящим.

¹ См., например: Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 146 ; Luschnat G. Op. cit. S. 206 – 207 ; Sakson A. Op. cit. S. 188 – 189.

Общей отправной точкой для советской истории Калининграда и Клайпеды было то, что города подверглись сильным разрушениям, для обеспечения жизнедеятельности людей требовалось их восстановление. При чрезвычайном управлении временные власти ограничивались необходимыми мероприятиями: расчистка завалов, разминирование и пр. В первую очередь была определена промышленная специализация; реанимация промышленности повлекла за собой восстановление жилья. Города возрождались, но хаотично, беспланово. Градостроительная деятельность началась с работы по составлению генеральных планов городов, призванных превратить их в новые советские портовые и промышленные центры.

Таковой, в самых общих чертах, была послевоенная социально-политическая и экономическая обстановка в Калининграде и Клайпедe, обусловившая сходства и отличия их градостроительного развития. Об этом речь пойдет в следующих главах работы.

ГЛАВА 2. ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

2.1 Формирование органов управления и начало советской градостроительной деятельности во второй половине 1940-х годов

Смена государственного строя и населения на территории нынешней Калининградской области в 1945 г. обусловила преобладание эстетических приоритетов, свойственных советскому обществу, что в свою очередь вызвало перемены в архитектуре и градостроительных традициях.

Нельзя говорить о градостроительной деятельности в полном смысле этого понятия относительно первых послевоенных лет. Первоочередные задачи были направлены на создание условий для нормальной жизнедеятельности в послевоенном городе. Помимо перевода жизни на мирные рельсы для осуществления проектно-архитектурной деятельности требовалось создание административного аппарата и соответствующих учреждений, наличие подготовленных специалистов, разработанная государственная концепция, определяющая в соответствии со спецификой конкретной территории направления градостроительного планирования.

Особенности организации восстановительных работ на данной территории обуславливало то, что гражданские органы власти были созданы только весной-летом 1946 г. с образованием Кёнигсбергской (7 апреля), а затем Калининградской области (4 июля). До этого управление Кёнигсбергом и прилегающим районом осуществляли чрезвычайные органы власти. С апреля 1945 г. решением жилищно-коммунальных вопросов занимался административно-хозяйственный отдел Управления военного коменданта Кёнигсберга. С 10 мая 1945 г. – коммунально-бытовой отдел Временного управления по гражданским делам при военной комендатуре. С 19 ноября 1945 г. комендатура стала выполнять чисто гарнизонные функции. Для осуществления административно-хозяйственной деятельности было создано Временное гражданское управление при Военном Совете Особого военного округа, в его составе также функционировал отдел коммунального хозяйства. При временных органах власти

существовали отделы местной промышленности, которые занимались вопросами организации пуска и работы предприятий¹.

Ещё одна особенность восстановления при чрезвычайном управлении заключалась в том, что отсутствовала квалифицированная рабочая сила, так как по решению IV Гаагской конференции 1907 г. любому государству запрещалось переселять на оккупированную территорию гражданское население². Такое право СССР получил лишь с решением Потсдамской конференции о юридическом закреплении принадлежности северной части Восточной Пруссии СССР. Поэтому в первые несколько послевоенных лет основной рабочей силой являлись демобилизованные воины, местное немецкое население, военнопленные, репатриированные советские граждане.

Согласно приказу начальника штаба Управления коменданта города и крепости Кёнигсберг от 15 апреля 1945 г. для работ по очистке города привлекали пленных, «независимо от их воинского звания»³. В связи с необходимостью «лучшего использования немецкой рабочей силы» приказом военного коменданта Кёнигсберга от 6 мая 1945 г. для местного населения был продлён комендантский час, пребывание на улице разрешалось с 7 часов утра до 9 часов вечера⁴.

Труд немецкого населения использовался до начала массовой депортации в 1947 – 1948 гг. По данным на конец сентября 1946 г. на городском водопроводе работало около 500 немцев и только 3 русских специалиста; в трамвайном тресте – 350 немцев и 6 русских; в ремонтно-строительном тресте – более 700 немцев и 5 русских⁵. Калининградский коксогазовый завод восстанавливался с 1947 г. без технической документации и без квалифицированных специалистов. На заводе первоначально не было даже специалистов-газовщиков, кроме одного репатриированного инженера, работавшего у немцев⁶. В мастерской Облпроект в 1947 г. из 52 штатных единиц было

¹ Клемешева М. А. Деятельность временных управлений по гражданским делам на территории Калининградской области (1945 – 1947 гг.). Калининград, 1990 // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 58. Л. 4, 14, 15, 17, 20, 22.

² Клемешева М. А., Чумаков А. Д. Хозяйственная деятельность Советской Армии на территории Кёнигсберга и прилегающего к нему района (апрель 1945 – апрель 1946 гг.). Калининград, 1990 // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 54. Л. 5.

³ Административно-хозяйственная деятельность советских военных властей в Кёнигсберге в апреле – мае 1945 г. / Сост. В. Н. Маслов, С. Тецлав // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Калининград, 2001. Вып. 3. С. 152.

⁴ Там же. С. 157.

⁵ ГАКО. Ф. Р-298. Оп. 3. Д. 6. Л. 19.

⁶ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 75. Л. 47 – 48.

28 немцев¹, т.е. более 50 % штата. (В 1948 г. в штатном расписании еще числились три немца – архитектор Коснер Альфрид Фридрихович, инженер-конструктор Беринг, истопник Хинина Нина Фрицовна²).

Таким образом, на городских коммунальных и строительных предприятиях до 98% штата составляли немцы³, которых наряду с подсобными работами привлекали к квалифицированному труду. В послевоенные годы в стране остро ощущался кадровый голод. В том числе не хватало архитекторов, строителей, специалистов жилищно-коммунального комплекса.

Первая задача, которая встала перед военными комендатурами – организация тушения пожаров и разминирование зданий, промышленных объектов, транспортных узлов, водных артерий.

В середине апреля 1945 г. уполномоченный НКВД по 3-му Белорусскому фронту генерал-лейтенант Зеленин в докладе о положении в Кёнигсберге, адресованном Л.П. Берии, отметил, что почти все здания в городе заминированы, «горящие дома в большинстве своём взрываются»⁴. С апреля по май происходили взрывы мин замедленного действия. По воспоминаниям архитектора А.В. Максимова, только в июне «стихия умолкла»⁵. Тушение пожаров осуществлялось силами войск и местного населения.

Сильные разрушения усложняли разминирование. Несмотря на это, за два месяца после окончания боёв саперы собрали и обезвредили свыше 500 тыс. снарядов, 60 тыс. гранат, 100 тонн пороха, 550 фугасок. Окончательно территория областного центра была очищена от взрывчатых веществ только к концу мая 1947 г.⁶ Активные работы по разминированию области продолжались.

Во избежание несчастных случаев приказ командующего округом от 30 ноября 1945 г. обязал военных комендантов городов и населённых пунктов осмотреть здания и дома с высокими стенами, которые потенциально грозили обвалами, подготовить их к разрушению путём взрывов. В декабре опасные здания были подорваны⁷.

¹ ГАКО. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

² ГАКО. Ф. 774-П. Оп. 1. Д. 3. Л. 125.

³ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 173. Л. 66.

⁴ Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 176.

⁵ Кёнигсберг-Калининград = Königsberg-Kaliningrad: альбом. С. 69.

⁶ Очерки истории Восточной Пруссии. С. 446.

⁷ НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 54. Л. 27 – 28.

Под руководством командования частей, военных комендатур осуществлялась расчистка города от завалов, руин, засыпка окопов, траншей, воронок, захоронение трупов людей и животных.

Кроме того, перед комендатурами стояли задачи недопущения растаскивания и уничтожения имущества, охраны предприятий и важных коммунальных объектов (водонасосные станции, электростанции и пр.)¹.

Серьёзной проблемой являлась деятельность «трофейных» команд, которые производили демонтаж оборудования и разборку конструкций, в том числе в зданиях и хозяйственных сооружениях, подлежащих восстановлению. Трофейные управления вывозили за пределы области промышленное оборудование, строительный инвентарь.

20 мая 1946 г. при Гражданском управлении было организовано Кёнигсбергское областное Управление промышленности стройматериалов². Ему было передано 30 предприятий. Обследование выявило, что все эти заводы значительно пострадали от военных действий, было разрушено или вывезено технологическое, энергетическое, транспортное оборудование³.

С изменением международного статуса территории после Потсдамской конференции началось её освоение. На Временное гражданское управление при Военном Совете округа возлагались более широкие обязанности по управлению и восстановлению хозяйства.

Наличие в Кёнигсберге и на прилегающей к нему территории крупных промышленных предприятий машиностроения, целлюлозно-бумажной промышленности привлекло внимание различных наркоматов страны. Наряду с правительственными директивами это явилось фактором быстрого восстановления предприятий. Промышленная специализация региона во многом определила будущее развитие градостроительной практики.

Работы по восстановлению промышленных предприятий в Кёнигсберге производило особое монтажное управление № 4 при 3-м Белорусском фронте (создано в июне 1945 г.). В его ведение перешли предприятия и материалы, расположенные в

¹ НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 58. Л. 13.

² ГАКО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 2. Л. 229.

³ Справка Управления промстройматериалов о восстановлении промышленности строительных материалов в области, 2 июля 1947 г. // Самая западная. Вып. 1. С. 67 – 68.

Кёнигсберге и его районах¹. Функционировали военные строительные организации: Управление начальника работ-195 (УНР-195), работавшее с июня 1946 г.; Управление лагерей военнопленных и интернированных № 445 при МВД СССР, образованное в январе 1946 г. и др.² Позднее они стали основой для формирования ведущих строительных и проектных учреждений города.

Наряду с военными и промышленными строительными организациями в 1946 – 1947 гг. в области действовало 20 ремонтно-строительных контор жилищных управлений. Они начали работу с нуля, так как практически отсутствовала производственная база³. Строительные организации испытывали недостаточную оснащенность механизмами, транспортом. Практически отсутствовали квалифицированные инженерно-технические кадры.

Особое значение в силу важности задач по восстановлению населённых пунктов придавали возрождению промышленности стройматериалов⁴. С целью создания необходимой базы для восстановления предприятий и мостов силами 4-го Особого монтажного управления в Кёнигсберге в конце июня 1945 г. был восстановлен завод металлоконструкций⁵. В 1947 г. введены в действие на неполную мощность 5 кирпично-черепичных заводов (в Зеленоградске, Советске, Немане, Краснознаменске, пос. Янтарный)⁶. Началась выработка строительных материалов – кирпича, черепицы, пустотелых блоков, извести. Но фактический выпуск валовой продукции кирпича в 1947 г. составил всего лишь 6,5 % от планового⁷. При восстановлении зданий использовали материалы с разрушенных объектов. Многие строительные организации легально и полулегально добывали кирпич из завалов.

В 1945 г. военные комендатуры начали передавать подлежавшие восстановлению промышленные объекты наркоматам и различным ведомствам⁸. Администрацией с участием военных строительных батальонов при содействии соответствующих ведомств были организованы работы по восстановлению ЦБК-1, ЦБК-2, судоверфи,

¹ Маслов В. Н., Тецлав С. Указ. соч. С. 184.

² Губин А. Б. «Калининградстрой»: этапы структурных преобразований. С. 90 – 91.

³ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 173. Л. 65.

⁴ Дыховичная Н. Строить по-новому, по-советски // Калининградская правда. 1947. 9 окт. С. 3.

⁵ НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 54. Л. 6.

⁶ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 102. Л. 149.

⁷ Там же. Л. 150.

⁸ Очерки истории Восточной Пруссии. С. 448.

вагоностроительного завода, подсобных производств (рыбозаводы, лесозаводы) и пр. С мая 1945 г. велись работы по восстановлению элеватора и мельницы в порту¹. К 1947 г. было запущено или начало строится заново 140 предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения². Именно промышленные ведомства сыграли ведущую роль в первоначальном восстановлении жилого фонда.

В 1945 – 1946 гг. жильё распределяли коменданты, военным квартиры выделяли командиры частей. Но налаженной системы расселения не было, прибывавшие с 1946 г. переселенцы находили пустой дом или квартиру и селились, где больше нравилось. В результате, развивалась спекуляция квартирами, практиковалось занятие жилплощади сверх нормы³.

До войны в Кёнигсберге числилось около 6 млн. кв. м благоустроенной жилой площади⁴. Учтённая жилая площадь по городу в 1946 г. составляла 650 тыс. кв. м (но 50 % её требовало ремонта)⁵. В таких трудных условиях новой администрации необходимо было решать жилищную проблему. В связи с оперативностью проводившихся работ зачастую вводили в эксплуатацию здания, восстановленные не полностью (только некоторые помещения или первые этажи).

В силу особенностей управления присоединённой территорией, жилой фонд в основном находился в ведении военных. 21 июня 1946 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР о национализации на территории Кёнигсбергской области⁶.

Восстановлением жилых зданий и военным строительством занималось Управление военно-строительных работ 11-й гвардейской армии, созданное приказом командующего Особым военным округом 10 июля 1945 г. В его состав входило 6 строительных отрядов и батальонов общей численностью 2860 человек⁷. В связи с отсутствием проектных организаций, составлением необходимых документов (смет, актов, проектов) занимались специалисты из воинских частей⁸.

¹ Там же. С. 446.

² Там же. С. 449, 470.

³ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. СПб., 2002. С. 54 – 56.

⁴ ГАКО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 118. Л. 73 – 73 об.

⁵ Справка о развитии Кёнигсбергской области, не ранее 1 июля 1946 г. // В начале нового пути: Документы и материалы... С. 92.

⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О национализации земли, банков, промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи в Кёнигсбергской области», 21 июня 1946 г. // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 104 – 105.

⁷ Большой энциклопедический словарь Калининградской области. С. 365.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-150. Оп. 2. Д. 182. Л. 17.

Параллельно с жильём осуществлялось восстановление учреждений, необходимых для мирной жизни людей, – школ, детсадов, больниц, магазинов, бань и пр. В ноябре 1945 г. в Кёнигсберге уже работали и выпускали продукцию предприятия местной промышленности, а именно мясокомбинат, мелькомбинат, пивоваренный завод, два хлебозавода, два спиртзавода, швейно-обувная фабрика¹.

Пожалуй, единственный проект, разработанный приглашёнными архитекторами в первый послевоенный год, – памятник Победы. Мемориальному комплексу в Кёнигсберге придавали особое идеологическое значение. Необходимо было символически обозначить право Советского Союза на владение городом. Именно в Кёнигсберге был сооружён первый в стране монумент павшим воинам. Его открытие состоялось 30 сентября 1945 г. Возведение комплекса организовал командующий Особым военным округом генерал-полковник К.Н. Галицкий. Для разработки проекта был приглашён известный архитектор, к тому времени создавший не один проект военных памятников для Всесоюзных конкурсов, преподаватель Московского архитектурного института И.Д. Мельчаков. Он работал совместно с архитектором С.С. Нанушьяном и группой литовских скульпторов под руководством Ю. Микенаса (лауреат Сталинской премии 1947 г.). Монументальный мемориальный комплекс состоит из скульптурных групп, которые отличает динамичность, суровая экспрессия.

До войны Кёнигсберг имел развитое жилищно-коммунальное хозяйство. Во многие дома были подведены водопровод и канализация. Немощёных улиц практически не было². По свидетельствам послевоенных архитекторов в Калининграде (не считая старого центра) сохранились почти все инженерные системы. Так, на общем собрании калининградского отделения Союза архитекторов Д.К. Тянь³ заявил: «В основном надо делать архитектуру, так как инженерное благоустройство в городе имеется»⁴.

В приказах военного коменданта города и в постановлениях Военного Совета Особого военного округа есть решения о восстановлении водопровода, канализации,

¹ Очерки истории Восточной Пруссии. С. 471.

² ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 103. Л. 3 – 4.

³ Тянь Дيسان Кимирович – инженер-строитель. В 1935 г. окончил Ленинградский институт инженеров коммунального строительства. До переезда в Калининград работал инженером и архитектором в городах Кузнецке, Ворошилове, Алма-Ате, Смоленске. В ноябре 1947 г. занимал должность заместителя начальника Калининградского областного отдела архитектуры. В 1947 – 1953 гг. – старший инженер, главный инженер Облпроект. С 1953 г. – главный инженер УНР-230. Осуществлял инженерное руководство строительством Дворца культуры торгового порта, драматического театра в Калининграде.

⁴ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

электрических и газовых сетей. Но эти работы не имели чёткого плана, производились бессистемно, по выборочному принципу. В приказе от 16 июня 1945 г. комендант Кёнигсберга подчеркивал, что восстановление объектов коммунального хозяйства, расчистка улиц производились силами немецкого населения без плана и недостаточно контролировались¹.

Часть коммуникаций удалось сохранить, часть была разобрана при восстановлении зданий, так как нередко проекты предусматривали разборку прежних конструкций², часть была выведена из строя еще до начала восстановительных работ. Заместитель председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгин своим распоряжением от 5 июля 1946 г. разрешил организовать военизированную охрану на жилищно-коммунальных предприятиях Калининграда³.

И всё же уже к июню 1945 г. были восстановлены и пущены в эксплуатацию водонасосные станции «Прегель» и «Верке»⁴. К ноябрю через линии электропередачи подали напряжение на кёнигсбергскую ГРЭС-1 (ныне – ТЭЦ-1), что дало возможность подать электроэнергию некоторым потребителям в Кёнигсберге⁵. Первая очередь восстановления уличного электроосвещения города была утверждена только в июле 1947 г. В неё вошли 12 улиц Сталинградского района, по 7 улиц в Московском и Ленинградском районах, 4 улицы в Балтийском районе⁶. Но по информации на 1 января 1948 г. только три улицы в Калининграде имели газовые фонари. В городах области уличное освещение отсутствовало⁷.

Тяжело приходилось новым жителям области в работе и быту. Газ в дома не поступал, жилые помещения не отапливались. Город обслуживало 56 % довоенного водопровода⁸. Иногда из-за утечек и перебоев в работе водопроводной сети для приготовления пищи и питья жильцам приходилось собирать дождевую воду⁹. Из 9 канализационных станций перекачки, работавших в Кёнигсберге до войны, к началу 1948 г. восстановили только две.

¹ Маслов В. Н. Военные комендатуры – первые советские органы власти в Кёнигсберге. С. 46.

² ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 19. Л. 33.

³ ГАКО. Ф. Р-298. Оп. 3. Д. 1. Л. 13.

⁴ Очерки истории Восточной Пруссии. С. 446.

⁵ Малые города Калининградской области: энциклопедический справочник. С. 212.

⁶ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 5. Л. 22.

⁷ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 2. Л. 90.

⁸ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁹ ГАКО. Ф. Р-295. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

Трудности в налаживании нормального функционирования коммунальных сетей были обусловлены как нехваткой специалистов, так и отсутствием технической документации на подземное хозяйство¹.

Сложно обстояло дело с транспортом. Жители передвигались на попутках. С 6 августа 1945 г. в Кёнигсберге было введено почасовое движение трёх пассажирских автобусов: с 8.00 до 9.55, с 15.00 до 16.20, с 19.00 до 22.00². По состоянию на сентябрь 1946 г. в Калининграде действовало два регулярных автобусных маршрута: № 1 – Южный вокзал – Гвардейская площадь; № 2 – проспект Александра Невского – Кольцо: посёлок ЦБК-1. Время работы: с 6 ч. 30 мин. до 22 ч. 30 мин.³ Городская автотранспортная контора имела 15 автобусов: из них половина – трофейные машины – иномарки, которые в силу отсутствия запчастей беспрерывно выходили из строя⁴. Основным видом городского транспорта стал трамвай. В 1946 – 1947 гг. в Калининграде ввели в строй около 50% довоенной мощности трамвайного хозяйства⁵. Использовался старый подвижной состав.

Восстановление железнодорожных путей и узлов началось ещё в ходе боевых действий под руководством Управления инженерных войск 3-го Белорусского фронта, затем Особого военного округа. В работах участвовали железнодорожные войска и спецформирования, воинские части⁶. Движение пригородных поездов из Калининграда на взморье началось в июне 1947 г.⁷ С 15 сентября 1945 г. действовало междугороднее автобусное сообщение.

Итак, первоначально работы по возрождению промышленности производили военные строительные отряды под руководством чрезвычайных органов управления. Они же начали восстанавливать жилые дома, коммунальные сети, транспортные пути, затем к этой работе присоединились строительные бригады предприятий.

¹ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 15. Д. 71. Л. 22.

² Очерки истории Восточной Пруссии. С. 447.

³ Приказ № 403 начальника Управления по гражданским делам Калининградской области В. А. Борисова об организации регулярного пассажирского автобусного сообщения в Калининграде, 10 сентября 1946 г. // В начале нового пути: Документы и материалы... С. 134.

⁴ Справка об освоении города Калининграда, 1948 г. / Сост. Н. Г. Макарьева // Калининградские архивы. Вып. 3. С. 221.

⁵ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 103. Л. 10.

⁶ Очерки истории Восточной Пруссии. С. 450.

⁷ Губин А.Б. Исторические записки // Преголя: Приложение к «Балтийскому альманаху». Калининград, 2011. № 6. С. 54.

С 7 апреля 1946 г. по 28 мая 1947 г. происходило образование временных гражданских органов советской власти. С 28 мая до 21 декабря (день первых выборов в местные Советы) 1947 г. образованные учреждения функционировали в составе исполкомов местных Советов, созданных путём назначения. Организационный период закончился только в конце 1947 – начале 1948 гг., когда завершился процесс перехода к конституционным органам власти, сформировались партийные и массовые общественные организации.

С апреля 1946 г. начал работу областной отдел коммунального хозяйства Управления по гражданским делам, с мая 1947 г. он вошёл в состав облисполкома (начальник – главный архитектор отдела П.В. Тимохин¹, в 1947 г. Д.И. Корнаухов, с 1948 г. Ю. Дубов). Для рассмотрения и утверждения проектов и смет на восстановление 7 августа 1946 г. при отделе был создан технико-экспертный совет². Ремонтно-строительная контора отдела, созданная на базе строительной конторы кёнигсбергского гарнизона, занималась мелким ремонтом коттеджей и приспособлением зданий под различные отделы и управления. Но зачастую служащие отделов своими силами восстанавливали здания для работы и жилья³.

7 апреля 1946 г. при Управлении по гражданским делам начал работу Калининградский городской отдел коммунального хозяйства (начальник – Г.В. Попков, с декабря 1947 г. – В.М. Долгушин, архитектор отдела А.В. Максимов⁴), который в рассматриваемый период занимался вопросами восстановления коммунально-бытовых предприятий, жилых зданий.

13 сентября 1946 г. является днём образования первого органа архитектуры в истории области – отдела по делам архитектуры Управления по гражданским делам Калининградской области (с 30 мая 1947 г. – Калининградского облисполкома).

¹ Тимохин П. В. – архитектор. С апреля 1946 г. главный архитектор областного отдела коммунального хозяйства, с августа 1946 г. по январь 1955 г. начальник областного отдела по делам архитектуры. Член РКП(б) с 1919 г. Участник Гражданской и Великой Отечественной войны.

² ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 182. Л. 19.

³ Там же.

⁴ Максимов Арсений Владимирович – один из первых послевоенных архитекторов г. Калининграда. С июня 1945 г. регистрировал сохранившиеся здания и сооружения. В первые послевоенные годы принимал непосредственное участие в разработке планов центра города и отдельных его районов. А. В. Максимов 20 лет работал в «Облкоммунпроекте». Занимался созданием интерьеров и проектированием мемориальных комплексов. Является автором десятков художественных акварелей, запечатлевших руины Кёнигсберга. В 1970 г. переехал в Кострому. Ветеран Великой Отечественной войны. (Сост. по: Кенигсберг-Калининград=Königsberg-Kaliningrad: альбом. С. 66, 69).

Возглавил его П.В. Тимохин (1946 – 1955)¹. Первоначально отдел располагался в помещениях трёх комнат дома № 17 по улице Коммунальной города Калининграда.

По данным на 15 ноября 1946 г. штат областного архитектурного отдела состоял из начальника отдела, начальника Государственного архитектурно-строительного контроля (далее – ГАСК), главного бухгалтера, секретаря-машинистки и уборщицы. При таком ограниченном количестве штатных единиц отделу приходилось выполнять довольно широкий круг обязанностей: осуществление архитектурно-строительного надзора, утверждение проектов зданий, образцов изделий домашнего быта, намеченных к массовому выпуску (мебели, художественной отделки, скобяных изделий)². В течение почти года после образования областного отдела по делам архитектуры отсутствовало Управление главного архитектора города. Фактически, его обязанности выполнял начальник областного отдела В.П. Тимохин³. При учреждении работало Бюро экспертизы проектов и смет, которое консультировало по восстановительной проектной документации отдельных объектов. Из-за отсутствия штатной единицы до июня 1947 г. работу проводил сам П.В. Тимохин. Затем на должность заведующего Бюро был назначен архитектор Ф.П. Диденко⁴.

Рассматриваемый период был организационным в работе вновь созданных учреждений. Подтверждением тому служит нередко возникавшая путаница в решении планировочных мероприятий. Отводом и распределением участков под строительство и восстановление в Калининграде занимались и горкомхоз, и областной архитектурный отдел. По причине своеобразного двоевластия возникало немало проблем. Отмечены случаи передачи на восстановление одного и того же дома разным организациям⁵. Многие здания административного назначения (школы, больницы и др.) оказались

¹ Митина Е. С. Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.). С. 72.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 182. Л. 20.

⁴ Диденко Фёдор Петрович – архитектор. С 28 апреля 1948 г. работал в «Облпроекте». В 1950-е гг. занимал должности заведующего Бюро экспертизы проектов и смет областного отдела по делам архитектуры, учёного секретаря архитектурной комиссии, начальника архитектурного отдела архитектурно-планировочного сектора «Облпроекта», с 1952 по 1957 гг. начальника архитектурно-планировочного сектора. В 1954 – 1956 гг. являлся председателем правления калининградского отделения Союза архитекторов СССР. До работы в Калининграде принимал участие в разработке генерального плана восстановления и развития города Сталинграда. Много труда и внимания уделил планировке и архитектуре калининградского ботанического сада, выполнил проекты ряда памятников воинам Советской армии, погибшим при штурме Кёнигсберга. Принимал участие в разработке проекта центра г. Калининграда в 1955 г. (Сост. по: НА КОИХМ. Ф. 1. О. 6. Д. 72. Л. 65 –67).

⁵ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 135.

занятыми военными. Бессистемно велись работы по благоустройству и наведению санитарного порядка, восстановлению канализации, водопровода. Первую очередь трамвая восстановили в 1946 г. на Советском проспекте. Тогда как большая необходимость имела на Сталинградском проспекте, на ул. К. Маркса, где располагались основные общественные учреждения и магазины¹. Позднее эта система была упорядочена. Со второй половины 1947 г. выделение мест застройки в Калининграде осуществлял городской отдел архитектуры.

Решением Калининградского горисполкома № 86 от 7 августа 1947 г. было организовано Управление главного архитектора города Калининграда, которое непосредственно подчинялось исполкому Калининградского горсовета, и было подконтрольно отделу по делам архитектуры облисполкома². Первым главным архитектором стал Д.К. Навалихин (1948 – 1953)³. Дмитрий Константинович в должности главного архитектора Калининграда выглядел крайне противоречиво. С одной стороны, он действовал в соответствии с идеологическими установками, ратовал за «изгнание прусского духа». С другой стороны, как профессиональный архитектор,

¹ Там же. Л. 15.

² Митина Е. С. Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.). С. 72.

³ Навалихин Дмитрий Константинович – архитектор. Родился в 1911 г., окончил Ленинградский институт коммунального строительства и Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина по специальности архитектор. С 1946 г. член ВКП(б). В 1948 – 1953 гг. занимал должность главного архитектора г. Калининграда, в 1955 – 1957 гг. возглавлял Калининградский областной отдел по делам архитектуры. В 1951 – 1954 гг. являлся председателем Правления калининградского отделения Союза архитекторов СССР. Д. К. Навалихин обобщил материалы, посвящённые реконструкции центра города Калининграда в диссертации, защищённой в 1959 г. Благодаря архитектору многие немецкие здания были восстановлены, сохранены некоторые архитектурные памятники города (биржа, несколько кирх, комплекс Луизен-парка, новое здание университета и др.). С 1957 по 1961 гг. руководил сектором жилых и общественных зданий и сооружений Уральского филиала Академии строительства и архитектуры СССР (г. Челябинск). С 1961 г. преподавал в Московском архитектурном институте. Работал в институте «Спецпроектреставрация». В 1975 г. Д. К. Навалихин создал при институте и возглавил отдел проектирования охранных зон памятников истории и культуры. Являлся руководителем проекта «Охрана памятников культуры г. Калининграда». В 1986 г. в соавторстве с Г. С. Комаровой выполнил проект «Историко-градостроительный опорный план г. Калининграда (бывшего Кёнигсберга)». Среди проектов, осуществлённых в Калининграде полностью или частично под руководством и при участии Д. К. Навалихина, – проект первой очереди застройки города (Сталинградский проспект), проект планировки площади Победы и парка Победы, центральная трибуна, проект реконструкции площади Южного вокзала, реконструкция жилого массива на ул. К. Маркса, памятник героям штурма Кёнигсберга на ул. Энгельса. (Сост. по: Справка о творческом пути и наследии Навалихина Дмитрия Константиновича, архитектора-художника, кандидата архитектуры, доцента по кафедре «Архитектурное проектирование планировки населённых мест» // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 73, Л. 2 – 4, 5 – 11).

ученик А.А. Оля¹, старался восстанавливать город на принципах сочетания старой и новой застройки².

Разрешения на право производства строительных работ давала Инспекция ГАСК, созданная в Калининградской области согласно приказу № 433 от 24 сентября 1946 г. Её возглавлял архитектор-инспектор А.В. Максимов³. Выдача разрешений на производство строительства осуществлялась в том случае, если проект был обеспечен технической документацией, строительным планом и архитектурное оформление отвечало проекту планировки и застройки города.

Таким образом, первые несколько лет основная нагрузка градостроительной работы осуществлялась силами трёх гражданских архитекторов.

В соответствии с циркулярным письмом Главного интенданта Красной армии начальника Главного управления военно-промышленного строительства при СНК СССР и начальника ГАСК СССР от 18 августа 1945 г. все строительные работы, кроме спецобъектов и объектов, расположенных на территориях казарменных городков, лагерей, складских и аэродромных сооружений, находились под контролем ГАСК⁴.

Однако гарнизоны и воинские части, расположенные в Калининграде, за редким исключением, производили восстановление и строительство без согласования технической документации с гражданскими органами. Создавались искусственные казарменные городки, закрытые для гражданских лиц, путём огораживания жилых кварталов⁵.

Так, в июле 1947 г. всего три стройки в Калининграде имели официальное право на восстановительные работы, остальные велись без архитектурно-строительного контроля. В связи с тем, что проектное дело находилось на этапе становления, здания в большинстве случаев восстанавливали без проектов. Недоработка вопросов инженерной

¹ Оля Андрей Андреевич (1883 – 1958) – советский архитектор, профессор, член-корреспондент Академии архитектуры СССР. Его проекты испытали влияние модерна, неоклассицизма, функционализма.

² Навалихин Д. К. Доклад по диссертационной работе «К вопросу реконструкции центра города Калининграда» // Фонды КОИХМ. КГОМ1-12092.34. Л. 9.

³ Митина Е. С. Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.). С. 73.

⁴ ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 182. Л. 3.

⁵ Там же.

подготовки территории вела к заболачиванию районов, возникновению очагов малярийных и других заболеваний¹.

Процесс передачи власти от военных гражданским органам проходил напряженно (апрель 1946 – май 1947 гг.). Передача имущества, в том числе жилого фонда, коммунального хозяйства, сопровождалась конфликтами. В течение 1945 – середины 1946 гг. фактически отсутствовали учёт и охрана городского имущества. В ходе приёмки гражданские управления сталкивались с тем, что предназначенные для будущих переселенцев дома пострадали от пребывания в них военных. Были вывезены рамы, двери, сантехника, выломаны полы и перегородки для использования в качестве топлива². В Калининграде в начале 1947 г. разобрали трибуны стадиона³. Кроме того, в архивных делах сохранилось множество жалоб о нежелании военных выселяться из домов, перешедших в собственность гражданских управлений. Серьёзность сложившегося противоречия подтверждает, к примеру, постановление, принятое 30 сентября 1946 г. на уровне Совета Министров СССР, об освобождении военными в двухнедельный срок тех населённых мест, которые предназначались для размещения переселенцев. В случае невыполнения воинские части подлежали выселению в административном порядке⁴.

Схожая ситуация сложилась с выселением сотрудников МГБ/МВД. При осуществлении ремонта подведомственных МВД зданий в 1946 г. происходило расхищение строительного материала, «снятие полов, дверей, арматуры, сантехники». Зафиксированы случаи, когда демонтаж осуществляли немецкие военнопленные, а на объектах выставляли охрану⁵.

С 1946 г., в связи с приёмкой имущества от военных структур, началась постановка на государственный учёт сохранившихся зданий, сооружений, построек. Вновь сформированные Управления по гражданским делам с целью учёта и

¹ Митина Е. С. Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.). С. 73.

² ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³ Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 250.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Отношение начальника городского управления по гражданским делам г. Калининграда начальнику областного управления МВД генерал-майору тов. Трофимову. Копия зам. начальника областного управления по гражданским делам тов. Фадееву, 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 113.

упорядочения процесса восстановления проводили инвентаризацию имущественных ценностей на предприятиях, в организациях и учреждениях¹.

Одновременно началась работа по упорядочиванию системы распределения квартир. С образованием в апреле 1946 г. Областного гражданского управления вопросами обеспечения населения жильём стали заниматься районные гражданские управления, затем – райисполкомы. С увеличением притока переселенцев была ограничена возможность выбора жилплощади. Приказ от 12 июля 1946 г. городского управления по гражданским делам чётко регламентировал порядок распределения квартир и нежилых помещений². Однако хаос в организации заселения сохранился. Нередкими оставались случаи незаконного занятия домов в обход получения разрешения от городских жилищно-коммунальных отделов³. Отсюда возникала ещё одна проблема послевоенной неразберихи. Новые жильцы по своему усмотрению осваивали и обустроивали свои дома. Иногда за счёт использования материалов соседних зданий, что приводило к их разграблению и разрушению. Так же поступали и организации, восстанавливавшие здания для своих рабочих.

Согласно приказу № 2 (май 1946 г.) по Кёнигсбергскому городскому управлению по гражданским делам надлежало организовать охрану сохранившихся домов, а задержанные лица и представители организаций привлекались к судебной ответственности за расхищение государственной собственности⁴. Летом 1948 г. вышел приказ начальника облкомхоза, согласно которому демонтаж оборудования разрешалось производить только по письменному разрешению инспекции ГАСК с указанием точных мест и объёмов. Снятие старых кровель запрещалось, так как это вело к разрушению зданий под воздействием климатического фактора⁵. В городе развешивали агитационные плакаты о бережном отношении к сохранившимся зданиям⁶.

¹ ГАКО. Ф. 298. Оп. 1. Д. 4. Л. 21, 28, 29, 40.

² Приказ № 21 Калининградского городского управления по гражданским делам «О порядке оформления ордеров на квартиры и на жилые помещения», 12 июля 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 105.

³ Приказ № 7 по Калининградскому городскому управлению по гражданским делам «О мерах борьбы с самовольными захватчиками квартир в домах, принадлежащих горкомхозу», 9 января 1947 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 123 – 124.

⁴ Приказ № 2 по Кёнигсбергскому городскому управлению по гражданским делам, май 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 102.

⁵ ГАКО. Ф. 295. Оп. 3. Д. 3. Л. 135.

⁶ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 885. Л. 35.

Всё сказанное подтверждают сами переселенцы. Из воспоминаний В.И. Толстяковой, прибывшей в область в июне 1947 г.: «К жилому фонду переселенцы относились небрежно: одно ремонтируют, другое – разоряют ...».¹ Из интервью с переселенцем В.А. Годяевым, приехавшим в Калининград в 1946 г.: «Центр города был разрушен полностью, а дома на окраинах почти не были тронуты войной. Мы потом многое сами разрушили, потому что чувствовали здесь себя временными жителями. ... Считали, что когда всё успокоится, то отдадут немцам всю бывшую Восточную Пруссию»².

Незанятый жилищный фонд нередко находился в антисанитарном состоянии. Мест свалок не было определено, нечистоты не вывозили, сваливали в подвалы разрушенных и полуразрушенных зданий³. Перебои с продовольствием заставляли жителей разбивать под окнами огороды, заводить домашний скот и птицу. Из интервью с переселенцем Ю.М. Феденевым: «В кухне или в жилом помещении могли держать корову, другую какую живность. Считалось, что дом ничего не стоит: если развалится, можно занять другой»⁴. О массовом насыщении населённых мест и территории области грызунами и угрозе распространения опасной инфекции туляремии писал в своей докладной записке под грифом «Секретно» в 1946 г. старший областной государственный санитарный инспектор Я.Ф. Андреев⁵.

Сохранилось много свидетельств советских переселенцев о степени разрушений в Кёнигсберге, многие из них опубликованы⁶. Ниже приведены оценки архитекторов.

Вспоминает одна из первых архитекторов области Л.В. Черкасова⁷, прибывшая в Калининград в 1948 г.: «Меня встретил товарищ и повёз на машине через весь город.

¹ Интервью первых переселенцев в Калининградскую область в 1947 и последующие годы. Т.12. Машинопись. Калининград, 1991 // Фонды КОИХМ. КГОМ2-11880.2. Л. 39.

² Там же. Л. 101 – 102.

³ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 49. Л. 262.

⁴ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. 1945 – 1950 гг. Т.1 // НА КОИХМ. Б/н. Л. 117.

⁵ Докладная записка старшего областного государственного санитарного инспектора Я. Ф. Андреева начальнику Управления по гражданским делам Калининградской области В. А. Борисову об угрозе эпидемии туляремии, 30 октября 1946 г. // В начале нового пути: Документы и материалы... С. 167.

⁶ См.: Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. СПб., 2002 ; Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. 2-е изд., Калининград, 2003.

⁷ Черкасова (Вайнштейн) Любовь Викторовна – архитектор. С 1948 г. работала в архитектурно-проектной мастерской калининградского областного отдела по делам архитектуры (с 1951 г. – «Облпроект», с 1964 г. – «Калининградгражданпроект»). За более чем 30 лет прошла путь от архитектора до главного архитектора проектов. Под её руководством были восстановлены первые дома в Октябрьском, Центральном, Ленинградском районах г. Калининграда. Л. В. Черкасова является автором проектов реконструкции старых и возведения новых зданий в г. Калининграде: горисполком на пл. Победы, Дом культуры моряков, психиатрическая больница,

Настроение стало резко падать – кругом лежали развалины, изредка перемежавшиеся остовами зданий. По дороге не было ни одного огонька, сплошная чернота. Я подумала: «Как же тут жить без электричества?» ...Густая зелень скрывала разрушения»¹.

Процентное соотношение разрушений по районам привёл А.В. Максимов в отчёте о состоянии города в конце 1946 г.: «Старый центр в пределах внутреннего кольца разрушен на 85 – 90 %, однако подземные коммуникации и дороги благодаря плотной застройке пострадали мало. Район Амалиенау (на северо-запад от старого города) имеет разрушения на 60 – 70 %. Районы Марауненхоф, Кведнау (расположены на севере от старого центра) – примерно на 55 – 65 %. Посёлки Девау, Кальтхоф (на северо-восток от старого центра) – на 45 – 50 %. ...Левобережные районы разрушены на 75 – 80 %. ...Дорожное покрытие в городе сохранилось примерно на 70 %»².

Подробные сведения о количестве и характере разрушений зданий Калининграда привёл Д.К. Навалихин в своей кандидатской диссертации³. Из 13368 ранее существовавших жилых и общественных зданий и сооружений города на 1 ноября 1948 г. было разрушено 8355 зданий, что составляло 62,4 % к общей застройке города⁴. Наибольшим разрушениям подверглись многоэтажные дома, по большей части сосредоточенные в центральной части (район, примыкавший к королевскому замку), – сохранилось всего 7,2 % к ранее существовавшим зданиям того же типа. Большую часть сохранившихся городских зданий составляли двухэтажные дома, а так же коттеджи и индивидуальные дома – 68 % и 59 % соответственно⁵.

областная больница. По проектам Л. В. Черкасовой строили жилые дома, школы, детские сады, райисполкомы, дома культуры, клубы в Калининграде и городах области. Ветеран Великой Отечественной войны. (Сост. по: Интервью с архитектором Л. В. Черкасовой от 05 февраля 2010 г. Беседовала Е. С. Митина. // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 72. Л. 134 – 140).

¹ Митина Е. С. Послевоенное градостроительство в Калининградской области по воспоминаниям архитектора Л. В. Черкасовой. С. 182.

² Кёнигсберг-Калининград = Königsberg-Kaliningrad: альбом. С. 67.

³ Таблица 1. С. 97.

⁴ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 33.

⁵ Таблица 1. С. 97.

Таблица 1. Распределение сохранившихся в городе Калининграде зданий по виду застройки, на 1 ноября 1948 г. (по Д.К. Навалихину)¹

	Коттеджи	Двухэтажные дома	Многоэтажные дома
Сохранилось зданий, кол-во (ед.)	3418	1176	419
Процентное соотношение к ранее существовавшим зданиям того же типа (%)	59	68	7,2
Разрушено зданий, кол-во (ед.)	2375	553	5400
Процентное соотношение к ранее существовавшим зданиям того же типа (%)	41	32	92,8

Данные, которые приводит Д.К. Навалихин относительно степени сохранности зданий по районам, в целом совпадают со сведениями, которые указывал А.В. Максимов в своем отчете в 1946 г. Однако относительно центральной части города главный архитектор не столь радикален в своих оценках. Согласно Д.К. Навалихину, в Ленинградском и Московском районах сохранилось 33,4 % и 30,9 % домов соответственно по отношению к ранее существовавшим². Примем во внимание, что в 1945 – 1947 гг. в центре города восстановление зданий не проводилось. К 1948 г. завалы еще не были разобраны, аварийные здания продолжали разрушаться, хотя город и имел «более обжитой вид». Таким образом, основываясь на приблизительных оценках можно утверждать, что центральная часть города пострадала на 70 – 75 %. Сведения о 90%-ном разрушении центра города, принятые в краеведческой литературе, явно завышены. Данный показатель следует конкретизировать. 90 % многоэтажных зданий центральной части города были разрушены. Можно предположить, что на завышение оценок повлияло то впечатление, которое производил город сразу после войны. Вспомним

¹ Сост. по: Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 33.

² Там же. Л. 34 – 35.

При этом Д. К. Навалихин поясняет, что эти данные включают в себя как жилые дома, так и значительное количество общественных зданий и сооружений.

слова Л.В. Черкасовой: «кругом лежали развалины, изредка перемежавшиеся остовами зданий».

Как отмечалось ранее, до войны общая жилая площадь в Кёнигсберге составляла 6 млн. кв. м.¹ Ни рисунке Б.1.² видно, что по данным на июнь 1948 г. в Калининграде сохранилось, было восстановлено или находилось в эксплуатации 1,5 млн. кв. м (25%) довоенного жилого фонда; подлежало восстановлению 2,5 млн. кв. м (41,7 %), планировалось снести как непригодные к восстановлению около 2 млн. кв. м (33,3 %). Из сказанного следует, что пострадало или было разрушено около 75 % довоенного жилого фонда города (4,5 млн. кв. м).

Таким образом, наибольшие повреждения получил центр города, наименьшие – северные районы. Сильно пострадал жилой фонд. В то же время в городе сохранилось две трети построек, возведенных в XIX и XX веках. Многие фабричные здания, а также портовые сооружения избежали повреждений или понесли незначительные потери. В удовлетворительном состоянии находились железнодорожные и трамвайные пути, канализационная система, большая часть инфраструктуры³.

В первые годы нередко обрушались аварийные здания, в том числе под воздействием климатического и временного факторов. Инженер В.Н. Адрианов⁴, переехавший в Кёнигсберг с родителями в июне 1946 г., вспоминает: «Одно из первых воспоминаний – в начале 1950-х годов были сильные осенне-зимние шторма, завалилось много зданий, люди гибли под завалами. На улице Клинической трамвай накрыло стеной. Для безопасности ходили посередине улицы. ...После этих событий по решению властей в городе работали команды подрывников и обрушивали всё, что могло упасть.

¹ ГАКО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 118. Л. 73 – 73 об.

² Приложение Б. Рисунок Б.1 – Жилой фонд (общая площадь) в городе Калининграде по состоянию на июнь 1948 г. С. 197.

³ Глински Г. фон, Вёрстер П. Указ. соч. С. 120.

⁴ Адрианов Владлен Николаевич – инженер-строитель. Приехал в Калининград в 1946 г. С конца 1950-х гг. работал инженером в «Облпроекте», затем главным инженером в институте «Калининградгражданпроект». В 1970 – 1986 гг. директор института «Калининградгражданпроект». В 1986 – 1997 гг. – руководитель Управления архитектуры и градостроительства администрации Калининградской области (ранее – отдел архитектуры и строительства, с 1988 по 1991 гг. – Главное управление архитектуры и градостроительства при Калининградском облисполкоме). Одним из приоритетных направлений его деятельности являлось решение жилищной проблемы. (Сост. по: Интервью с инженером В. Н. Адриановым от 17 февраля 2010 г. Беседовала Е. С. Митина. // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 72. Л. 1 – 9).

Но то, что могли сохранить – сохраняли»¹. Переселенцы вспоминают случаи гибели людей под обрушившимися зданиями².

С целью выявления и ликвидации аварийных строений, угрожавших обвалом, с 1947 г. в штате обкома ВКП(б) в отделе строительства и городского хозяйства работала специальная комиссия, которая обследовала и выявляла техническое состояние городских зданий и сооружений³. Райжилуправлениям надлежало немедленно переселять жильцов из потенциально опасных домов⁴.

Определенное количество сохранившейся жилой площади было занято семьями офицеров, прибывавшими специалистами. Для размещения рабочих, приезжавших из областей СССР, отремонтированного жилья не хватало. Управления по гражданским делам не имели необходимой ремонтно-строительной базы, поэтому восстановление жилого фонда, вслед за общесоюзной практикой, производилось на базе предприятий и организаций (ЦБК-2, завод № 820, вагоностроительный завод, Балтгосрыбтрест и др.).

Это обстоятельство, очевидно, и явилось одной из причин того, что наряду с городским, находившимся в ведении жилищного отдела горкомхоза, приходилось параллельно идти на создание ведомственного жилого фонда, принадлежавшего отдельным предприятиям, способным самостоятельно вести своё жилищно-коммунальное хозяйство. Как отмечалось в первой главе, такая практика была распространена в стране. Пополнялся тот и другой фонд как за счёт восстанавливаемых, так и за счёт освобождавшихся в связи с передислокацией воинских частей жилых строений. Договоры на восстановление начали заключать уже в мае 1945 г.⁵ Так, к концу 1947 г. в Калининградской области из восстановленных и приспособленных под жилье 3 млн. кв. м общей жилой площади, в ведении временных управлений по гражданским делам находилось только 585 тыс. кв. м. (т.е. 19,5 %)⁶.

Ранее уже отмечалось, что во второй половине 1940-х гг. восстановительные работы велись стихийно, без общего организующего плана и архитектурного

¹ Интервью с инженером В. Н. Адриановым от 17 февраля 2010 г. Л. 1.

² Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. СПб. С. 104 – 105.

³ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 124. Л. 85.

⁴ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

⁵ Приказ № 23 городского управления по гражданским делам «О перерегистрации договоров на аренду и передачу в бессрочное пользование жилых и нежилых помещений», 13 июля 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 106 – 107.

⁶ ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 118. Л. 73об.

направления. Архивные документы свидетельствуют о том, что Министерство Вооруженных Сил не имело перспективного плана восстановительных и строительных работ в Калининграде. Об этом речь шла в переписке ведомства с Гипрогором относительно работ по составлению генплана города¹.

Известны случаи, когда предприятия незаконно начинали восстанавливать или заселять пустовавшие дома. Руководители, пользуясь служебным положением, присваивали здания². Так, дома по улице Стекольной в Кёнигсберге после освобождения их военными летом 1946 г. были закреплены за сульфитно-спиртовым заводом согласно приказу по Кёнигсбергскому городскому управлению по гражданским делам от 18 июня 1946 г. Но один из домов с применением оружия был занят ЦБК-2. Материалы дела были направлены в прокуратуру³. В марте 1947 г. вышел приказ городского гражданского управления, уполномочивший районные управления ликвидировать задолженность арендной платы с предприятий, самовольно занявших жилые и нежилые строения и взимавших с жильцов квартирную плату⁴.

Такие ситуации были связаны с тем, что руководители учреждений пытались подбирать коробки зданий с учётом степени сохранности. Кроме того, исходили из принципа близости зданий к своему предприятию. Это приводило к рассредоточению объектов на больших территориях. В результате, во второй половине 1940-х гг. отдельные районы находились на расстоянии 6 – 10 км друг от друга, между ними было затруднено транспортное сообщение⁵. Восстановление таких домов обходилось дороже, они часто не могли быть обеспечены присоединением к коммунальным сетям⁶.

Сказанное подтверждает и сохранившаяся в фондах историко-художественного музея «Схема послевоенного разрушения города», составленная главным архитектором

¹ РГАЭ. Ф. 9510. Оп. 3. Д 70. Л. 44.

² Приказ № 101 по Калининградскому городскому управлению по гражданским делам «Об изъятии незаконно присвоенного дома у гр. ...», 26 сентября 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 109 – 110.

³ Приказ № 10 по Кёнигсбергскому городскому управлению по гражданским делам «О закреплении за сульфитно-спиртовым заводом № 2 жилых домов», 18 июня 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 103.

⁴ Приказ № 143 Калининградского городского управления по гражданским делам «О самовольном захвате жилых домов предприятиями и организациями», март 1947 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 127.

⁵ Фонды КОИХМ. КГОМ1-12092.34. Л. 4.

⁶ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 45. Л. 43.

по состоянию на 1 января 1947 г. Из рисунка Б.3¹ следует, что основные восстановительные работы велись в наиболее сохранившихся районах коттеджной и малоэтажной застройки, а также вблизи уже восстановленных промышленных предприятий – особенно в северо-восточной, юго-восточной и юго-западной частях. В разрушенном центре, где была сосредоточена многоэтажная застройка, восстановление практически не велось.

Для советских городов актуальной являлась проблема неравномерного распределения строительства, его сосредоточения на территориях, прилегавших к промышленным объектам.

В Калининграде для того, чтобы урегулировать процесс передачи жилых помещений и других строений предприятиям, разрешить возникавшие разногласия, 21 августа 1947 г. горисполком принял положение о порядке сдачи домов на восстановление². Оно содержало проекты типовых договоров. Договор № 1 закреплял передачу разрушенного строения на баланс «бессрочному пользователю». Его заключали, когда стоимость оставшейся части здания составляла до 30 % от начальной. «Бессрочный пользователь» оформлял также землю для дальнейшей эксплуатации. Договор № 2 вступал в силу при передаче жилых и нежилых строений на правах долгосрочной аренды (от 5 до 10 лет) учреждениям, предприятиям и общественным организациям, при стоимости от 30 до 50 % от начальной. Договор № 3 предусматривал передачу на правах «надстройки» жилых и нежилых строений при стоимости свыше 50 % от начальной³. «Надстройщик» по окончании работ получал ордера для заселения от жилуправления и мог оформить в аренду нежилые постройки. Установленный договором процент жилой площади в восстановленных зданиях «арендаторы» (10 %) и «надстройщики» передавали в распоряжение городских гражданских управлений для заселения в первую очередь семей погибших, инвалидов Отечественной войны. В случае невыполнения сроков начала работ, дома передавали другой организации⁴. Кроме того, на «арендатора» и «надстройщика» возлагался целый ряд обязанностей, среди которых:

¹ Приложение Б. Рисунок Б.3 – Послевоенное разрушение города Калининграда. Схема составлена по состоянию на 01.01.1947 г. С. 199.

² ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 4. Л. 114.

³ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 168 – 172 ; Ф. 216. Оп. 1. Д. 4. Л. 114.

⁴ Фарутин И. А. Как решалась жилищная проблема в 1945 – 1947 гг. // Калининградские архивы. Вып. 2. С. 98.

сохранение от расхищения вверенного строения и уход за территорией, охрана зелёных насаждений, восстановление ограждений и тротуаров.

По данным облкомхоза до войны Кёнигсберг имел до 40% озеленённой площади¹. В процессе восстановительных работ насаждения нередко подвергались уничтожению. 20 ноября 1947 г. горисполком принял решение № 386, согласно которому трест «Зелёного хозяйства» передавал на сохранность насаждения по специальным карточкам учёта управляющим домами, квартиросъёмщикам, руководителям предприятий и учреждений, которые, таким образом, должны были следить за благоустройством территорий².

Через месяц после образования Калининградской области началось создание специализированных проектных учреждений. Приказом Управления по гражданским делам от 6 августа 1946 г. образован трест «Облпроект» в подчинении областного отдела коммунального хозяйства. На базе Облпроекта решением Калининградского облисполкома от 22 октября 1947 г. создана архитектурно-проектная мастерская при областном отделе по делам архитектуры, которую позже, с 1 июня 1951 г. вновь реорганизовали в контору Облпроект и подчинили облкомхозу. Наконец, с 26 июня 1964 г. постановлением Совета Министров РСФСР контора была преобразована в проектный институт «Калининградгражданпроект» с подчинением Калининградскому облисполкому³.

Как отмечалось выше, в 1946 – 1947 гг. началось становление проектного дела. Фактически, до конца 1940-х гг. контора занималась восстановлением наименее пострадавших зданий в городах и селах, промышленным строительством. Не хватало финансирования. Так, согласно плану на 1947 г., утвержденному Советом Министров РСФСР, средств на проведение проектно-планировочных и съёмочных работ в Калининградской области не было предусмотрено⁴. Предприятия брали на себя расходы по проектированию.

Должность начальника Облпроекта в рассматриваемый период занимали: П.В. Тимохин (август 1946 г.); Ф.С. Литвяков (сентябрь 1946 – декабрь 1947 г.), Д. К. Тянь

¹ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 118. Л. 73.

² ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 49. Л. 400.

³ Из истории предприятий, учреждений и организаций хозяйственного комплекса Калининградской области: сб. материалов / сост. В. И. Егорова, Н. А. Шадрин. Калининград: Янтарная летопись, 2006. С. 179, 186.

⁴ ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 182. Л. 8.

(декабрь 1947 г. – май 1948 г.), А.Е. Шишкин (май 1948 г. – октябрь 1952 г.), А.В. Алексеев (октябрь 1952 г. – октябрь 1957 г.), И.Б. Марголин (декабрь 1957 г. – май 1965 г.).

Первоначально мастерская располагалась в небольшом двухэтажном особняке на улице Кутузова, 34 в Калининграде. Там же жили первые архитекторы¹. В одном из первых протоколов партийного собрания Облпроекта (от 25 мая 1947 г.) управляющий Ф.С. Литвяков в своем докладе сообщил, что «вновь поступающих работников из других городов квартирами трест обеспечить не может» за неимением жилфонда в распоряжении организации². Сами служащие Облпроекта среди недостатков работы мастерской отмечали: нехватку квалифицированных кадров; низкое качество выпускаемой продукции; плохие условия работы («помещение тёмное и шумное»), недостаток инструментов³.

В 1946 г. создан Калининградский филиал 23-го Государственного морского проектного института министерства обороны. Помимо военных заказов, организация выполняла проекты жилых домов и общественных сооружений. В 1953 г. филиал переехал из Балтийска в Калининград и был переименован в «Военморпроект № 28»⁴.

Представляется логичным, что восстановление и проектирование города с самого начала осуществлялось по советским градостроительным принципам и правилам. Но в качестве основы использовалась сохранившаяся немецкая техническая документация. Об этом свидетельствуют воспоминания архитектора А.В. Максимова: «...Где-то в конце июня 1945 г. в мой кабинет пришёл пожилой немец, назвавшийся Вилли Шедлером. Это был архитектор Кёнигсберга, оставшийся в городе. Он предложил мне свою помощь в вопросах будущего градостроительства... Довоенных строительных документов оказалось немного. ...Шедлер помог мне систематизировать сохранившиеся чертежи, планы и карты и составить первые планы руинированного

¹ Митина Е. С. Послевоенное градостроительство в Калининградской области по воспоминаниям архитектора Л. В. Черкасовой. С. 183.

² ГАКО. Ф. 774-П. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³ Там же. Л. 5 – 6.

⁴ Губин А. Б. Исторические записки // Преголя: Приложение к «Балтийскому альманаху». Калининград, 2011. № 6. С. 52.

города в масштабах 1:2000 и 1:5000»¹. Плодотворное сотрудничество русского и немецкого архитекторов продолжалось два года. В 1947 г. В. Шедлер умер².

С 1947 г. в областном отделе по делам архитектуры производили перевод на русский язык немецких источников по инженерной геологии, экономическому и политическому развитию крупнейших городов области³. В ноябре того же года облисполком рекомендовал руководителям горисполкомов и райисполкомов, начальникам отделов, управлений, организаций и предприятий сообщать в органы МВД об обнаружении архивных документов досоветского периода с целью их сбора и изучения⁴. Согласно архивным документам, в 1948 г. коммунальный отдел и жилищное управление города Калининграда передали главному архитектору материалы и архивы, относящиеся к планировке и застройке, инженерным сооружениям⁵.

Границы Калининграда были определены решением облисполкома от 30 августа и горисполкома от 9 октября 1947 г. «Об утверждении городской черты и границ районов города Калининграда». В 1947 г. завершился процесс массового переименования населённых пунктов.

Формулируя краткие выводы, можно заключить, что начальный период восстановления города протекал хаотично и был противоречив. Градостроительная деятельность только зарождалась, прежде всего, в её организационно-административной части. Становление властных структур являлось сложным и длительным процессом. В течение первых двух с половиной лет существования будущей Калининградской области в составе СССР пять раз менялись органы государственного управления. Это обусловило отсутствие единства в руководстве восстановительными мероприятиями, слабость контроля, повлекло возникновение сложностей в решении жилищного вопроса, в сохранении и дальнейшем использовании имевшихся на территории ресурсов (строительные материалы, оборудование, техника и пр.).

Оперативно начавшиеся восстановительные работы носили характер паллиативных мер, были призваны обеспечить возможность проживания на бывшей немецкой территории. Последнее становилось всё более актуальным, так как набирало

¹ Кёнигсберг-Калининград=Königsberg-Kaliningrad: альбом. С. 66 – 67.

² Там же.

³ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 105. Л. 13.

⁴ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.

⁵ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

силу такое явление как «обратничество», когда разочарованные переселенцы возвращались на прежние места жительства. Кроме того, восстановление носило выборочный характер и практически сводилось к ремонту отдельных зданий и коммуникаций. В отличие от Кёнигсберга, Калининград не имел «архитектурных заступников», которые следили за порядком и качеством работ, препятствовали пассивному разрушению зданий. А их и не могло быть в городе с чуждыми советскому человеку традициями городского строительства.

С созданием областного отдела по делам архитектуры в сентябре 1946 г., управления главного архитектора в августе 1947 г. были сделаны шаги на пути к гражданскому проектированию. Вся архитектурная общественность города состояла из нескольких человек, на которых и легла обязанность по отводу участков, выдаче планировочных заданий, внесению стройности в дело возрождения города.

В то же время уже в 1945 – 1947 гг. стали выпускать продукцию основные промышленные предприятия. Именно вокруг них и за их счёт начали формироваться первые жилые улицы и районы. Промышленная специализация области определила и будущее развитие градостроительной практики. Созданные на базе предприятий бригады и конторы стали основой для формирования ведущих строительных и проектных организаций города и области.

Для послевоенного времени характерны проблемы нехватки рабочих рук, специалистов, материальных ресурсов. Основную рабочую силу в Калининграде до массового приезда переселенцев составляли военнослужащие и немецкое население, военнопленные, репатриированные советские граждане. На их плечи ложился и квалифицированный труд архитекторов, строителей, инженеров и пр. специалистов.

С другой стороны, разрушения продолжились в мирное время. Многие городские строения оставались заминированными. Неиспользовавшиеся здания приходили в негодность как под воздействием природных стихий, так и из-за человеческого фактора (растаскивание на строительный материал, использование не по назначению, отношение к полученному имуществу как к временному). Это приводило к тому, что показатели выбытия жилой площади превышали показатели ввода.

2.2 Проблемы проектирования Калининграда и жилищно-коммунальное строительство в конце 1940-х – 1950-е годы

С созданием советско-партийного аппарата в Калининградской области закончился организационный период. Были сформированы органы управления градостроением, проектные и строительные организации, упорядочена и согласована их деятельность, проведены первоочередные восстановительные мероприятия (разминирование, снос аварийных зданий, организация разбора руин, инвентаризация, начато освоение сохранившейся жилплощади и коммунальных систем, запущено промышленное производство и пр.). Постепенно в город прибывали специалисты, способные на квалифицированном уровне осуществлять архитектурно-проектировочные работы. Правительством были даны директивы к началу градостроительной деятельности. Постановлением Совета Министров РСФСР № 461 от 27 июля 1947 г. Управление по делам архитектуры получило задание организовать работы по созданию генерального плана города Калининграда. Приказ № 195 от 13 мая 1948 г. Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР положил начало разработке проекта планировки и застройки города. Его составление было поручено московскому институту «Гипрогор». Главный архитектор Калининграда должен был разработать схему размещения и строительства первой очереди восстановления города¹.

Прежде чем вести речь о такой составляющей градостроительного процесса, как проектная деятельность, необходимо подробнее остановиться на ситуации в жилищно-коммунальном секторе, сложившейся в конце 1940-х – 1950-е гг. Она диктовала задачи, которые должны были решать проектировщики.

Согласно А.Б. Губину, выбытие жилого фонда из-за ветхости имело незначительные показатели. В среднем, с 1947 по 1954 гг. ежегодно выбывало 3,55 тыс. кв. м жилой площади. Самое большое количество жилья выбыло в 1950 г. – 10 тыс. кв. м². Данных на вторую половину 1950-х гг. не выявлено, но резонно предположить, что приведённая динамика сохранялась и не оказывала существенного влияния на количественные показатели жилого фонда.

¹ Выписка из приказа № 195 от 13.05.1948 г. Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР «О разработке генерального плана города Калининграда» // На переднем крае. Кн. 1. 2009. С. 245 – 246.

² Губин А. Б. Строительство жилья. С. 19 – 20.

Рисунок Б.2¹ наглядно показывает количественные изменения жилплощади, имевшейся в наличии в городском фонде местных Советов Калининграда (здесь и далее – показатели полезной жилплощади). В 1946 – 1947 гг. её количество уменьшилось примерно на 150 тыс. кв. м (причины: разминирование, обрушение аварийных строений, нецелевая эксплуатация). С 1948 по 1952 гг. наблюдался ежегодный ввод в эксплуатацию нового (восстановленного) жилья – в среднем по 50 – 60 тыс. кв. м в год. Больше всего жилплощади в рассматриваемый временной период было принято в 1951 – 1952 гг. – рост составил примерно 150 тыс. кв. м. Можно предположить, что это связано с принятием на городской баланс ведомственных квартир (от воинских частей и предприятий). Однако уже в 1952 – 1954 гг. отмечен спад примерно на 60 тыс. кв. м. Как упоминалось ранее, выбытие жилфонда из-за ветхости имело незначительные показатели. Следовательно, спад можно связать с тем, что показатели вывода жилплощади (разборка зданий) превысили показатели ввода. Та же ситуация наблюдалась в 1955 – 1956 гг. Поступательное увеличение заметно с 1957 г., когда началась застройка городских районов, в том числе центральной части, типовыми домами, так называемыми «хрущёвками». Массовое строительство новых домов в Калининграде началось в 1960-е гг. В качестве временных вариантов расселения для работников предприятий и рыбаков возводили сборные щитовые дома, одноэтажные деревянные бараки.

Большая часть жилищного фонда являлась обобществленной (имеются ввиду государственные и ведомственные квартиры). Доля жилья, находившегося в индивидуальной собственности, в Калининграде в 1950 г. составляла 1,7 тыс. кв. м жилой площади (менее половины процента). К 1960 г. этот показатель увеличился почти в 20 раз. В личной собственности граждан находилось 33,1 тыс. кв. м жилой площади (2,4 %) ². Данный показатель составлял незначительную часть от общего количества жилья.

Ещё в 1946 г. архитектор П.В. Тимохин предложил осваивать окраины города Кёнигсберга, застроенные небольшими домиками – коттеджами – передавая их на восстановление в частном (индивидуальном) порядке на правах застройщиков с

¹ Приложение Б. Рисунок Б.2 – Жилой фонд (полезная площадь) в городе Калининграде, 1946 – 1960 гг. С. 198.

² Народное хозяйство Калининградской области. С. 182.

льготами¹. Таким образом, переселенцы получали бы жильё, восстанавливали и обустроивали его при содействии государства. Такой метод использовался, например, в соседней Клайпеде, но в Калининграде распространения не получил.

В Калининграде решение о выделении участков под индивидуальную застройку принимал горисполком. Как правило, выделяли сохранившиеся коробки в городских пригородах. Контролировать их восстановление Управление главного архитектора не успевало. Проекты частным лицами нередко приходилось выполнять самостоятельно. Поэтому зачастую они не соответствовали требованиям согласования проектно-сметного бюро горжилуправления². Проще было получить государственное жильё, чем построить частный дом.

Общий объём государственных капитальных вложений в жилищное строительство области в 1946 – 1950 гг. составил 14,8 млн. руб. (в ценах на 1 июля 1955 г.) – 11,6 % от суммы средств, направленных правительством в народное хозяйство региона. Финансовые поступления в 1951 – 1955 гг. возросли почти в 2 раза и исчислялись в количестве 27,4 млн. руб., т.е. 14 % от общего объёма. Соотношение с общим уровнем вложений в областную экономику несколько уменьшилось в следующую пятилетку – 54,6 млн. руб. – 11,7 %. Однако после визита Н.С. Хрущёва в Калининградскую область в 1956 г. количественные показатели средств, выделенных на капитальное обустройство жизнедеятельности в регионе, увеличились почти в два раза.³

И всё же в 1950-е гг. восстановление жилой площади не успевало за темпами роста населения. В Калининградской области число горожан существенно преобладало над селянами. На 1 января 1950 г. соотношение городского и сельского населения составляло 59 : 41 (273,9 и 193,5 тыс. человек)⁴. Особенно остро жилищный голод ощущался в крупных городах. В Калининграде в 1950 г. 654 тыс. кв. м⁵ жилья приходилось на 140 тыс. человек⁶. И это несмотря на то, что в 1950-е гг. строительство в областном центре занимало 75 – 85 % всего строительства области⁷. Не сложно подсчитать, что на человека в Калининграде приходилось 4,6 кв. м жилплощади вместо

¹ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 529. Л. 11 – 12.

³ Народное хозяйство Калининградской области. С. 147.

⁴ Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. С. 89.

⁵ Губин А. Б. Строительство жилья. С. 20. Использован наименьший показатель.

⁶ Губин А. Б. Калининград в зеркале статистики // Балтийский альманах. Калининград, 2006. №. 6. С. 63 – 70.

⁷ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 25. Л. 11.

положенных по нормативам 9 кв. м¹. По воспоминаниям переселенки З.И. Годяевой, «в комнатке площадью 10 кв. м проживало по 4 человека, в комнатах площадью 20 кв. м – по 6 – 8 человек»². В 1959 г. 1249 тыс. кв. м жилья³ должно было обеспечить 203,6 тыс. калининградцев⁴. Один человек мог рассчитывать на 6 кв. м.

К 1960 г. многие улицы Калининграда имели водопровод и канализацию. Но вода поступала с перебоями. Проблемы с водоснабжением усугублялись аварийным состоянием городских сетей, утечки в середине 1950-х гг. достигали 50 %⁵. Поэтому из-за недостаточного напора в сети население вынуждено было пользоваться водой из кранов в подвалах или уличными колонками⁶.

Газовая сеть города сохранилась на 25 – 30 %, но она подлежала полной перекладке в связи с восстановительными работами и новым строительством⁷. В 1951 г. в квартиры калининградцев был дан первый газ благодаря восстановлению Калининградского коксогазового завода⁸. Однако далеко не во все квартиры подвели централизованное газоснабжение. Данная проблема сохраняет свою актуальность до настоящего времени.

Основным видом транспорта в Калининграде оставался трамвай. Он связывал между собой разрозненные городские районы. Пополнение трамвайного парка новыми вагонами узкой колеи было осуществлено только в 1954 г. через Машиноимпорт, который закупил их в ГДР⁹. Трамвайный парк вырос с 1950 по 1960 гг. с 115 до 180 вагонов¹⁰.

Если во второй половине 1940-х гг. восстановительно-ремонтные работы проводились в основном на базе военных и промышленных организаций, то к 1950-м годам действовали гражданские строительные конторы. В 1956 г. в Калининграде

¹ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 75. Л. 18.

² Интервью первых переселенцев в Калининградскую область в 1947 и последующие годы. Т.12 // Фонды КОИХМ. КГОМ2-11880.2. Л. 64.

³ Губин А. Б. Строительство жилья. С. 20. Использован наименьший показатель.

⁴ Народное хозяйство Калининградской области. С. 13.

⁵ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 118. Л. 336.

⁶ ГАКО. Ф. Р-295. Оп. 3. Д. 3. Л. 137.

⁷ Справка об освоении города Калининграда, 1948 г. / сост. Н. Г. Макарьева // Калининградские архивы. Вып. 3. С. 207.

⁸ Из газетной статьи председателя горисполкома об участии калининградцев в благоустройстве города: Калининградская правда. – 1958. – 19 апреля // Самая западная. Вып. 2. С. 240.

⁹ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 15. Д. 71. Л. 1.

¹⁰ Народное хозяйство Калининградской области. С. 184.

числилось свыше 40 строительных организаций¹. Среди ведущих можно назвать УНР-230, УНР-72, Строительно-монтажные поезда № 132 и № 133 Литовской железной дороги. С середины 1950-х гг. осуществлялось их укрупнение путём реорганизации и объединения. Создали тресты «Калининградстрой», «Горжилкоммунстрой», «Балтрыбстрой» (с 1957 г. «Балтстройтрест»). В начале 1960-х гг. на их базе образован трест «Балтстрой» в системе Калининградского экономического района. На основе военных строительных организаций в марте 1956 г. организовали «Балтвоенморстрой»².

В рассматриваемый период упомянутые организации были маломощными. Оставались актуальными проблемы, общие для страны в целом, а именно недостаток финансирования, нехватка машин и механизмов, отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров. Поэтому восстановительные работы часто производили некачественно и осуществляли кустарными методами³.

Первый секретарь Калининградского обкома В.Е. Чернышёв писал в сентябре 1954 г. в Совет Министров СССР о недостатке строительных материалов⁴. В области оставалось много разрушенных зданий, но полученный от разборки кирпич почти полностью вывозили. Архитектор П.В. Тимохин в 1952 г. в письме к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову предложил создать в городе республиканский трест по разборке зданий, который мог бы централизованно снабжать страну материалом. Автор письма сообщил, что только в Калининграде можно получить от разборки до 2 млрд. штук кирпича⁵.

Согласно расчётам главного архитектора Д.К. Навалихина, к 1954 г. общее количество кирпича только из кварталов старого центра, подвергшихся разборке, составило 888800 куб. м. В остальных районах имелся резерв – 825490 куб. м кирпича⁶. Таким образом, весь строительный мусор (дефектный кирпич и пр. строительные отходы) можно было переработать (в блоки, вяжущие растворы) и, тем самым, утилизировать при строительстве. Резервного стройматериала хватило бы на постройку

¹ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 19. Д. 57. Л. 37.

² Большой энциклопедический словарь Калининградской области. С. 365.

³ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 18. Д. 114. Л. 7.

⁴ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 15. Д. 71. Л. 46.

⁵ Там же.

⁶ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 197.

330 детских садов (по 2500 куб. м), или 61 школы (по 13500 куб. м) или 47 домов культуры (по 17500 куб. м)¹ и т.п.

Осуществлялся вывоз и произведённых в области материалов. П.В. Тимохин в том же письме отмечал, что два кирпичных завода Министерства транспортного строительства, действовавших в области, выпускали около 10 млн. штук кирпича в год. Его почти полностью вывозили в Ленинград, в Литовскую, Латвийскую и Эстонскую ССР².

Согласно расчётам Д.К. Навалихина, к середине 1950-х гг. разница между стоимостью восстановительного и нового строительства стала минимальной. Он объяснял это тем, что основные резервы легко реконструируемых коробок исчерпали себя³. При новом проектировании и строительстве архитектор предлагал использовать сохранившиеся фундаменты, свайные основания, подвальные и цокольные этажи, стены, здания котельных, гаражей, спецпомещений, а также инженерные коммуникации и готовые строительные материалы (кирпич)⁴.

Но если при восстановлении зданий использовались строительные материалы, полученные от разборки, то для нового строительства этого было недостаточно.

С 1948 г. действовал завод железобетонных изделий (ЖБИ-1). В том же году в Калининграде было создано Балтийское строительно-монтажное управление, которое заложило основу завода ЖБИ-2 (создан в 1958 г.)⁵. Помимо ремонтных работ, деревообработки, карьерной добычи, эти организации в рассматриваемый период занимались выборкой кирпича из разрушенных зданий. Производство железобетонных изделий началось в 1955 г. Тогда же были сооружены первые 32-квартирные крупноблочные дома в Калининграде на улице Жданова⁶. Объём строительства из

¹ Расчёт произведён на основе данных по объёму строений в: «Годовой отчёт Управления главного архитектора города Калининграда за 1951 г. Управлению по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР» // ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 529. Л. 26.

² ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 15. Д. 71. Л. 46.

³ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 41.

⁴ Там же. Л. 89.

⁵ Корнелюк И. В. Градообразователи: Страницы истории Калининградского государственного колледжа градостроительства. Калининград: Янтарный сказ, 2008. С. 10.

⁶ Современная ул. Брамса.

крупных блоков в 1956 г. по сравнению с 1955 г. увеличился в 5 раз¹. Возведение новых домов зачастую велось методом народной стройки.

Помимо обеспечения населения области жильём, одной из первоочередных задач являлась разработка перспективного плана восстановления и развития города в соответствии с социалистическими принципами градостроительного искусства.²

Постоянно увеличивалась нагрузка на проектные организации. В Калининградской области к 1950 г. их действовало три – архитектурно-проектная мастерская «Облпроект»; филиал «Центрвоенморпроекта»; «Сельхозпроект»³. Большинство технической документации в Калининграде выполнял Облпроект. Работали также иногородние проектные организации (из Риги, Ленинграда, Москвы).

Архивные документы проектных учреждений содержат замечания городских архитекторов о низком качестве проектов реконструкции существовавших коробок. При выборочной застройке зачастую не соблюдали требование создания ансамблевого решения. А уже согласованные проекты в процессе утверждения часто перерабатывали по настоянию министерств, которые нередко не считались с архитектурно-планировочными заданиями⁴. Кроме того, в городе всё ещё не хватало рабочей силы и квалифицированных кадров.

Сказанное подтверждают слова Д.К. Тяна на общем собрании Союза архитекторов (1954 г.): «У нас 150 объектов на 7 архитекторов»⁵. По данным на июнь 1954 г. всего в Калининграде работало около 20 архитекторов, которые обслуживали всю область⁶. На них падала большая нагрузка – в течение 1953 г. составлено технической документации по строительству на 200 объектов, в 1954 г. – более чем на 300 объектов⁷. Нередко случалось, что прибывшие в город выпускники архитектурных институтов, уезжали, столкнувшись с большим объёмом работы, плохими условиями быта и труда. Из беседы с архитектором Ю.М. Вагановым: «Нас встретила Черкасова

¹ ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 883. Л. 17.

² Митина Е. С. Первые градостроительные проекты Калининграда (1946 – первая половина 1950-х годов) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей: сб. науч. статей. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. Вып. 8. С. 51 – 58.

³ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁴ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 45. Л. 5 – 6.

⁵ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

⁶ ГАКО. Ф. Р-135. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

⁷ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 18. Д. 114. Л. 6.

Любовь Викторовна. Она приняла нас прохладно. Называла «варягами», как и тех многих архитекторов, которые приезжали сюда ненадолго»¹.

В 1947 г. был объявлен первый набор в коммунально-строительный техникум, который готовил специалистов по направлениям: «жилищно-коммунальное строительство», «газовое хозяйство», «техника подвижного состава трамвая» (существовало до 1951 г.). В первый учебный год поступило чуть более 30 человек при плане в 240². В 1949 – 1950 учебном году выпустили всего девять специалистов³. Производственную практику будущие строители проходили на восстановлении городских объектов. Однако, несмотря на то, что в Калининградской области не хватало специалистов, выпускники техникума получали распределения в другие города СССР⁴.

Разработкой проектов для всей области занимался небольшой коллектив, который, тем не менее, уже с 1947 г. проводил общие собрания. В сентябре 1948 г. избрали уполномоченного Союза Советских архитекторов по Калининградской области. Им стал архитектор О.Н. Закаменный⁵. Создание и организационное оформление калининградского отделения Союза архитекторов СССР произошло в 1950 г. Первоначально в него входило 22 архитектора⁶. Председателями Союза в рассматриваемый период были Д.К. Тянь (1950 – 1951), Д.К. Навалихин (1951 – 1954), Ф.П. Диденко (1954 – 1956), А.И. Трунов (1956 – 1960)⁷.

Архитекторы, вслед за установками советских партийных идеологов, на коллективных собраниях практически единогласно высказывались по поводу «низкого уровня» архитектуры немецкого города. Если при восстановлении древних русских городов советские зодчие пошли по пути включения градостроительных памятников в

¹ Интервью с архитектором Ю. М. Вагановым от 23 апреля 2010 г. Беседовала Е. С. Митина // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 72. Л. 23.

Ваганов Юрий Михайлович – архитектор. Более 30 лет (с 1965 г.) проработал в институте «Калининградгражданпроект». Прошёл путь от рядового архитектора до главного архитектора института. Под его руководством и при участии были восстановлены и построены здания в г. Калининграде: театр кукол, институт «Калининградгражданпроект», мотель «Балтика», «Облстатуправление» и др. По проектам Ю.М. Ваганова до настоящего времени построено около 80 жилых домов. (Сост. по: Интервью с архитектором Ю.М. Вагановым от 23 апреля 2010 г.).

² Корнелюк И. В. Указ. соч. С. 22 – 23.

³ Там же. С. 28.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Историческая справка о Калининградском отделении Союза архитекторов. Сост. Л. В. Кириллова // ГАКО. Ф. Р-135. Л. 1.

⁶ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

⁷ Большой энциклопедический словарь Калининградской области. С. 162.

новую застройку, то на бывшей немецкой территории такой вариант считался неприемлемым.

В пояснительной записке к проекту плана по топогеосъемке и проектно-планировочным работам на 1948 г. заместитель начальника областного отдела по делам архитектуры Д.К. Тянь назвал среди характерных черт планировки Кёнигсберга экстенсивность застройки, отсутствие общественных центров и зонирования, необоснованно раздутую суммарную территорию города¹. Главный архитектор Д.К. Навалихин в одном из докладов, озвученных на совещании представителей областных и городских организаций в 1948 г., заявил: «Старый город должен быть полностью реконструирован и перестроен»². В докладе «Архитектурная реконструкция города Калининграда» (1951 г.) Д.К. Навалихин дал характеристику немецкой жилой площади: «Планировка немецких квартир не отвечает советским нормам – узкие или слишком широкие коридоры, совмещённые с кухнями комнаты, санузлы, расположенные среди комнат, недостаточная высота помещений, неудобные мансардные этажи и деревянные лестницы в многоэтажных зданиях, большие уклоны крыш, нестандартные окна и двери, совмещённые на несколько квартир ванны в подвальном этаже, – всё это является характерной чертой немецких домов»³. Описанные квартиры не соответствовали принятым в СССР стандартам и типовым проектам, которые разрабатывали столичные зодчие. Особое неприятие вызывали здания, «решённые в ложной готике», в стиле модерн. Примеры подобных сооружений показаны на рисунке Б.4⁴.

Наглядно демонстрирует практическое осуществление послевоенной архитектурной мысли застройка Сталинградского проспекта (ныне проспект Мира). В конце 1940-х гг. он проектировался как главная магистраль города, так как был разрушен менее других. Кроме того, здесь располагались восстановленные предприятия, административные учреждения.

Схема размещения строительства первой очереди на 1949 – 1953 гг. и проект застройки Сталинградского проспекта были разработаны коллективом архитектурной

¹ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 – 2.

² ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

³ ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 45. Л. 41.

⁴ Приложение Б. Рисунок Б.4 – Здания, трудно поддающиеся реконструкции (по Д. К. Навалихину). С. 200.

мастерской «Облпроект» под руководством Д.К. Навалихина (архитекторы С.Ю. Авзалетдинова, Л.В. Вайнштейн (Черкасова), А.В. Максимов, О.Н. Малашенко, Н.В. Михалевский) и 28 октября 1949 г. одобрены Калининградским облисполкомом¹. К районам первоочередной застройки отнесли улицы в треугольнике Сталинградский проспект, К. Маркса, Советский проспект. Расположенные вдоль магистрали здания (восстановленные и вновь построенные) составляли единый ансамбль парадного проспекта. Центральным элементом должен был стать новый театр.

Необходимо отметить, что в Калининграде проект строительства первой очереди был создан до утверждения генерального плана. Подобная ситуация наблюдалась в целом по стране². Правительство требовало скорейшего восстановления городов, в то время как центральная проектная организация (Гипрогор) не успевала справляться с большим объёмом работ.

Первому проекту главной магистральной улицы нового российского города придавали особое значение. Его рассматривала экспертная комиссия Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР в составе известных советских архитекторов и критиков Я.А. Корнфельда, А.А. Галактионова, А.А. Корноухова. Член-корреспондент Академии архитектуры СССР Я.А. Корнфельд в своём заключении по детальному проекту застройки Сталинградского проспекта назвал требования к архитектурному оформлению города: «Новое социалистическое содержание города должно лечь в основу его архитектурных преобразований в национальных формах. Прусский город должен стать русским – советским»³. Как известно, под «национальными формами» в послевоенные годы понимали русский классицизм. Я.А. Корнфельд критиковал проект Навалихина за то, что частные жилые дома (коттеджи) планировалось восстановить в «прежних габаритах, возникших в условиях капиталистической частной собственности». Он призывал к «объединению и укрупнению застройки», к многоэтажному строительству⁴.

Однако выполнить эти рекомендации при отсутствии финансов и производственной базы не представлялось возможным. Поэтому на практике при

¹ ГАКО. Ф. 774-П. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

² Сладков Д. В. Указ. соч. С. 106.

³ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

⁴ Там же.

реконструкции Сталинградского проспекта в первой половине 1950-х гг. немецкие здания перестраивали в соответствии с требованиями сталинской архитектуры с целью придать им «жизнерадостность форм и приветливый облик»¹. Острроверхие крыши стали более пологими, иногда их украшали балюстрадой с колоннами и пирамидами (ярким примером служит дом 33—35 на проспекте Мира, который, однако, за избыточное внешнее оформление был раскритикован местными зодчими после принятия 4 ноября 1955 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»²). Выступы и ниши выравнивали. Арочные оконные проёмы закладывали или заменяли квадратными. Для получения дополнительной жилой площади часто надстраивали дополнительные этажи. «Так поступали для экономии. Из-за нехватки жилья – в одном доме надо было разместить как можно больше семей», – поясняет Л.В. Черкасова³.

Тем самым было дано начало к изменению характера старой городской застройки. На современном проспекте Мира примерами могут служить здания, стоящие в одном ряду с кинотеатром «Заря», здания на противоположной стороне улицы, входные павильоны в зоопарк, парадные входы на стадион «Балтика», в парк «Центральный» (ранее ЦПКиО им. Калинина), а также сооружения «Выставки достижений народного хозяйства» на ул. Сержанта Колоскова. В неоклассическом стиле построено здание Дворца культуры рыбаков (1957 г., сегодня – областной музыкальный театр), восстановлено здание Драматического театра (1960 г.).

В целом, Сталинградский проспект стал единственной улицей Калининграда, восстановленной в рассматриваемый период. Довоенный внешний облик зданий был преобразован и объединён неоклассической стилистикой. До настоящего времени проспект Мира иллюстрирует собой направления архитектурной мысли и стиль застройки послевоенных лет.

В 1950-е гг. много внимания уделяли вопросам благоустройства. Архитекторы внимательно следили за тем, чтобы при восстановлении не разрушали тротуары, не

¹ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

² ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 18. Д. 114. Л. 7 ; Приложение Б. Рисунок Б.5 – Жилой дом № 33-35 по Сталинградскому проспекту (сегодня – проспект Мира, д. № 33-35) до и после реконструкции. Вид с торца. Автор проекта – архитектор В. С. Атанов. С. 201.

³ Интервью с архитектором Л. В. Черкасовой от 05 февраля 2010 г. Беседовала Е. С. Митина // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 72. Л. 137.

уничтожали зелёные насаждения¹. Ещё в 1948 г. по указанию Министра коммунального хозяйства РСФСР в Калининградскую область прибыла группа специалистов из Академии коммунального хозяйства им. Памфилова, которая провела инвентаризацию существовавших насаждений². В результате было установлено, что в 1948 г. площадь зелёных массивов городов области составляла 1760 га, на одного городского жителя приходилось по 27 – 30 кв. м., что было в 10 раз выше среднего по РСФСР³. Такое богатство надлежало сохранить и приумножить. Эти установки нашли отражение в генплане 1953 г., в «Правилах застройки города Калининграда» 1955 г., которые предусматривали создание обширных парковых зон. Согласно постановлению Калининградского горкома КПСС и горисполкома «О застройке и благоустройстве центральных площадей и магистральных улиц Калининграда» (1953 г.) предусматривалось широкое привлечение общественности. За всеми предприятиями и учреждениями закрепили конкретные объекты с указанием объёма и сроков выполнения работ по озеленению и благоустройству⁴.

Таким образом, «Зелёный пояс» города, созданный до войны, планировали сохранять и совершенствовать.

Важной частью работ по городскому благоустройству является формирование облика улиц, площадей, создание интерьеров общественных учреждений. В апреле 1949 г. при управлении главного архитектора города начала работу комиссия по малым формам. В её задачи входило утверждение проектов и эскизов объектов малых форм (киоски, беседки, фонтаны, вывески и т.д.) и внутреннее архитектурно-художественное оформление помещений общественных зданий (кинотеатры, клубы, магазины и т.д.)⁵. С фасадов сбивали немецкие барельефы, мемориальные доски, геральдику, помещали на их место рельефные изображения советской символики (герб, пятиконечная звезда, колосья, серп, молот и т.п.). Внутренние интерьеры зданий меняли в соответствии с советскими эстетическими предпочтениями.

¹ Навалихин Д. К. Задачи архитектурной реконструкции Калининграда // Калининградская правда. 1951. 30 июня. С. 3 ; Навалихин Д., Пейсин Д. Каждое новое здание должно украшать наш город // Калининградская правда. 1949. 3 сент. С. 2.

² ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 75. Л. 41.

³ Там же. Л. 46.

⁴ История Калининградской области (1951 – 1965). С. 42.

⁵ ГАКО. Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 41. Л. 25 – 26.

Однако, несмотря на переделки, архитекторы слышали критику в свой адрес. В 1953 г. в «Калининградской правде» говорилось: «Хотелось бы видеть новые здания решёнными в архитектурном отношении по-нашему, по-советски. Хочется дружески напомнить нашим архитекторам, что невозможно создать новый стиль зданий, вкрапив в отделку их фасадов пятиконечные звёздочки или шпили на крышах»¹. Вероятно, автор критического замечания не понимал, что построить новое гораздо проще, чем качественно отремонтировать, а тем более изменить стиль уже построенного здания. Архитектор Ф.П. Диденко на одном из совещаний Союза архитекторов отметил: «Нам трудно работать, так как мы перелицовываем старые немецкие коробки»².

Генеральный план застройки города Калининграда был утвержден 16 мая 1953 г. Советом Министров РСФСР постановлением № 564-40С «Об утверждении «Проекта планировки и застройки Калининграда» (московский институт Гипрогор, авторы проекта – архитектор М.Р. Наумов, инженеры П.Д. Кочетыгов, А.Я. Пак). По сравнению с другими советскими проектами местный запоздал на 6 – 7 лет. М.Р. Наумов применял в своей работе немецкие геодезические и топографические материалы. По воспоминаниям архитектора А.В. Максимова, при составлении генплана использовали составленный им в 1947 – 1948 гг. на основе немецкой документации эскизный проект реконструкции центра города Кёнигсберга в масштабе 1:2000³. Реализация генплана была намечена на 20 лет.

К середине 1950-х гг. архитекторы признали, что не стоит уничтожать всё немецкое. «Нам нельзя строить хуже, чем строили немцы, нам надо взять у них всё лучшее, сохранить инженерную основу города», – высказался на заседании Калининградского отделения представитель Союза архитекторов СССР Л.С. Богданов⁴. Эти пожелания нашли отражение в генплане Калининграда.

Согласно московскому проекту⁵, сохранилось прежнее структурное деление города рекой Преголей на северную и южную части, объединённые центром города в районе бывшего замка. Каждый из четырёх административных районов имел свою

¹ Семичев Б. Город-сад // Калининградская правда. 1953. 17 мая. С. 3.

² РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 688. Л. 2.

³ Кёнигсберг-Калининград=Königsberg-Kaliningrad: альбом. С. 69.

⁴ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 885. Л. 30.

⁵ Навалихин Д.К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда: альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222. Л. 57.

развитую сеть учреждений образования, культуры и отдыха, свой центр: Сталинградский район – на Театральной площади и площади Победы, Ленинградский – на ул. А. Невского, Балтийский – на ул. Киевской, Московский – на ул. Маяковского (сегодня – часть Ленинского проспекта от Южного вокзала до эстакадного моста). Московские архитекторы хотели насытить городскую территорию просторными районными площадями, широкими магистралями, которых был лишён Кёнигсберг.

Генплан предусматривал зональное размещение промышленных и селитебных территорий. Учитывалась специализация промышленности, определённая для области правительством. Портовый город должен был стать крупным центром добычи и обработки рыбы, судо- и машиностроения, иметь развитое сельскохозяйственное производство. Общая площадь под промышленными увеличивалась в плане на 30 %, а периферийные селитебные территории подлежали сокращению.

8 октября 1955 г. облисполком утвердил «Правила застройки города Калининграда»¹ на 1955 – 1960 гг., которые, как и генплан, стали обязательным нормативным документом для всех участников архитектурно-строительной деятельности. В соответствии с проектом было установлено следующее соотношение этажности нового жилищного строительства: 5 этажей – 30,7 %; 3 – 4 этажа – 35,6 %; 2 этажа – 26 %; усадебная застройка – 7,7 %. Очевидно, что в Калининграде приоритет отводился многоэтажному строительству (в Кёнигсберге напротив преобладала малоэтажная застройка). Здания в 5 и более этажей, так же как и крупные общественные сооружения, предполагалось размещать исключительно по основным магистралям, площадям, набережным. Согласно «Схеме генерального плана»² площади жилой застройки должны были сложиться из многоэтажного центра, большого района на северо-западе и компактного района в южной части города. Наибольшую плотность имели кварталы в районе улиц Маяковского, Житомирской (сегодня – часть Ленинского проспекта от площади Победы до эстакадного моста), Сталинградского проспекта.

Таким образом, город должен был расти вверх, оставаясь при этом в прежних границах.

¹ Решение Калининградского облисполкома № 482 от 8 октября 1955 г. «О правилах застройки города Калининграда» // На переднем крае. Кн. 1. 2009. С. 248 – 252.

² Навалихин Д.К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда: альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222. Л. 57.

Особый интерес вызывает ответ на вопрос, каким видели «сердце города» послевоенные архитекторы.

В связи с тем, что восстановление зданий в Калининграде в основном велось на окраинах, вблизи промышленных предприятий, центральные районы оставались неблагоустроенными. Повлиял на это и недостаток финансирования. Ведь центр нового советского города не должен был, да и не мог быть восстановлен в прежнем виде. А проектирование центральной площади требовало квалифицированной работы специалистов. Кроме того, власти затягивали с принятием решения. Согласно приказу начальника Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР В. Шкварикова от 14 сентября 1948 г. главному архитектору города надлежало сосредоточить застройку Калининграда в его центральной части¹. Однако, уже в феврале 1949 г. начальник отдела градостроительства того же Управления А. Кузнецов просил прекратить работы по разработке эскизного проекта центра ввиду недостатка финансирования². В стране наблюдалась нехватка средств и материалов, поэтому Совет Министров СССР принял решение с 1 июля 1950 г. снизить сметную стоимость строительства в среднем на 25 %. 19 января 1954 г. обком КПСС и облисполком приняли постановление «О первоочередной застройке центральных магистралей и площадей города Калининграда»³. Таким образом, только с середины 1950-х гг. началась планомерная разборка руин в центральной части города.

Несмотря на неопределенность в правительственных кругах и другие проблемы, местные архитекторы в 1950-е гг. разрабатывали и предлагали свои проекты центральной части города. Цель, общая для всех предложений, была сформулирована Д.К. Навалихиным: превратить бывший немецкий Кёнигсберг в «русский социалистический город Калининград»⁴.

Планировке центра придавалось особое символическое значение. Для начала необходимо было определить его место. Поэтому, уже с первых дней существования

¹ ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ О застройке и благоустройстве центральных улиц и площадей города Калининграда // Калининградская правда. 1954. 3 фев. С. 2.

⁴ Навалихин Д. К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда Вариант 2. М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 221. Л. 138.

области архитектурная и активная общественность обсуждали различные варианты его размещения.

Фактически, в условиях полностью разрушенного исторического ядра, временный центр разместился в менее разрушенной северо-западной части – на улице К. Маркса, где находилось городское управление, а потому началось восстановление зданий, дорожных покрытий, было проведено первое уличное освещение¹.

Со временем относительно местоположения центральной площади сформировались две основные точки зрения.

В 1946 г. главный архитектор облкомхоза П.В. Тимохин предложил сохранить район Королевского замка как памятник Победы в Великой Отечественной войне. Главную административную и общественную композицию П.В. Тимохин видел на площади Победы, обосновывая свое мнение тем, что именно там пересекались трассы из всех городских районов².

Однако наибольшее число сторонников имел вариант сохранения центра в районе замка. Среди них – М.Р. Наумов и Д.К. Навалихин.

Их проекты имели много общего, в частности: расположение центральной городской части в пределах бывшего оборонительного кольца, сохранение исторически сложившейся радиально-кольцевой структуры, пробивка новых центральных улиц и магистралей, акцент на высотные объекты (рисунки Б.6, Б.7³). Проекты главной площади предусматривали снос руин замка и строительство Дворца Советов.

В 1949 г. М.Р. Наумов писал в «Калининградской правде»: «Дворец должен быть увенчан высокой, видной издали башней-маяком, которая подчеркнёт характер Калининграда – города-порта»⁴. Перед ним планировалось разбить центральную площадь с открытым выходом на набережную реки Преголи. Плотно застроенная до войны территория острова Кнайпхоф отводилась под мемориально-парковую зелёную зону.

¹ Материалы совещания по проектированию центра города Калининграда 26 – 27 марта 1964 // Фонды КОИХМ. Б/н. Л. 32 – 33.

² ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

³ Приложение Б. Рисунок Б.6 – Схема планировки центра города Калининграда (по проекту института «Гипрогор») С. 202; Рисунок Б.7 – Схема планировки центра города Калининграда (по проекту Управления главного архитектора города Калининграда, автор – архитектор Д. К. Навалихин). С. 203.

⁴ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. СПб., 2002. С. 107.

Д.К. Навалихин называет целый ряд недоработок генплана. Его критика основана на том, что в проекте нет чёткого ансамблевого построения города и его центра, не в полной мере соблюдены принципы русского градостроения. А также «недостаточно использованы возможности, появившиеся в связи с существующими разрушениями в городе»¹. По мнению главного архитектора, «ГИПРОГОР во многих случаях закрепил черты б. гор. Кёнигсберга за советским городом Калининградом»².

Д.К. Навалихин был более радикален в своих предложениях. По его мнению, старые, в основном многоэтажные, коробки в центре были сильно разрушены и имели малую ценность с практической точки зрения. На их месте должна была вырасти современная застройка. Однако он предлагал оставить примерно 150 – 200 зданий³, т.е. до половины от сохранившихся⁴. Д.К. Навалихин стремился сделать новый центр более парадным, монументальным, грандиозным.

Главный архитектор в 1954 г. определял высоту Дворца Советов в 150 м от уровня реки Преголи, спустя два года остановился на 50—70 м. Рядом намечалось строительство музея Великой Отечественной войны и художественной галереи. Темой монументального ансамбля Д.К. Навалихин провозгласил идею мирного героического труда. С северной стороны Дворец Советов должна была венчать полукольцевая парадная площадь, от которой тремя лучами расходились магистрали (ул. Житомирская – сегодня Ленинский проспект, Новый проспект – ул. Пролетарская, ул. Ленина – ул. Фрунзе). С юга раскинулась просторная площадь Мира с торжественными ступенчатыми спусками к набережной и зелёный остров. С запада, севера и востока свободное пространство комплекса планировалось ограничить многоэтажной застройкой. На набережной Старой Преголи по оси с Домом Советов архитектор наметил возвести 10-этажный дом инженерно-технических работников и стахановцев. Зданию биржи К. Мюллера отводилась роль концертного зала, рядом был спроектирован физкультурный зал.

¹ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954. // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 62.

² Там же. Л. 66.

³ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 82.

⁴ Таблица 1. С. 97.

На Д.К. Навалихина повлияли приёмы создания перспективной площади в Архангельском, Стрельне, Гатчине, Петродворце и пр.

Проект застройки одной из главных городских магистралей – улицы Маяковского (1954 г., Управление главного архитектора города, архитекторы Г.А. Афанасьев, Д.К. Навалихин) предполагал её расширение до 35 метров и застройку многоэтажными зданиями в стиле сталинского ампира¹.

Несомненно, на проекты Калининграда, как и на проекты других советских городов, оказал влияние генплан Москвы 1935 г. Д.К. Навалихин отмечал, что Москва в XVII в. занимала территорию, примерно равную центральной части Калининграда, членилась рекой, имела близкую к радиально-кольцевой систему застройки, окружённую укреплениями и завершавшуюся в центре сооружениями Кремля². По аналогии с московским Садовым кольцом бывший оборонительный пояс Кёнигсберга предполагалось превратить в Парковое кольцо, а на территории между ним и Домом Советов создать кольцо меньшего диаметра. По этим кольцам планировалось разместить «узловые ансамбли» (согласно рисунку Б.8³): памятник погибшим Героям, площади Калинина и Победы, парк Победы, Центральный стадион, центральный вход в Клинический городок (со стороны проспекта А. Невского) и пр. «Узловые ансамбли» были призваны исполнять роль районных доминант, а также «отвлекать внимание от сохранившихся немецких сооружений»⁴.

Во втором варианте диссертации Д.К. Навалихин отказался от сноса руин замка и предложил включить их в качестве одного из элементов в будущий комплекс городского центра. Ряд немецких зданий архитектор отнёс к опорной застройке: новый университет, Академию искусств, Биржу, Южный и Северный вокзалы, Палестру Альбертину, Новую ратушу и пр. Из военных сооружений, которые могли быть сохранены в качестве «исторических памятников», названы башни Врангеля, Дона, городские ворота. По словам Д.К. Навалихина, контраст между советскими

¹ Разработка детальных проектов центральных магистралей // Калининградская правда. 1954. 3 фев. С. 2.

² Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 119.

³ Приложение Б. Рисунок Б.8 – Идеиное и функциональное содержание сложившихся и рекомендуемых Д. К. Навалихиным основных узловых ансамблей будущего центра города Калининграда (вариант 1954 г.). С. 204 – 205.

⁴ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 145.

сооружениями и наследием Кёнигсберга «несомненно обогатит и усилит идейно-художественный образ как центра, так и будущего города Калининграда»¹.

Таким образом, между строк идеологически выверенного текста можно прочитать, что на самом деле думал архитектор, ученик ленинградской школы. Фактически именно с подачи Д.К. Навалихина в последующие годы были сохранены многие довоенные сооружения.

Опровергает устоявшееся в литературе мнение о планомерном уничтожении культовых строений в городе тот факт, что схемы планировки центра города Калининграда Д.К. Навалихина и Гипрогора предусматривали сохранение старых церквей. Внимательно всмотревшись в рисунки Б.6, Б.7², можно заметить Кафедральный собор, Штайндаммскую церковь, церковь Святого Семейства, кирхи Лютера и Тринитатис на Хаберберге, Бург-кирху, кирху Святой Барбары, Приходскую католическую церковь, Трагхаймскую кирху, кирху Христа. В рассматриваемый период религиозные сооружения в Калининградской области не были разрушены по приказу властей, хотя и поменяли своё функциональное назначение – пустовали либо использовались под складские, хозяйственные помещения. Например, в кирхе Христа в Ратсхофе разместился дом культуры вагоностроительного завода, в кирхе Креста – автомастерская и пр.

Наглядно представить, каким видели в будущем место бывшего королевского замка местные архитекторы, помогает снимок макета планировки центра Калининграда, созданного проектировщиками Облпроекта³. Этот вариант центра отличает то, что предусмотрен снос Кафедрального собора. На острове можно видеть лишь сохранённую могилу Канта, включённую в список памятников культуры общесоюзного и республиканского значения в 1950 г.⁴ В остальном он повторяет вышеописанные идеи главного архитектора. Здание Дома Советов в своей архитектуре повторяет стиль «сталинских высоток» – объёмное, стремящееся ввысь сооружение. Архитекторы мечтали, чтобы в Калининграде появилось такое знаковое сооружение, наряду с

¹ Навалихин Д. К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда. Вариант 2. М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 221. Л. 147.

² Приложение Б. Рисунок Б.6. С. 202 ; Рисунок Б.7. С. 203.

³ Приложение Б. Рисунок Б.9 – Снимок макета планировки центра города Калининграда. Макет разработан в мастерской «Облпроект», авторы – архитекторы П. Ф. Диденко, А. В. Максимов, Д. К. Навалихин, 1954 г. С. 206.

⁴ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 221. Л. 162.

Москвой, Ригой, Варшавой. Ансамблевое решение образовано башнями, шпилями, арками, портиками, пирамидами. Сооружения монументальны, проникнуты символикой Победы в Великой Отечественной войне. Ландшафт насыщен памятниками, скульптурными композициями. Мост через Преголю соединяет северную и южную части города. Композиционная ось, перпендикулярная Преголе, удовлетворяла требованию создания главной магистрали, связывающей вокзал и площадь.

Схожие черты с разработанными зодчими проектами центральной части Калининграда можно обнаружить в послевоенных проектах российских городов. Проект возвышающегося центра отражал дух времени и напоминал планы застройки центральных площадей Калинина, Челябинска, Сталинграда, Воронежа и др. Как и в проекте центра Смоленска, выход главной магистрали с площади отмечен наличием вертикальных элементов на углах в виде ротонд¹. В Краснодаре запроектированная площадь также имела полукруглую форму, включала общественно-административные здания, высотные композиции, памятник Ленину в центре и имела выход к реке Кубани². Как говорилось ранее, важная особенность многих градостроительных проектов послевоенных лет, созданных московскими и ленинградскими архитекторами – усиление роли реки в планировочной структуре. Все эти элементы, составляющие разработанный на основе генплана Москвы «шаблон», можно найти в калининградских проектах.

Советские проекты центра Калининграда имеют сходство с «Предложением о перестройке и развитии города Кенигсберга» 1938 г. Примечателен тот факт, что Д.К. Навалихин использовал его в своей работе³. И советские, и немецкие архитекторы в качестве главного примера ориентировались на свою столицу. Идеальные города в трактовках нацизма и сталинизма имеют схожие черты: центр сформирован вокруг многоэтажного административного здания, широкие многокилометровые проспекты служат местом для массовых парадов и шествий, просторные площади и зелёные зоны подчёркивают заботу государства о нуждах простого человека. Идея Паркового кольца Д.К. Навалихина перекликается с идеей 1938 г. создать внутреннее кольцо дорог по

¹ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. С. 57.

² Там же. С. 66.

³ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 184.

линии вального укрепления. Реализация калининградского генплана также была намечена на 20 лет¹. Однако, как и его довоенному предшественнику, ему не суждено было осуществиться: за расчётный период сменилось еще два генеральных проекта (1967 и 1974 гг.). В то же время основополагающие идеи относительно будущего облика города сформировались именно в первых проектах (транспортная схема, расположение площадей, выбор главных магистралей, административных центров, общественных мест).

Подтверждением этому служит, в частности, проект реконструкции площади Победы, разработанный к 1951 г. под руководством Д.К. Навалихина (в 1949 г. совместно с архитектором Л.В. Вайнштейн (Черкасовой), доработал в 1951 г. с архитектором Л.П. Борисовой)². Его детали были реализованы в разное время. В 1953 г. возведены трибуны (проект архитекторов Д.К. Навалихина, В.С. Ашамова, скульптора Е.В. Вучетич) и установлен памятник И.В. Сталину (в 1958 г. его сменил памятник В.И. Ленину). Постепенно в районе площади расположились основные административные учреждения. За трибунами разбили сквер. Спустя 50 лет по проекту заслуженного архитектора РСФСР В.Г. Еремеева была возведена башня с часами на углу здания Калининградского делового центра.

Выше отмечалось, что архитекторы допускали сохранение и восстановление исторической застройки в Калининграде, сохранение существовавших религиозных сооружений. В рассматриваемый период власти не проводили политику уничтожения немецких храмов. Но в то же время не принимались меры к их защите. В список памятников культуры общесоюзного и республиканского значения 1950 г. попали военные монументы, братские могилы, кладбища в Калининграде и городах области. Из числа довоенных в него вошли лишь памятник М.Б. Баркляю-де-Толли в пос. Нагорное Черняховского района и могила немецкого философа И. Канта в Калининграде³. Строительство в охранной зоне памятников архитектуры, а также на прилегающих территориях согласно «Правилам застройки города Калининграда» (1955 г.)

¹ Навалихин Д. Задачи архитектурной реконструкции Калининграда. С. 3.

² Приложение Б. Рисунок Б. 10 – Проект реконструкции площади Победы Проект реконструкции площади Победы и здания Северного вокзала, Архитектурно-проектная мастерская Калининградского областного отдела по делам архитектуры, авторы – архитекторы Л.В. Вайнштейн (Черкасова), Д.К. Навалихин, 1949 г. С. 207 ; Рисунок Б.11 – Проект реконструкции площади Победы и здания Северного вокзала, мастерская «Облпроект», авторы – архитекторы Л.П. Борисова, Д.К. Навалихин, 1951 г. С. 207.

³ ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 221. Л. 162.

запрещалось без разрешения областного управления по делам архитектуры. К числу «временно не включённых в список государственной охраны памятников архитектуры» были отнесены городские ворота Старого города, Жёлтая и Голубая башни, могилы Ф. Бесселя, Ф. Неймана, Ю. Руппа¹.

С постепенным налаживанием мирной жизни у новых жителей, расчищавших завалы разрушенного города, возникало уважение к результатам труда немецкого населения, на смену которого они пришли. Об этом рассказывали сами переселенцы. На П.М. Копылову, прибывшую в Калининград летом 1946 г., «впечатление произвела немецкая архитектура», «готический стиль». «Запомнили мы, что было много зелени, улицы чистейшие... Дома красного цвета, все покрыты их немецкой черепицей. Всё это бросалось в глаза»². Воображение новых жителей поражали сохранившиеся сооружения оборонительной архитектуры (форты, башни, ворота и пр.), «пешеходные дорожки, вымощенные разными плитами, плиточками, камнями» (А.А. Башилова), площади со скульптурами, руины замка. «Даже по остаткам зданий было видно, как красив был город до войны» (А.А. Копылова)³.

В «Справке о работе проектных организаций» (1955 г.) отмечалось: «В практике восстановительного строительства имеется ряд случаев, когда проектные организации и органы архитектуры заведомо шли на удорожание строительства, допускали архитектурные излишества, мирились с фактами плохой планировки квартир»⁴.

А в газете «Калининградская правда» в ноябре 1955 г. появилась карикатурная статья про некоего архитектора Колоннадова-Завитушкина, который использовал «все известные с античных времен архитектурные стили»: «Колонны распихивались всюду, куда только можно. Ими оснащались подъезды, входы, коридоры, залы, портики и балконы. ...Только позже, когда проект осуществлялся в натуре, вдруг замечали, что недостает нескольких уборных, или ванных комнат, или дверей, там, где им положено быть»⁵.

¹ Решение Калининградского облисполкома № 482 от 8 октября 1955 г. «О правилах застройки города Калининграда» // На переднем крае. Кн. 1. 2009. С. 252.

² Интервью первых переселенцев, прибывших в Калининградскую /Кёнигсбергскую/ область в 1945 – 1946 гг. Т. 11 // Фонды КОИХМ. КГОМ2-11880. 1. Л. 2.

³ Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. 1945 – 1950 гг. Т.1. Машинопись. Калининград, 1992 // НА КОИХМ. Б/н. Л. 103.

⁴ ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 18. Д. 114. Л. 7.

⁵ Заприводин Н. Загогулина на фасаде // Калининградская правда. 1955. 27 нояб. С. 4.

Формы зданий упрощали прямо во время строительных работ. По свидетельству инженера В.Н. Адрианова, «к середине 1950-х гг. улица К. Маркса была почти полностью восстановлена – с арками, карнизами, мансардами... Но после выхода постановления Н.С. Хрущева о борьбе с излишествами пришлось ломать сделанное»¹.

Как уже отмечалось в первой главе, перемены отразились и на структуре органов управления, где во второй половине 1950-х гг. царила неразбериха. Управление главного архитектора Калининграда на основании решения облисполкома № 11 от 4 января 1955 г., принятого в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 29 декабря 1954 г. «Об улучшении структуры и устранении излишеств в штатах», было объединено с областным отделом по делам архитектуры². Обязанности главного архитектора города до 1961 г. фактически исполнял начальник областного архитектурного отдела. На непродолжительное время должность возрождали: в 1957 – 1958 гг. её занимал К.А. Хрусталёв, в 1958 г. – Н.А. Зеленкова.

С 1 января 1956 г. областной отдел по делам архитектуры был реорганизован в областной отдел по делам строительства и архитектуры, а с марта 1956 г. – в областной отдел коммунального хозяйства и архитектуры. Разделение коммунального и архитектурного отделов произошло только в 1961 г.³, тогда же была восстановлена служба главного архитектора города⁴. Областной архитектурой (а параллельно и городской) в 1955 – 1957 гг. руководил Д.К. Навалихин, в 1957 – 1959 гг. – В.Г. Юдин, в 1959 г. – Н.А. Зеленкова. Круг обязанностей вновь созданных отделов расширился. К организации восстановления добавилось руководство новым строительством, решение задач развития стройиндустрии, промышленности местных строительных материалов⁵.

Во второй половине 1950-х гг. градостроительная деятельность города несколько замешкалась. На это повлияло в числе прочего отсутствие главного архитектора, когда важные архитектурно-градостроительные вопросы зачастую решались без контроля специалистов. Новое строительство только начиналось, продолжались

¹ Интервью с инженером В. Н. Адриановым от 17 февраля 2010 г. Беседовала Е. С. Митина. // НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 72. Л. 8.

² Краткая историческая справка «Отдел по делам строительства и архитектуры исполнительного комитета Калининградского городского Совета депутатов трудящихся». Сост. зав. Калининградским городским госархивом О. С. Димитриева. 15.03.1979 г. // ГАКО. Ф. Р-522. Л. 9.

³ Большой энциклопедический словарь Калининградской области. С. 183.

⁴ Краткая историческая справка «Отдел по делам строительства и архитектуры...» // ГАКО. Ф. Р-522. Л. 9.

⁵ ГАКО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 173. Л. 2.

восстановительные и благоустроительные работы. Архитектурная общественность как будто набирала воздух в лёгкие перед началом нового градостроительного этапа в истории города. В 1960-е гг. началась массовая застройка города уже устаревшими к тому времени «хрущёвками».

В завершение данной главы сформулируем некоторые предварительные выводы. Зарождавшаяся в послевоенные годы в Калининграде градостроительная деятельность может быть рассмотрена с точки зрения двух направлений – строительная практика и теоретические проектные изыскания.

В рассматриваемый период восстановительное строительство преобладало. Разбор руин, реконструкция уцелевших зданий, благоустройство территорий поглощали основной трудовой и экономический ресурс. Вывоз строительных материалов, механизмов, оборудования, начатый из «оккупированного района», по инерции продолжился вплоть до середины 1950-х гг. В результате к этому времени город исчерпал свой «кирпичный» ресурс и стал нуждаться в стройматериалах.

Упор был сделан на быстрое и дешёвое восстановление, а не на качество. Выборочное строительство велось в наименее пострадавших районах, непосредственно тяготеющих к промышленным предприятиям. Во второй половине 1950-х гг. началось типовое строительство, но массовый характер оно приобрело только в 1960-е гг. Фактически, до конца 1950-х гг. в Калининграде продолжалась послевоенная «генеральная уборка». Ввод зданий посредством восстановления преобладал над новым строительством. Динамика наличия городского жилья не была стабильной. В Калининграде сложилась уникальная ситуация – нередко вывод жилплощади превышал ввод. Помимо разборки зданий на кирпич, связано это с тем, что в течение рассматриваемого периода многие сохранившиеся коробки, не дождавшись своей очереди на восстановление, подвергались пассивному разрушению. Поступательное увеличение жилплощади началось только с конца 1950-х гг.

Начавшие работу с нуля строительные организации были маломощными, не имели производственной базы, нуждались в квалифицированных кадрах. Только к концу 1950-х гг. началось формирование местной базы стройиндустрии и промышленности строительных материалов.

К концу 1950-х гг. Калининград оставался единственным в стране разрушенным городом. Из 6 млн. кв. м. довоенной общей жилой площади в 1960 г. функционировало около 2 млн. кв. м¹. Согласно материалам переписки местных и центральных органов власти «О неотложных мерах по ускорению восстановления города Калининграда», к 1960 г. город был восстановлен всего на 30 %². Сильно разрушенные города СССР уже обрели благоустроенный облик, а в Калининграде снимали эпизоды для военных кинофильмов. Можно согласиться с характеристикой застройки города, которую дал главный архитектор Калининграда Д.К. Навалихин: она приобрела «случайный, разнохарактерный, малопривлекательный вид»³.

Грандиозные проекты первых архитекторов о строительстве нового социалистического Калининграда совместили в себе идеи как довоенных немецких, так и советских зодчих. Они требовали крупных финансовых вложений. Исходя из приведённого анализа проектов, можно прийти к выводу, что по отношению к имевшейся городской среде они сочетали в себе как элементы разрушения, так и преобразования. Намерение уничтожить немецкий дух усиленно декларировалось в пропаганде, но на практике было неосуществимо. Градостроители осознавали необходимость сохранения всего лучшего, что осталось от предыдущих хозяев. В судьбу послевоенных проектов вмешалось само время. Они так и остались утопией, как и идея строительства коммунистического общества. На практике архитектурная деятельность сводилась к маскировке фасадов домов довоенной застройки под деталями классических форм и советской символикой. В городе было построено лишь несколько новых объектов с характерными чертами сталинской архитектуры. А историческая центральная часть города представляла собой «чистый лист бумаги» и ждала решений будущих архитекторов.

¹ Губин А. Б. Строительство жилья. С. 20.

² ГАКО. Ф. 1-П. Оп. 32. Д. 86. Л. 7.

³ Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Вариант 1. М., 1954 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 220. Л. 77.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КЛАЙПЕДЫ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СОВЕТИЗАЦИИ ЛИТВЫ

3.1 Начало восстановления Клайпеды и формирование экономической и производственной базы градостроительства во второй половине 1940-х годов

С первых месяцев советской истории Клайпеды мероприятия по восстановлению города и функции по созданию градостроительной базы параллельно осуществляли военные и гражданские органы власти.

По окончании боёв за населённый пункт власть в нём переходила к советскому чрезвычайному органу управления – военной комендатуре. В городах иногда одновременно назначали представителей гражданских властей. С конца января 1945 г. действовала военная комендатура в городе Клайпеда. В июле того же года создали Клайпедский оперативный сектор (в него помимо территории Клайпедского входили Таурагский и Кретингский уезды), а в его составе – сводную военную комендатуру¹.

В то же время с февраля по март 1945 г. в Клайпедке осуществлялись мероприятия по созданию исполкома и его структур. Их регламентировало постановление Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1945 г.² В исполком Клайпедского городского Совета, утверждённого 3 мая 1945 г., входили гражданские, военные, представители НКВД³.

Единовременная работа военной комендатуры и органов гражданского управления продолжалась до середины 1946 г. 4 июля военное положение было отменено. Однако постановление Совета Министров СССР № 1435-631сс от 29 июня 1946 г. на значительной части Клайпедского края установило запретную пограничную зону и двухкилометровую пограничную полосу, а на побережье Балтийского моря – запретную береговую пограничную полосу. Сам город Клайпеда до начала 1960-х гг. считался пограничным городом с режимом первой категории⁴. Проживание и передвижение населения жёстко регламентировалось. Ограничивалась экономическая деятельность, под контролем находились социальные контакты.

¹ Arbušauskaitė A. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation. S. 43.

² Ibid. S. 44.

³ Safronovas V. Vykdomoji valdžia ir jos kadru politiką Klaipėdos mieste 1945 – 1957 metais. P. 118.

⁴ Arbušauskaitė A. Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation. S. 43.

Таким образом, гражданская администрация Клайпеды начала свою работу на два года раньше, чем в Калининграде, где из-за преобладания среди гражданского населения немцев оперативное создание конституционных органов власти не представлялось возможным.

Под руководством военных комендатур начались работы по разминированию и расчистке завалов. К ним привлекали военнопленных¹.

Бывший сапёр К. Белов так описывал Клайпеду первых послевоенных месяцев: «Хорошо помнится, что город был долгое время будто вымершим, никакого освещения, фабрики и заводы не работали, по улицам не встретишь гражданских жителей, всё больше военные, улицы завалены. На железнодорожных путях громоздились груды металла из разбитых паровозов и вагонов»².

Воспоминания очевидцев свидетельствуют о том, что Клайпеда была заминирована. На территории порта не уцелело ни одного здания. Согласно показаниям участника событий, для его подрыва отступавшие немецкие войска использовали 39 тонн взрывчатки³. Ветеран штурма Клайпеды замполит батареи 224-го артиллерийского полка 16-й Литовской стрелковой дивизии капитан в отставке С. Юргинис вспоминал, как в одном из складов торгового порта 28 января 1945 г. произошёл взрыв мины, в результате которого погибло свыше 40 человек – воинов 16-й дивизии⁴. Участник освобождения Клайпеды А. Петраускас рассказывал: «Город был заминирован. Рекомендовалось ходить только по центру улиц, потому что дома всё ещё рушились от взрыва мин замедленного действия»⁵. Повсюду в городе встречались таблички: «Осторожно! Мины!»⁶.

Безусловно, воспоминания ветеранов относительно степени минирования города субъективны и не могут считаться полностью достоверными. При этом не вызывает сомнений тот факт, что по окончании боёв в Клайпедe оставалось большое количество нераззорвавшихся боеприпасов.

¹ КЛАА. F. 104. Ap. 1. V. 1. L. 73.

² Белов К. Улицы в руинах // Советская Клайпеда. 1985. 26 янв. С. 4.

³ Метельский Г. Население – всего несколько человек // Советская Клайпеда. 1985. 26 янв. С. 4.

⁴ Толовые шашки на деревьях // Советская Клайпеда. 1985. 26 янв. С. 4.

⁵ Петраускас А. В разведке // Советская Клайпеда. 1985. 30 янв. С. 3.

⁶ Метельский Г. Население – всего несколько человек. С. 4.

Некоторые современные литовские историки, опираясь на эмоциональные субъективные воспоминания, считают, что разминирование Клайпеды военными преднамеренно происходило крайне медленно. Эта точка зрения недостаточно аргументирована. Её сторонники приводят свидетельства некоторых переселенцев, которые отмечали, что уборка мусора и завалов, обезвреживание снарядов начались только к середине марта 1945 г.¹, когда был создан горисполком. Но, главным образом, этот вывод сделан на основе немногочисленных сохранившихся послевоенных фотографий, на которых видны здания, находившиеся в центре города в конце января 1945 г. в хорошем состоянии. На поздних снимках они либо исчезли, либо остался их каркас.

Этот спорный вопрос ждёт своего исследователя. Для получения объективных выводов о степени сохранности зданий необходима специальная экспертиза, учитывающая такие факторы, как автор снимка, выбранный ракурс, объект съёмки и т.п. Документальные подтверждения намеренного затягивания разминирования советскими военными в настоящее время не выявлены. Кроме того, советские военнослужащие, которые стали первыми послевоенными жителями Клайпеды, были заинтересованы в обеспечении безопасности своего проживания.

Существует и другая точка зрения. Разминирование города советскими военными началось сразу после штурма, происходило и днём, и ночью. Сапёрный батальон 21-й мото-штурмовой инженерной бригады работал в жилых и производственных помещениях, тушил пожары. По свидетельству очевидца, к середине марта 1945 г. было разминировано большинство городских зданий². Вероятно, тогда и началась активная разборка завалов.

Между военными и гражданскими органами управления возникали разногласия по различным вопросам городского хозяйства. Так, например, при осуществлении работ по разминированию горисполком пытался взять руководство в свои руки. В архиве Клайпеды хранится письмо от 12 июля 1945 г. заместителя председателя СНК Литовской ССР М. Шумаускаса, адресованное председателю Клайпедского горисполкома В. Бергасу. В нём сообщается о донесении председателя ЦС

¹ Demereckas K., Safronovas V. Klaipėda 1945 – 1965... . P. 12.

² Стубра А. Первый комендант портового города // Советская Клайпеда. 1975. 16 апр. С. 3.

ОСОАВИАХИМа¹, согласно которому горисполком препятствовал ОСОАВИАХИМу «в подготовке минёров для окончательного разминирования города»². На это письмо В. Бергас ответил, что для очистки города от мин выделено 20 человек из числа военнопленных, которые в августе 1945 г. закончат работы³.

Дольше происходило разминирование лесополосы, находившейся в городской черте⁴. Согласно решению горисполкома от 31 августа 1945 г. вводились временные запретные зоны на заминированных территориях: от северной оконечности города по лесу в глубину до 5 км; от пункта морского порта по берегу на север в глубину до 5 км. На границах временных зон были расставлены информационные таблички с надписями на литовском и русском языках⁵.

Во исполнение приказа Главного управления по строительству при Совете Министров Литовской ССР к августу 1946 г. при городских стройконторах создали команды минёров в составе одного-двух отделений. Они комплектовались из рабочих, совмещавших работу на строительстве с поисками и уничтожением взрывоопасных средств на производственных участках.⁶ Таким образом, с середины 1946 г., когда прекратили деятельность чрезвычайные органы управления, к ликвидации оставшихся после войны боеприпасов привлекалось гражданское население. В связи с тем, что и в 1950-е гг. имели место случаи подрыва людей, скота, техники практически ежегодно военными продолжали проводиться плановые мероприятия по уничтожению взрывоопасных предметов⁷. Только в 1957 г. уничтожили 3831 шт. авиабомб, артиллерийских снарядов, мин⁸.

Одним из первых мероприятий военных властей стало возведение памятника воинам, павшим в боях за освобождение города. Вероятно, это был первый послевоенный памятник в Клайпеде. Его возвели в рекордно короткие сроки по проекту военных инженеров и торжественно открыли 27 мая 1945 г.⁹ На бетонном постаменте

¹ ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (предшественник ДОСААФ – Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту).

² KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 1. L. 60.

³ Ibid. L. 73.

⁴ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 6. L. 283.

⁵ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 1. L. 63.

⁶ LCVA. F. R-530. Ap. 2. B. 2. L. 1.

⁷ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 235. L. 14 – 15.

⁸ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 317. L. 69 – 71.

⁹ Vareikis V. Der Umgang mit Denkmälern in Klaipėda. S. 99 – 100.

возвышалась противотанковая пушка. В советские времена у памятника встречались ветераны на праздники День Победы и День освобождения Клайпеды.

Согласно решению горисполкома от 1 августа 1945 г. все здания и сооружения в Клайпедде, находившиеся на территории военных казарм, закреплялись за военным гарнизоном с оговоркой, что эти территории должны быть открыты для проезда всех видов транспорта и прохода жителей¹. Таким образом, удалось избежать проблемы закрытых казарменных городков, с которой столкнулись гражданские жители в Калининграде.

В связи с небольшим количеством гражданского населения зимой-весной 1945 г., первыми строителями города стали советские военнослужащие. Один из переселенцев вспоминал: «Жизнь в городе началась с простейших работ. Расчищали развалины, застекляли окна, навешивали двери. Трудно приходилось – ни материалов, ни инструментов. Немалую помощь в ту пору оказывали нам, гражданским, военные»². Так, служащие 411-го отдельного городского батальона Местной ПВО НКВД к 1 августа 1945 г. восстановили 20 жилых зданий, городскую телефонную связь, а также частично городской водопровод, благодаря чему северную часть города обеспечили водой³. Санитарная обстановка в северном районе считалась более благоприятной, так как там сохранились канализация и водопровод. Водоснабжение южного района являлось в основном колодезным, колодцы не очищали. Мусор вывозили с перебоями, вследствие чего дворы засорялись. Хлорирование уборных и мусорных ям не проводили. Отмечались вспышки брюшного тифа⁴.

Работы по организации расчистки города от завалов начались сразу после окончания военных действий. Уже в феврале 1945 г. из Вильнюса, Каунаса, Шауляя, Паневежиса в Клайпеду прикомандировали несколько строительных команд. На их базе 1 апреля образовали строительно-монтажную контору № 3 (СМК-3)⁵, реорганизованную в июне 1946 г. в строительное-монтажное управление⁶. СМК-3 осуществляла строительство городской бани, водонапорной башни, восстанавливала гостиницу

¹ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 1. L. 42.

² Юргайтис Э. Возвращение // Советская Клайпеда. 1985. 26 янв. С. 4.

³ LCVA. F. R-754. Ap. 13. B. 35. L. 124 – 125.

⁴ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 99. L. 523.

⁵ Pužauskas M. Darbas saulę palydėdavo. P. 15.

⁶ LCVA. F. R-530. Ap. 1. B. 9. L. 125.

«Виктория», в которой первое время размещали репатриантов, до 10 – 12 человек в комнате¹.

К концу 1945 г. в СМК-3 работало 100 гражданских и 300 военных сотрудников². Использовали труд военнопленных³. Например, для восстановления канализационной сети города в ноябре 1945 г. выделяли до 400 человек ежедневно⁴. На строительство городского театра в начале 1946 г. привлекли 60 военнопленных разных специальностей⁵. После создания исправительно-трудовых лагерей в восстановительных работах участвовали заключённые.

Но для решения задач, поставленных правительством, по скорейшему вводу основных промышленных объектов, рабочей силы не хватало. Секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Снечкус в начале 1946 г. обратился к народному комиссару внутренних дел СССР С.Н. Круглову с просьбой о закреплении в текущем году большего числа военнопленных за строительными организациями Неманского речного пароходства и Клайпедского морского порта (до 2500 человек)⁶.

Однако благодаря быстрому росту населения в Клайпедде, в июле 1949 г. вышел приказ Министерства по строительству Литовской ССР о подготовке перевода строек на вольнонаемную рабочую силу⁷. Несомненно, наряду с военнослужащими и пленными огромный вклад в восстановление города внесли прибывшие переселенцы. Как и в Калининграде, сотрудники организаций и предприятий обязаны были отработать на благоустройстве города по 50 ч. в месяц⁸. Только в 1951 г. это время было сокращено до 20 ч.⁹ Благоустройством приходилось заниматься в перерывах между учёбой и работой: «...Мы, первые учащиеся гимназии № 1, немногочисленные её педагоги, изо дня в день старательно приводили в порядок помещения: коридоры, классы – всё было замусорено, поломано, в зале – солома и навоз... Только с внешней стороны можно было понять, что это – школа»¹⁰.

¹ Kibelka R. Memellandbuch. S. 49.

² Pužauskas M. Darbas saulę palydėdavo. P. 29.

³ LCVA. F. R-530. Ap. 1. B. 22. L. 31 – 32.

⁴ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 1. L. 103.

⁵ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 6. L. 221

⁶ LCVA. F. R-755. Ap. 2. B. 159. L. 127.

⁷ LCVA. F. R-530. Ap. 1. B. 43. L. 214.

⁸ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 9. L. 174.

⁹ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 80. L. 96.

¹⁰ Гарадаускас И. Так начинались первые уроки...// Советская Клайпеда. 1985. 26 янв. С. 6.

Особенно сильно пострадал центр Клайпеды, портовые сооружения. Повреждению подверглось дорожно-мостовое хозяйство, были разрушены три моста через реку Дане – Карла, Биржевой и железнодорожный¹. В разрухе пребывала транспортная инфраструктура. Не хватало топлива, жители жгли заборы². В отличие от Калининграда, подземное хозяйство Клайпеды оказалось почти полностью выведенным из строя. Не сохранились после войны многие церкви – святого Йонаса, Реформатская, литовская, синагога.

Мемель до войны обладал общей жилой площадью в 810 тыс. кв. м. (3220 домов). В литовской историографии используются данные о жилом фонде Клайпеды по состоянию на 1 июля 1945 г. из отчёта и. о. народного комиссара коммунального хозяйства ЛССР Астафьева³. На основе этих показателей составлена диаграмма (рисунок Б.12⁴): совершенно разрушенных жилых домов – 1205 (37% довоенной жилплощади); со степенью разрушения зданий до 25%, требовавших текущего ремонта – 591 (19%); со степенью разрушения зданий свыше 25% – 1424 (43%).

Как можно заметить из диаграмм (рисунки Б.1, Б.12⁵), ситуация в Калининграде в 1948 г. и в Клайпедe в 1945 г. оказалась примерно одинаковой. Стоит учесть, что сравниваются города разного порядка (столица Восточной Пруссии и провинциальный город, площадь которого была более чем в два раза меньше), и в разное время (в Калининграде к 1948 г. часть жилого фонда уже перешла в категорию восстановленного, а часть – в категорию разрушенного). В Клайпедe подсчёт произошёл не ранее марта 1945 г., поэтому были учтены послевоенные потери. Принимая во внимание всё вышесказанное, можно провести процентное соотношение. Сохранившийся и подлежащий восстановлению жилой фонд (т.е. имевший потенциал быть использованным) составлял в Калининграде в 1948 г. – 66,7 %, в Клайпедe в 1945 г. – 62 %. Подлежало сносу в Калининграде в 1948 г. – 33,3 %, в Клайпедe в 1945 г. – 37 %.

¹ Demereckas K., Safronovas V. Klaipėda 1945 – 1965... S. 297.

² Vareikis V. Klaipėda (Memel) in der Nachkriegzeit 1945-1953. S. 52 – 66.

³ LCVA. F. R-754. Ap. 4. B. 377. L. 80.

⁴ Приложение Б. Рисунок Б.12 – Жилой фонд (общая площадь) в городе Клайпедe по состоянию на 01.07.1945 г. С. 208.

⁵ Приложение Б. Рисунок Б.1. С. 197 ; Рисунок Б.12. С. 208.

В архиве Клайпедского уезда нет приказа об образовании Управления главного архитектора города. О деятельности этого учреждения можно судить лишь на основании документов Клайпедского горисполкома. Вероятно, Управление функционировало с осени 1945 г. К работам по реконструкции привлекали пленных немецких офицеров – топографов, геодезистов, инженеров¹.

В архивных документах за 1945 – 1946 гг. фигурирует главный архитектор города Альбертас Адольфо Цибас. В решениях горисполкома есть косвенное свидетельство, что официально он получил назначение на должность главного архитектора 1 мая 1947 г.² Актёр Клайпедского драматического театра Б. Юшкявичюс вспоминал: «...Цибас пользовался большим авторитетом и уважением среди интеллигенции, был первым создателем генерального плана реконструкции города, большим поклонником театрального искусства, опекуном молодых художников и интеллигентов, учредителем общества «Знание» в Клайпедде и первым его председателем»³. А. Цибас родился в 1913 г. во Владикавказе, на момент назначения был беспартийным, имел высшее образование. В 1950-е гг. он переехал в Вильнюс⁴, затем возглавлял Клайпедский межрайонный отдел по делам архитектуры⁵. В 1950 – 1960 гг. должность главного архитектора города занимал Костас Черняускас.

Фактически, во второй половине 1940-х гг. Управление главного архитектора занималось сбором информации о городском хозяйстве. Проектная деятельность, как и в Калининграде, находилась на этапе становления. 20 февраля 1947 г. для обеспечения капитальных и текущих ремонтных работ технической документацией при горжилуправлении организовали проектно-сметное бюро⁶. Однако его работу признали неудовлетворительной, поэтому решением горисполкома от 2 марта 1948 г. создали проектную мастерскую при Управлении главного архитектора⁷. Также промышленные предприятия часто заказывали техническую документацию у ведомственных проектных организаций. Многие проекты для города выполнил институт «Ленгипрорыбпром». С

¹ Vareikis V. 99 stories about Klaipėda. P. 143 ; Lapė P. Op. cit. P. 93.

² KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 9. L. 139.

³ Юшкявичюс Б. Вспоминая прошлое. С. 6.

⁴ Там же.

⁵ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 214. L. 279.

⁶ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 9. L. 25.

⁷ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 25. L. 260.

1948 г. в Клайпеде располагалось одно из отделений Государственного института проектирования при Совете Министров Литовской ССР¹.

Руководством восстановительным строительством, вопросами эксплуатации жилого фонда с весны 1945 г. занималось городское жилищное управление Клайпеды². Оно являлось основным владельцем жилого фонда города³. С марта 1946 г. это управление находилось в подчинении городского отдела коммунального хозяйства горисполкома, поэтому начальник горжилуправления одновременно являлся заместителем по жилищным вопросам заведующего горкомхоза⁴. Горжилуправление и коммунальный отдел несли персональную ответственность перед заместителем председателя горисполкома⁵.

До августа 1945 г. горжилуправление занималось только демонтажными работами. Весной 1946 г. демонтажную контору преобразовали в ремонтно-строительную бригаду⁶. Силами строительного-монтажного управления и ремонтно-строительной конторы горжилуправления производился ремонт сохранившихся домов. Однако в связи с нехваткой финансовых и материальных ресурсов в послевоенное десятилетие жилые районы строили в Клайпеде, как и в других городах СССР, почти исключительно промышленные предприятия.

Благодаря удачному географическому положению, деятельности республиканских властей и финансовой помощи государства промышленность Клайпеды быстро возрождалась. Осенью 1945 г. стали давать продукцию мельницы, мебельная фабрика, пивоваренный завод⁷. Велось восстановление фанерного завода, целлюлозно-бумажного комбината. К концу 1945 г. ввели в строй 12 промышленных предприятий⁸. Предполагалось, что Литовская республика с портом в Клайпеде станет одним из центров рыбной промышленности и судостроения в СССР. Поэтому особое внимание уделялось восстановлению судоверфи, рыбного комбината, речного и морского портов. Для этих объектов из бывшей Восточной Пруссии передавали

¹ LCVA. F. R-530. Ap. 1. B. 43. L. 24.

² Demereckas K., Safronovas V. Klaipėda 1945 – 1965... . S. 12.

³ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 122. L. 147.

⁴ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 3. L. 27.

⁵ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 4. L. 65.

⁶ Митина Е. С. От немецкого Мемеля к советской Клайпеде (восстановление города в первое послевоенное десятилетие). С. 89.

⁷ Vareikis V. Klaipėda zwischen der Sowjetunion und der Litauischen SSR, 1945 – 1990. S. 128.

⁸ Sakson A. Op. cit. S. 128.

оборудование¹, так как во время эвакуации немцы вывезли почти все механизмы и технику с местных предприятий.

Как отмечалось в первой главе, летом 1946 г. в городе насчитывалось до 30 тыс. жителей, большой процент среди которых составляли специалисты. Жильё для работников восстанавливали предприятия, имевшие свои ремонтно-строительные отделы (Рыбокомбинат, сульфитно-спиртовой завод, рыбный порт, морской порт, судостроительный завод, пивзавод «Швитурис», хлопчатобумажный комбинат «Триничай», целлюлозно-бумажный комбинат, завод удобрений «Артояс», фабрика «Аушра» и др.). Горжилуправление передавало им в аренду дома. Подобно порядку, заведённому в Калининграде, в приёмочном акте фиксировался перечень необходимых ремонтно-восстановительных работ по каждому зданию. В случае невыполнения условий договора, дома изымали и передавали на баланс другой организации. Первые договора начали заключать уже в 1945 г.²

По информации горисполкома, за 1945 – 1947 гг. в Клайпеде ввели в строй 188 тыс. кв. м общей жилой площади³, что составило 23 % довоенной (в Калининграде к июню 1948 г. – 25 %⁴). С учётом сохранившейся жилплощади в 1945 г. (153,5 тыс. кв. м – согласно рисунку Б.12⁵), получается, что за три года восстановили 34,5 тыс. кв. м. К 1948 г. в Клайпеде оставалось 39,6 % (321, 5 тыс. кв. м) резервного жилого фонда (а, возможно, и меньше, так как определённое число домов за три года могло быть разрушено). В Калининграде в 1948 г. резерв для восстановления составлял 41,7 % (согласно рисунку Б.1⁶). Таким образом, темпы ввода жилья в двух городах были примерно одинаковыми.

В рассматриваемый период можно найти несколько причин, по которым здания и коммунальные сети подвергались разрушению: они (либо соседние строения) могли быть заминированы; находиться в аварийном состоянии; пострадать от несогласованного демонтажа, из-за несоблюдения санитарных норм, правил

¹ LCVA. F. R-755. Ap. 2. В. 159. L. 45 – 46.

² Митина Е. С. От немецкого Мемеля к советской Клайпеде (восстановление города в первое послевоенное десятилетие). С. 90.

³ KLAА. F. 104. Ap. 1. В. 20. L. 157.

⁴ Приложение Б. Рисунок Б.1. С. 197.

⁵ Приложение Б. Рисунок Б.12. С. 208.

⁶ Приложение Б. Рисунок Б.1. С. 197.

противопожарной безопасности. Как можно заметить, это те же причины, что и в Калининграде.

В связи с тем, что после боевых действий в городе имелось большое число аварийных зданий, подлежащих сносу (согласно рисунку Б.12¹), весной 1946 г. создали постоянную комиссию для определения последовательности аварийно-демонтажных работ под председательством главного архитектора города А. Цибаса². С весны 1948 г. эта процедура была ещё более регламентирована. Согласно решению горисполкома разрешение на демонтаж зданий и сооружений необходимо было получать у главного инженера горкомхоза, который согласовывал выдачу разрешений с главным архитектором города³.

Как и в Калининграде, в Клайпеде первоначально выбор жилплощади новыми горожанами производился самопроизвольно, горжилуправление выдавало временные ордера. Нередки были случаи, когда частные лица разбирали на материал незаселённые дома и квартиры. По свидетельству современника: «...Окна, двери и перекрытия рубятся на дрова, печи разваливаются, а печные приборы расхищаются, свободные комнаты и чердачные помещения жильцами смежных квартир в этих домах превращены в склады топлива, мусорные ямы и даже уборные»⁴. Чтобы прокормить себя, жители держали в квартирах домашний скот (свиней, коров), кроликов, птицу.

Для предотвращения неправильной эксплуатации жилого фонда в 1949 г. вышло решение горисполкома, запретившее содержать сельскохозяйственных животных в жилых подвальных и полуподвальных помещениях под угрозой штрафа до 100 руб. или принудительных работ до 30 дней⁵. Но и в середине 1950-х гг. на улицах города можно было увидеть коров и коз, а на рынке имела стоянка для лошадей⁶. В июне 1956 г. вышло постановление горисполкома о запрете держать скот горожанам на улицах, вводился штраф до 100 руб., устанавливались санитарные зоны⁷.

Известны случаи самовольного демонтажа пустующих домов строительными бригадами промышленных организаций с целью получения кирпича, необходимого при

¹ Приложение Б. Рисунок Б.12. С. 208.

² KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 9. L. 25.

³ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 27. L. 107 ; B. 25. L. 60.

⁴ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 1. L. 143.

⁵ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 40. L. 38.

⁶ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 238. L. 220 – 221.

⁷ Ibid. L. 297 – 298.

восстановлении жилья для рабочих. Сантехническое оборудование демонтировали, расхищали. Например, в марте 1948 г. УНР-199 приступило к демонтажу дома, несмотря на то, что ещё в 1946 г. он был передан под восстановление судоремонтному заводу и к моменту демонтажа уже имелся проект реконструкции, составленный ленинградской проектной организацией «Ленрыбпроект»¹. Подобные дела передавали в прокуратуру для возмещения ущерба.

В Клайпедском архиве содержатся документы, свидетельствующие об использовании не по назначению и о демонтаже жилых домов военными в посёлках Гируляй и Мельнраге. В ряде случаев их износ составлял не более 20 %². Горисполком поставил вопрос перед командованием Прибалтийского военного округа о восстановлении демонтированных домов и о возврате пустующего жилого фонда в собственность города³. На предприятиях, где отсутствовала охрана, имущество расхищалось. Согласно документам горисполкома за июнь 1945 г., 4-й отряд УВСР Литовской железной дороги вывез оборудование, стройматериалы, принадлежавшие предприятиям и городскому хозяйству Клайпеды. В частности, демонтировали рамы и двери из здания гимназии им. Витольда и использовали их в качестве топлива. Горисполком потребовал у руководства УВСР вернуть вывезенное имущество и передал дело в прокуратуру⁴. К сожалению, нет информации, чем закончились эти истории. Известно, что за «расхищение государственного имущества» согласно постановлению горисполкома от 17 января 1946 г. предусматривалась уголовная ответственность⁵.

К началу 1946 г. в Клайпедке восстановили 47 км водопроводной сети (из 58,6 км довоенной⁶), 17 км канализационной (дождевой) сети, 39,5 км хозяйственной сети, станцию перекачки. Но наблюдались утечки воды под разрушенными зданиями, сбои в работе канализации⁷. В 1947 г. начались работы по восстановлению газового завода, сохранившегося на 80%⁸. Построили разводной мост через реку Дане. Отремонтировали

¹ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 25. L. 60.

² Ibid. L. 372.

³ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 12. L. 143.

⁴ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 1. L. 28.

⁵ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 4. L. 147.

⁶ LCVA. F. R-754. Ap. 4. B. 377. L. 76 – 77.

⁷ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 25. L. 382.

⁸ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 12. L. 87.

более 3,5 км городских дорог и 15 км тротуара¹. В 1947 г. в городе ходило два, а в 1950г. семь автобусов². Хотя в основном горожане передвигались пешком или гужевым транспортом. После восстановления здания железнодорожного вокзала, 15 ноября 1945г. открылось прямое пассажирское движение Клайпеда – Вильнюс³. В начале мая 1946 г. организован постоянно действующий паром через канал на Куршскую косу⁴.

Согласно «Пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства города Клайпеды» (1946 – 1950 гг.) планировалось ввести в эксплуатацию 37,5 тыс. кв. м жилья⁵. Всего за период послевоенной пятилетки в городе восстановили 32 тыс. кв. м полезной жилой площади. Расчистили от завалов и вывезли грузов 24 тыс. куб. м, разобрали 12 тыс. куб. м стен и фундаментов. Отремонтировали 15 тыс. кв. м городских дорог и тротуаров⁶.

Среди первых переселенцев, прибывавших из сельских районов Литвы, специалистов было немного. Люди учились и приобретали необходимые навыки прямо во время работы. Старший машинист Государственной районной электростанции К. Диркстис вспоминал, как в марте 1945 г. из деревни приехал восстанавливать город. У него не было ни специальности, ни профессии. «Если что мы и имели, то только мускульную силу. Она и понадобилась вначале. Электростанция лежала в развалинах, стены без окон, без крыши... Расчищали мы развалины из последних сил, а всей «техники» имели всего лишь несколько лошадейнок. ...Летом я направился в экспедицию. Дело в том, что гитлеровцы, отступая, вывезли оборудование с какой-то электростанции. Оно и было найдено в Восточной Пруссии так и не распакованное. Мы погрузили его на баржу и по каналам доставили в Клайпеду». Уже в октябре 1945 г. город получил первый свет и электроэнергию⁷. Восстановили электростанцию Клайпеды – в то время самую мощную в Литовской ССР. К началу 1947 г. вступило в строй 79 % довоенного уровня электрических сетей⁸.

¹ Никулин В. Город большого будущего // Советская Клайпеда. 1946. 27 янв. С. 3.

² Vareikis V. Klaipėda zwischen der Sowjetunion und der Litauischen SSR, 1945 – 1990. S. 132.

³ Никулин В. К новым успехам! // Советская Клайпеда. 1945. 5 дек. С. 3.

⁴ KLAА. F. 104. Ap. 1. V. 6. L. 158.

⁵ Ibid. L. 344.

⁶ KLAА. F. 104. Ap. 1. V. 80. L. 58 – 59.

⁷ Диркстис К. Свет городу // Советская Клайпеда. 1985. 26 янв. С. 5.

⁸ KLAА. F. 104. Ap. 1. V. 20. L. 168.

Недостаток квалифицированных кадров негативно сказывался на качестве строительных работ. Техническая документация зачастую изготовлялась некачественно, несвоевременно. Допускались серьёзные ошибки при проведении работ (при заливке фундамента, кладке стен, внутренней и внешней отделке и пр.). В том числе по этой причине своеобразным долгостроем в городе стала гостиница «Клайпеда». Зафиксированы случаи, когда при прокладке инженерных сетей нарушался фундамент домов, что приводило к деформации, а иногда и к разрушению здания¹. В то же время не хватало опытных рабочих строительных специальностей – каменщиков, штукатуров, бетонщиков, столяров, плотников, сантехников, электромонтёров. Существенной причиной сложившейся ситуации являлась острая нехватка жилья. Спекуляции с имевшейся жилплощадью стали обычным делом².

Скорейшего решения требовала проблема недостатка строительных материалов – кирпича, леса, цемента, извести, железа и др.³

В помощь восстановлению городского хозяйства Клайпеды из Ленинграда, Астрахани, других городов РСФСР и Украины присылали машины, оборудование, топливо, а также рабочих и специалистов⁴. В июне 1945 г. с Урала прибыл вагон металлов⁵. В Калининградской области Главным управлением по строительству при Совете Министров Литовской ССР в 1946 г. производилось приобретение и доставка оборудования, автомашин, материалов в Клайпеду, Каунас, Вильнюс⁶. В 1947 г. в Калининграде закупили санитарно-техническое и электрооборудование⁷.

Несмотря на общесоюзную помощь, строительных материалов не хватало. Сохранялась необходимость создания собственной производственной базы. 10 февраля 1947 г. Министерство по строительству Литовской ССР издало приказ, согласно которому проектирование и строительство объектов промышленности и стройматериалов считалось первоочередным⁸. В феврале 1950 г. установили дифференцированные лимиты по использованию дефицитных леса, цемента, металла⁹.

¹ KЛАА. F. 104. Ap. 1. B. 330. L. 89 – 90.

² KЛАА. F. 104. Ap. 1. B. 338. L. 238 – 240.

³ LCVA. F. R-530. Ap. 1. B. 22. L. 463.

⁴ Шлижюс Ч. Победы и успехов торжество // Советская Клайпеда. 1985. 27 янв. С. 1.

⁵ Страна – Клайпеда. Объединение «Литрыбпром» // Советская Клайпеда. 1985. 27 янв. С. 4.

⁶ LCVA. F. R-530. Ap. 1. B. 9. L. 169.

⁷ KЛАА. F. 104. Ap. 1. B. 12. L. 42.

⁸ LCVA. F. R-530. Ap. 1. B. 21. L. 51.

⁹ LCVA. F. R-530. Ap. 1. B. 87. L. 52 – 54.

Строители жаловались на низкое качество материалов, изготовленных с нарушением технологий производства.

Как можно заметить, Клайпеда столкнулась с теми же трудностями, что и Калининград. Процесс восстановления осложнялся необходимостью ликвидации последствий военных действий. Первоочередными задачами, которые стояли перед администрацией, являлись разминирование, разбор завалов, обеспечение условий жизни для прибывавшего населения. Пустовавшие здания приходили в негодность под воздействием атмосферного фактора и из-за бесконтрольного демонтажа, как со стороны трофейных команд, так и самих жителей. Процесс адаптации к новой территории, создания с нуля административного аппарата и внедрения советских принципов хозяйствования требовал времени и квалифицированных кадров. В связи с нехваткой у государства материальных и технических ресурсов, восстановление в основном осуществлялось силами ведомственных организаций.

Сосуществование гражданских и военных органов власти в первое время порождало трудности в разграничении полномочий, что влекло за собой неупорядоченность восстановления. Однако в отличие от соседней области, гражданская власть в Клайпеде появилась практически одновременно с военной. Гражданские органы руководства жилищным хозяйством, строительством и архитектурой были созданы уже весной 1945 г.

Уникальной ситуацией стало то, что город потерял почти сто процентов населения. Поэтому рабочая сила состояла из советских военных и военнопленных. В Калининграде до 1948 г. основной трудовой ресурс наряду с военнослужащими составляло местное население.

Положительным явлением для края стало его оперативное включение в пятилетний план развития народного хозяйства. Активную помощь восстановлению оказывали центральные и республиканские власти. Оборудование и строительные материалы сюда ввозили. В это же время Калининградская область стала источником кирпича, оборудования, ремесленных изделий, которые отправляли для восстановления других городов.

3.2 Проекты превращения Клайпеды в советский город и практика строительства конца 1940-х – 1950-х годов

К концу 1940-х гг. более весомую роль начало играть Управление главного архитектора, которому перешёл ряд функций от горжилуправления. Главный архитектор формально контролировал застройку, проектирование и порядок восстановления города. Однако на деле преобладающую часть времени работникам Управления приходилось заниматься кабинетной работой. Кроме того, в обязанности главного архитектора входили подбор и выделение участков под государственную, индивидуальную застройку. Для посещения и контроля текущих строек практически не оставалось возможности.

В рамках союзной политики упрощения структуры управления в феврале 1956 г. служба главного архитектора города вошла в состав отдела по делам строительства и архитектуры исполкома Клайпедского горсовета¹. Начальником отдела являлся главный архитектор города, а его заместителем – начальник инспекции ГАСК. При отделе действовала городская строительно-архитектурная комиссия в составе инженеров, архитекторов и прочих специалистов. Она носила совещательный характер, её члены занимались обсуждением вопросов по индустриализации строительных работ, рассмотрением проектов жилых, гражданских, промышленных зданий и инженерных сооружений, разработкой годовых планов развития. Кроме того, при отделе действовала производственная группа для выполнения работ, связанных с текущей застройкой, планировкой, благоустройством и для оказания технических услуг застройщикам (составление и выдача архитектурно-планировочных заданий, исполнительных чертежей, разработка проектов для индивидуальных застройщиков, привязка типовых проектов и пр.). Производственную группу содержали за счёт средств, поступавших от застройщиков².

27 июля 1948 г. принято постановление Клайпедского горисполкома № 233 «О порядке застройки и оформления города Клайпеда». С этого времени ввод в эксплуатацию отремонтированных зданий осуществлялся только с разрешения

¹ Safronovas V. Vykdomoju valdžia ir jos kadru politika Klaipėdos mieste 1945–1957 metais. P. 117.

² KLA.A. F. 104. Ap. 1. B. 237. L. 116, 119 – 122.

городской инспекции ГАСК при Управлении главного архитектора города¹. В рассматриваемые годы функции госархстройконтроля выполнял один человек. А объём работ постоянно возрастал. Согласно решению горисполкома «О государственном архитектурно-строительном контроле» от 3 марта 1951 г. Управление главного архитектора Клайпеды контролировало строительство в посёлках городского типа – Гируляй, Нида, Прейла, Юодкранте, Мельнраге и др.²

В Клайпедe получило распространение две формы восстановления в зависимости от исполнителя работ: частная и государственно-ведомственная. Индивидуальные домашние хозяйства подлежали юридической регистрации исполнительным комитетом, находились в личной собственности граждан. Обобществлённое жильё контролировало территориальное управление, жители имели статус арендаторов квартир.

До начала 1950-х гг. индивидуальное строительство в Клайпедe не имело широкого распространения – с 1949 по 1953 гг. сдали в эксплуатацию 23 одно- и двухэтажных дома общей площадью 1054 кв. м. Строили в основном из кирпича. Постепенно количество застройщиков увеличивалось. В 1954 г. в процессе строительства находилось уже 5453 кв. м частного жилья³. В архивных документах горисполкома за 1950-е гг. наблюдается постоянный рост просьб граждан о выделении земельного участка под строительство жилого дома.

«Литкомбанк» выдавал предприятиям и гражданам под гарантию с места работы ссуды (как правило, сроком на 7 лет) на строительство личного жилья на отведённых горисполкомом участках. В 1950-е гг. индивидуальный застройщик получал 7 – 10 тыс. рублей. На эту сумму он закупал строительные материалы, оплачивал услуги транспорта, столярных мастерских. Кроме того платил за услуги производственной группы Управления главного архитектора, которая оформляла отвод и закрепление земельного участка, при необходимости изготовляла индивидуальный проект жилого дома и хозпостроек или привязывала типовой проект. Индивидуальный проект с технадзором со стороны отдела по делам строительства и архитектуры в 1957 г. стоил

¹ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 24. L. 329.

² Ibid.

³ PГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 756. Л. 44.

700 руб.¹ Но его реализация обходилась дороже. Как правило, для экономии застройщики применяли рекомендованные и повторные проекты.

Инженерная подготовка территории, отведённой под индивидуальное строительство, осуществлялась на средства предприятия. Согласно «Правилам застройки города Клайпеда» 1954 г., под частное строительство отводились пригородные посёлки Гируляй, Мельнраге, ряд улиц в северном и южном районах города. Минимальный тип дома был определён в 40 кв. м. Приусадебный участок должен был соответствовать требованиям внешнего благоустройства².

Таким образом, индивидуальное строительство содействовало вводу жилой площади и закреплению рабочих за предприятиями.

Среди трудностей, с которыми сталкивались застройщики, в первую очередь необходимо назвать нехватку и низкое качество строительного материала. Люди вынужденно заселялись в дом с незаконченным строительством и благоустройством. Из-за нехватки средств стройка растягивалась на долгие годы. В районах, где отводились участки, часто не было мощёных улиц, отсутствовали водопровод и канализация.

Архитекторы критиковали частных застройщиков за отсутствие компактности строительства, несогласованность проектов, из-за чего улицы не имели единого ансамбля. Застройщики использовали разные строительные материалы (в зависимости от доступности). Но и государственная застройка улиц однообразными типовыми домами не отличалась высокими эстетическими качествами и композиционным единством.

В Калининграде частное строительство из-за ряда трудностей, о которых подробно говорилось во второй главе, распространения не получило. В Клайпеде, вошедшей в состав Литовской республики, где ещё не были забыты капиталистические условия хозяйствования, индивидуальное строительство поощрялось, застройщики получали существенную помощь со стороны республиканских властей, заинтересованных в лояльности местного населения. Можно предположить, что на это обстоятельство повлиял также состав жителей новой территории. В Клайпеде существенную долю составляли литовцы, приехавшие из сельской местности.

¹ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 282. L. 455.

² KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 213. L. 77 – 78.

Вероятнее всего, именно они брали ссуды под индивидуальную застройку. У переселенцев из РСФСР и других республик не было такой необходимости, ведь они, как специалисты, получали жильё в льготном порядке. Кроме того, на население Клайпеды оказывали влияние факторы определённости и постоянства, о которых шла речь во втором параграфе первой главы. Новые жители рассчитывали собственными силами построить «свой» дом, который прослужит не одному поколению семьи. Более того, это являлось хорошей альтернативой деревянным баракам, которые в первые годы строили для рабочих предприятия. Вероятнее всего, здесь можно говорить также о политическом мотиве со стороны литовского руководства. Ведь наличие дома, построенного своими руками, автоматически укореняло литовское население в городе, что становилось важным фактором «оформления» республиканской и национальной принадлежности территории.

В 1950-е гг. новое строительство велось уже полным ходом, хотя оставались и разрушенные здания. Если в первые годы предприятия получали коробки домов для восстановления, то в 1950-е гг. горисполком начал выделять незастроенные участки. Причём в решениях об отводе оговаривались сроки строительства, материал, этажность, количество построек. Помимо возведения жилья, организации должны были вести строительство зданий культурно-бытового назначения, осуществлять монтаж наружных и подземных сетей водопровода, канализации, мостить улицы, заниматься озеленением и благоустройством¹. Таким образом, начали появляться целые кварталы, застроенные отдельными предприятиями. Кроме того, новые дома возводили уже не промышленные строительные бригады, которые во второй половине 1940-х гг. восстанавливали город, а более мощные организации. Преобладающую часть строительных работ выполняли Госстройтрест № 5 и УНР-57. С 1952 г. действовал Клайпедский строительный трест². Основной трудностью в работе строительных контор оставалась нехватка квалифицированных кадров. В 1958 г. необеспеченность рабочей силой ремонтно-строительной конторы Управления местного хозяйства составляла более половины вакансий – 62,5 %³. В Госстройтресте № 5 из 108 производителей работ лишь 33 имели

¹ См., например: KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 211. L. 354; B. 212, L. 63, 64, 68, 165; B. 213, L. 183

² Клайпедастрой. Klaipėdos Statyba: брошюра. Вильнюс, 1987. С. 3.

³ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 322. L. 13.

высшее образование, 46 среднее специальное¹. Клайпедскому строительному тресту в 1960 г. для выполнения плана строительно-монтажных работ не хватало 530 рабочих².

В то время, как в Калининграде строительство нового жилья практически не велось до второй половины 1950-х гг., в Клайпедде в 1950 – 1953 гг. построили 44,7 тыс. кв. м жилой площади³. Всего к концу 1954 г. в городе восстановили и построили жилых домов общей площадью 195 тыс. кв. м⁴. В 1950-е гг. темпы гражданского строительства постоянно нарастали. Ежегодно в строй вступало 18 – 20 тыс. кв. м жилья.

К 1950-м гг. восстановили многие предприятия, функционировавшие до войны. В последующие годы запустили новые производства – консервную, табачную фабрики, рыбохолодильник, хлебозавод и др. Развитие промышленности способствовало скорому росту населения, но строительство не успевало обеспечивать переселенцев квартирами. Начались мероприятия по уплотнению жилой площади, норма которой в начале 1950-х гг. составляла 9 кв. м на человека⁵. К середине 1952 г. фабрика «Триничай» имела на одного работающего члена семьи всего 0,6 кв. м. жилплощади, траловый флот – 0,8 кв. м, фанерный завод – 1,5 кв. м, судоремонтный завод – 2,1 кв. м⁶. В жилом фонде горжилуправления на одного человека приходилось 4,2 кв. м жилой площади⁷. Для сравнения в городском фонде Калининграда – 4,6 кв. м на работающего человека. К 1960 г. санитарная норма была снижена и составляла не менее 4 кв. м жилплощади на человека⁸.

Как и в Калининграде, с целью получения дополнительных квартир в отремонтированных домах делали пристройки⁹. Некоторые организации для экономии средств на восстановлении домов возводили своим сотрудникам деревянные сборные многоквартирные жилые дома и бараки неподалеку от производства. Активнее всего застраивали кварталы в южной части города для работников рыбной промышленности. К 1954 г. построили около 100 сборно-щитовых домов¹⁰. В результате целые улицы

¹ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 317. L. 50 – 55.

² KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 363. L. 62.

³ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 194. L. 144.

⁴ Ibid. L. 143.

⁵ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 9. L. 67.

⁶ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 122. L. 147.

⁷ Ibid. L. 157.

⁸ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 338. L. 238 – 240.

⁹ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 260. L. 91.

¹⁰ Черняускас К. Перспективы развития города Клайпеды. С. 2, 4.

оказались хаотично застроенными деревянными домами барачного типа. С середины 1950-х гг. по их периметру возводили трёхэтажные каменные здания¹.

В районе новой застройки в южной части города в конце 1950-х гг. всё ещё отсутствовала канализация, а некоторые здания не имели подключения к водопроводу². Помимо неудобства для жильцов, отсутствие инженерных систем создавало неблагоприятную санитарную обстановку, вело к распространению желудочно-кишечных инфекций³.

Для пресечения практики застройки в районах производства Клайпедский горисполком ещё 28 декабря 1948 г. принял решение «О порядке восстановления города». Данный документ запрещал строительство в городской черте и проектирование новых жилых районов вплоть до полного восстановления разрушенных кварталов. Решение не коснулось лишь индивидуальных застройщиков⁴. Главный архитектор города определял границы отводимых предприятиям участков. От них требовали возведения не только жилых домов, но и общественных зданий – учреждений культурно-бытового обслуживания, школ, детских садов, яслей⁵. Министерство рыбной промышленности, получившее под строительство ряд кварталов в южной части города, обязалось 30 % от общего ежегодного объёма жилищно-гражданского строительства размещать в центре города⁶. Помимо сложившейся ситуации, новое строительство в центре тормозили работы по разбору руин и старых построек.

И всё-таки к 1954 г. 68 % жилого фонда и 62,2 % общественных зданий возвели (восстановили) в центральной части города, остальные 32 и 37,8 % построили в южной части и на окраинах⁷. При строительстве запрещалось разбирать сохранившиеся коробки и фундаменты зданий без получения на то санкции отдела по делам строительства и архитектуры⁸.

Качество нового жилья не всегда отвечало ожиданиям жильцов. На сессии Горсовета весной 1952 г. депутат Пунис, проживавший в новом доме в центре города,

¹ Об архитектурном облике Клайпеды // Советская Клайпеда. 1953. 21 окт. С. 2 – 3.

² KЛАА. F. 104. Ар. 1. В. 280. L. 197.

³ KЛАА. F. 104. Ар. 1. В. 236. L. 43.

⁴ KЛАА. F. 104. Ар. 1. В. 28. L. 210.

⁵ KЛАА. F. 104. Ар. 1. В. 183. L. 2 – 4 ; В. 185. L. 1.

⁶ PГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 756. Л. 53.

⁷ Там же. Л. 45.

⁸ KЛАА. F. 104. Ар. 1. В. 239. L. 225.

заявил: «Центральное отопление не работает, печей нет и каждый сам себе устраивает, какие ему удобно и возможно, печи кафельные, железные и т.д. Дымоходов нет. ... Ванные комнаты в доме есть, но ванн нет, ...так как это удешевило строительство...»¹. Нередко строительные организации с целью экономии использовали некачественные материалы; для того, чтобы уложиться в план, сдавали дома в эксплуатацию с недоделками (неостеклённые окна, неоштукатуренный фасад, неблагоустроенная придомовая территория, отсутствие подключения к водопроводу и канализации и пр.)². Зафиксированы случаи, когда при строительстве и ремонте использовали сырую или необработанную антисептиком древесину, что вело к появлению домового грибка³. Так, например, за 1953 г. и первый квартал 1954 г. из 28 сданных в эксплуатацию новых жилых и гражданских зданий только кинотеатр получил оценку «отлично». 19 построек получило оценку «удовлетворительно» (19 зданий)⁴.

С каждым годом количество зданий, находившихся в аварийном состоянии и грозивших обвалом, увеличивалось. В 1953 г. числилось 34 дома, подлежащих разборке. В них проживало 140 семей (487 жильцов). В 1956 г. значилось уже 67 аварийных домов, в которых жило 253 семьи (919 человек)⁵. Горжилуправление вплоть до переселения всех людей из аварийных домов не имело права предоставлять квартиры и выдавать ордера другим горожанам. На первое время предполагалось переселение в предварительно отремонтированные подвальные и полуподвальные помещения⁶. Жильцов аварийных домов освобождали от квартплаты⁷.

К середине 1950-х гг. усилилась борьба с «самовольным заселением квартир». С 1 января 1955 г. всю жилую площадь распределял горисполком. В остальных случаях «незаконных» жильцов (не заключивших договор найма жилого помещения) могли выселить и привлечь к уголовной ответственности⁸.

Во второй половине 1950-х гг. городские улицы в основном расчистили от завалов, темпы строительства выросли. Осуществлялась реализация проекта

¹ КЛАА. Ф. 104. Ар. 1. В. 134. Л. 297.

² Шире размах строительства жилищ для трудящихся // Советская Клайпеда. 1954. 10 июля. С. 1.

³ КЛАА. Ф. 104. Ар. 1. В. 238. Л. 234 – 236.

⁴ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 756. Л. 60.

⁵ КЛАА. Ф. 104. Ар. 1. В. 238. Л. 131

⁶ КЛАА. Ф. 104. Ар. 1. В. 182. Л. 26.

⁷ КЛАА. Ф. 104. Ар. 1. В. 357. Л. 29.

⁸ КЛАА. Ф. 104. Ар. 1. В. 215. Л. 421 – 424.

расширения и реконструкции канализационных сетей и водопровода, разработанного в 1954 г. Каунасским отделением Государственного института проектирования. Работы распределили между министерствами Литовской ССР¹. Так, в 1956 г. долевое участие в строительстве водозабора принимало 19 предприятий Клайпеды².

Больше внимания городская администрация стала уделять уличному оформлению. С 1955 г. при городском коммунальном отделе функционировала контора по благоустройству улиц, площадей, парков, скверов, дорог.³ В 1957 г. вышло решение горисполкома, обязавшее горкомхоз закрасить все немецкие надписи на домах города⁴. Согласно «Правилам внешнего благоустройства гор. Клайпеда» от 21 июня 1957 г. руководители предприятий, учреждений, домоуправлений, индивидуальные застройщики, арендаторы, воинские части и учреждения обязаны были обеспечивать чистоту, своевременный ремонт и в установленные сроки осуществлять другие работы по благоустройству, предварительно согласовав их с отделом по делам строительства и архитектуры⁵. Любые изменения во внешнем облике зданий утверждал главный архитектор, либо органы охраны памятников архитектуры.

Как и в Калининграде, к 1950-м гг. в Клайпедке увеличилась интенсивность проектной работы. Это подтверждают данные, приведённые главным архитектором города К. Черняускасом 15 мая 1952 г. на сессии Клайпедского горсовета: «В 1951 г. объём работ по архитектуре в сравнении с 1945 г. увеличился на 50 %, а уже в 1952 г. выполнено столько работ, сколько было выполнено за весь 1951 г.»⁶. Повысилось значение Клайпедского отделения Государственного института проектирования. Со временем оно стало «кузницей» городской архитектуры. Однако основной процент работ по изготовлению проектов и смет на восстановление и строительство промышленных и гражданских сооружений выполняли Каунасское и Вильнюсское отделения. В рассматриваемый период разработка проектов вдали от города приводила к затягиванию изготовления техдокументации на строительство. Недостаточный учёт местных условий понижал её качество.

¹ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 214. L. 279 – 282; 283 – 285.

² KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 237. L. 186 – 189.

³ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 237. L. 70 – 72.

⁴ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 281. L. 159.

⁵ Ibid. L. 333 – 346.

⁶ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 122. L. 16.

Архитектура Мемеля подобно Кёнигсбергу подвергалась критике. Прежде всего, за «хаотичность и стихийность планировки», за «сеть кривых и узких улиц, сплочённость застройки», отсутствие архитектурного центра города. Множество нареканий вызывало отсутствие выхода к реке Дане, берега которой были застроены промышленными предприятиями и складами¹.

По окончании войны началась разработка проектов восстановления города. Один из них предложил архитектор А. Цибас в 1946 г. Идеи были навеяны политическими переменами. Для центральной части города автор отвёл территорию в 7800 кв. м у реки Дане между ул. Диджиои Биржос и Палангос, от начала ул. Лепу до ул. Данес. Основные идеи проекта: расширение центральных улиц; снос старых зданий на набережной реки Дане для создания зелёной зоны (предполагалось построить только 7-этажный дом рыбаков); строительство нового более широкого Карлова моста; разбивка городского парка на территории старого крытого рынка с примыкающим к нему комплексом Театральной площади; создание центральной площади города имени Ленина² с памятником Победы. Согласно проекту, на площади Ленина сходились все городские дороги. Набережная реки вела в морской пассажирский порт³.

В то время как проекты центра оставались на бумаге, городские власти занимались решением актуальных проблем. Решение горисполкома от 6 июля 1948 г. утвердило комплексную схему размещения первоочередного строительства в городе Клайпеда, разработанную Литстройпроектом. Схема предусматривала сохранение прежней пространственной планировки. Жилищное строительство осуществлялось на освоенных пространствах, обеспеченных инженерными коммуникациями, «в том числе на территориях с малоценной одноэтажной застройкой»⁴. Внесённые горисполкомом поправки предусматривали вынос крупных промышленных предприятий за пределы жилой застройки, создание озеленённых санитарных зон между предприятиями и жилыми кварталами⁵. Эти поправки соответствовали общесоюзной политике

¹ Об архитектурном облике Клайпеды // Советская Клайпеды. 1953. 21 окт. С. 2.

² А. Цибас так называет Советскую площадь, современное название – Атгимимо.

³ Genys J., Andrijauskas E. Op. cit. P. 146 ; Цибас А. Наш город в новой пятилетке // Советская Клайпеда. 1946. 16 мая. С. 2 ; Cibas A. Klaipėdos miesto centro rekonstrukcija // Tiesa. 1946. 21 birželio. P. 3.

⁴ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 213. L. 74.

⁵ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 25. L. 475.

функционального зонирования территорий. Границы города Клайпеда были утверждены горисполкомом в 1951 г. в связи с разработкой проекта планировки и застройки¹.

Если Калининград проектировали по примеру Москвы, то в Клайпеде боролись две принципиально различные архитектурные школы. Литовские архитекторы пытались продолжать традиции довоенного времени (Литстройпроект, Литгипрогорстрой). Они подвергали резкой критике массовое использование типовых проектов, особенно на центральных улицах. Стремилась избежать сноса как можно большего количества старых зданий. Пытались привнести элементы литовской архитектуры на фасады. Специалисты Ленинградского института проектирования (Ленпроект) отстаивали советское представление о проектировании городов, основанное на принципах «социалистической архитектуры»². Идеи обеих школ соединились в главных градостроительных документах.

22 октября 1952 г. был утверждён генеральный проект планировки и застройки города Клайпеда, разработанный Ленпроектом (авторы – архитекторы М. Клейн, А. Афонченко, А. Цибас). В соответствии с разработанным генпланом 7 мая 1954 г. Клайпедский горисполком принял «Правила застройки города Клайпеда»³. Проект детальной планировки и застройки центра города утверждён решением № 133 горисполкома от 25 марта 1955 г. (Каунасское отделение Литгипрогорстроя, архитектор Б. Ревзин)⁴. Работу над этим проектом осложнило то, что к ней не были привлечены главные архитекторы города.

Клайпедский план сохранял старую сеть основных улиц, ядро города⁵, но здания, сохранившие архитектуру немецкого Мемеля, частично подлежали сносу в связи с некоторыми радикальными идеями: перенос ряда промышленных предприятий с побережья залива; частичное расширение и пробивка новых улиц, кварталов.

В генплане использованы некоторые идеи проекта А. Цибаса 1946 г. Предусматривалось расширение существовавших в центре магистралей. Улицы Монтеc и Пергалес расширялись до 20 – 25 м, небольшая улица Можвидо превращалась в широкий бульвар, ликвидировались незастроенные участки в центральной части

¹ KЛАА. F. 104. Ap. 1. B. 88. L. 50.

² Genys J., Andrijauskas E. Op. cit. P. 145.

³ KЛАА. F. 104. Ap. 1. B. 213. L. 59.

⁴ KЛАА. F. 104. Ap. 1. B. 235. L. 36.

⁵ Черняускас К. Перспективы развития города Клайпеды. С. 2, 4.

города¹. На территориях, предусмотренных к расширению или пробивке новых улиц, запрещались возведение и капитальный ремонт зданий². Основным районом нового строительства назначалась северная часть города. Старый центр с сохранившимися домами, водопроводом и канализацией, сетью мощёных улиц согласно генплану подлежал реконструкции в первую очередь. На практике же, как отмечалось выше, город развивался в южном направлении.

«Правила застройки города Клайпеда» установили соотношение этажности нового жилищного строительства (по жилой площади): 4 – 5 и выше этажей – 47%, 2 – 3 этажа – 33%, 1-этажное усадебное – 20%. В целом проект предполагал сохранение общего облика города с застройкой преимущественно в 3 – 4 этажа. Многоэтажные здания разрешалось возводить только по центральным улицам, площадям, набережным реки Дане³. Соотношение этажности застройки в Клайпедe совпадало с показателями, принятыми для Калининграда. Существенное отличие заметно лишь в разрешении на усадебное строительство: 20 % в Клайпедe против 7,7 % в Калининграде. Проблемы индивидуального строительства подробно рассматривались выше.

Многokвартирные дома возводили по типовым проектам. Индивидуальные проекты в данном случае разрешались только для зданий повышенного типа и в случае, если типовые проекты не отвечали условиям отводимых площадок. В 1953 г. горисполком принял решение «О составлении индивидуальных проектов жилых домов». Союз архитекторов Литовской ССР, руководители архитектурных органов, население города высказывали недовольство, что центральная часть города, отданная под восстановление различным предприятиям, застраивалась по стандартным типовым проектам. В качестве компромиссного решения рекомендовалось использовать разнообразные типовые проекты, а не ограничиваться несколькими. С целью улучшения архитектурного облика города руководителям предписывалось обеспечить техдокументацией по индивидуальным проектам застройку центральных кварталов⁴.

Архитектурный центр в виде Советской площади наметили на правом берегу реки Дане. С северной стороны строили гостиницу «Клайпеда». В восточной части площади

¹ Об архитектурном облике Клайпеды. С. 2.

² KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 213. L. 62 – 89.

³ Ibid. L. 74.

⁴ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 184. L. 111.

запроектировали Дом культуры и техники, в западной – административное здание¹. По берегу реки должен был раскинуться сквер. На центральных улицах планировали строительство каменных домов в 3 – 4 этажа с торговыми помещениями для магазинов.

Некоторые участники творческой конференции Союза архитекторов Литовской ССР 1954 г. подвергли критике проект центра за «необоснованные реконструктивные мероприятия и снос многих домов»².

Сохранилось изображение проекта центра Клайпеды (рисунок Б.13³). Д-р В. Варейкис датирует его 1950 г.⁴ Однако он был опубликован в газете «Советская Клайпеда» за 7 января 1958 г. в качестве иллюстрации к статье главного архитектора К. Черняускаса «Новый генеральный план города»⁵. Вероятно, это был единственный проект главной площади, созданный ещё в начале 1950-х гг.

При рассмотрении плана бросается в глаза обилие скверов и зелёных насаждений. Центр расположился перпендикулярно благоустроенной набережной реки. Основной акцент – административное здание. Оно монументально и несёт на себе черты классической архитектуры. Фасад сооружения обращён на просторную Советскую площадь с памятником В.И. Ленину (по очертаниям на плане напоминает памятник, находившийся у клайпедского железнодорожного вокзала). Вдоль реки расположился жилой микрорайон, застроенный типовыми зданиями средней этажности.

В целом это проект центра обычного районного города. Ему далеко до размаха и грандиозных планов архитекторов, проектировавших Калининград. В то же время, можно заметить некоторые сходства: широкие магистральные улицы, центральная площадь с доминантными зданиями на берегу реки, множество зелёных зон. Все эти проекты выполнены в соответствии с государственной архитектурной политикой послевоенных лет. Существенно отличает клайпедский план то, что в нём нет Дома Советов. Основное внимание сосредоточено на портовом характере города, на центральной роли реки, озеленении.

¹ Об архитектурном облике Клайпеды. С. 2.

² РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Д. 756. Л. 24.

³ Приложение Б. Рисунок Б. 13. Проект центра города Клайпеда, начало 1950-х гг. С. 209.

⁴ Vaireikis V. 99 stories about Klaipėda. P. 152.

⁵ Черняускас К. Новый генеральный план города // Советская Клайпеда. 1958. 7 янв. С. 2.

В упомянутой статье К. Черняускаса рассмотрены поправки, внесённые в генплан 1952 г. «в целях устранения некоторого излишества»¹. Проект детальной планировки и застройки города Клайпеда был переработан Каунасским отделением Государственного института проектирования Литовской ССР (Литгипрогорстроя) (автор – архитектор Б. Ревзин) и утверждён горисполкомом 25 марта 1955 г. Его экспертизу провели инженеры Ленпроекта².

Историческая планировка города уступила место микрорайонному принципу застройки. Строительство новых домов планировалось исключительно по типовым проектам и сосредотачивалось в больших кварталах³. Как и в предыдущем варианте, предполагалось избегать сноса старых, но пригодных для жилья домов. Основная промышленная зона намечалась в северной части города. Предусматривалось расширение рыбного порта на восток⁴.

Генплан по мере развития города, общества требует постоянных корректировок. И вполне естественно, что в ходе реализации проект нуждается в доработках. В 1957 г. среди прочих поправок было принято решение увеличить процент индивидуального строительства, предусмотреть строительство моста на Куршскую косу в южной части города, вынести все складские помещения промышленных и торговых организаций из жилых кварталов в южную складскую зону на Шилутском шоссе и пр.⁵

Некоторые замыслы, заложенные в генеральный план, были воплощены в жизнь. Расширены улицы Монтес и Можвидо. С 1959 г. к югу от старого города проложена широкая магистраль – проспект Мира. Дом культуры на Советской площади построен в 1959 – 1963 гг. Правда его высота увеличилась – девять этажей башни выросли на 33 м⁶. Улица Тилту осталась одной из транспортных артерий Клайпеды. На правой набережной Дане появился фонтан и зелёная набережная. На южном берегу раскинулся новый квартал типовых построек. В основном город застраивали по варианту генерального плана 1962 г. (архитекторы В. Ревзин, П. Янулис). На левом берегу реки

¹ Черняускас К. Новый генеральный план города // Советская Клайпеда. 1958. 7 янв. С. 2.

² KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 235. L. 36.

³ Шаронов М. Это будет в шестой пятилетке. 205 миллионов квадратных метров // Советская Клайпеда. 1956. 7 апр. С. 1.

⁴ Черняускас К. Новый генеральный план города. С. 2.

⁵ KLAА. F. 104. Ap. 1. B. 282. L. 285 – 286.

⁶ Demereckas K., Safronovas V. Klaipėda 1945 – 1965... . P. 298.

Дане сохранились постройки старого города, реконструкция которого началась в 1970-е гг. Его структура не была изменена, сохранился шахматный рисунок улиц.

В рамках общесоюзной политики, как и в калининградском генплане, большое внимание уделяли озеленению. Число насаждений планировали увеличить из расчёта 15 кв. м на одного жителя¹. Ещё в 1946 г. в газетной статье А. Цибас говорил о планах создания просторного центра на месте старого города с обширным ландшафтно-парковыми зонами². Решение Клайпедского горисполкома от 19 июня 1946 г. запретило «ломать, рубить и повреждать деревья, саженцы или декоративные кусты» на улицах, площадях, скверах, в усадьбах³. Согласно «Правилам застройки города Клайпеда» 1954г. «все зелёные насаждения, как общественного, так и внутреннего пользования, а также лесные и лесопарковые массивы, расположенные на территории города Клайпеда, составляют неприкосновенный зелёный фасад города»⁴. В 1959 г. отдел строительства и архитектуры разработал план развития городских зелёных зон на 6 лет⁵. Клайпедский горисполком обязал предприятия, учреждения и ведомства производить высадку деревьев и кустарников, разбивку клумб и обеспечивать надлежащий уход за ними⁶. Население активно привлекали к озеленению под лозунгом: «Каждый житель должен посадить одно дерево и организовать общество зелёного друга»⁷. Однако в 1950-е гг. случалось, что посадки уничтожали в связи с новым строительством. Недавно высаженные молодые деревья портил домашний скот.

С середины 1950-х гг. в Литовской ССР, как и во всём советском государстве, осуществлялся переход на индустриализацию строительства, что выразилось в массовом внедрении сборного домостроения. Центральные улицы и новые жилые районы северной и южной частей города застраивали типовыми четырёх-, пятиэтажными домами с малометражными одно-, двухкомнатными квартирами (жилая площадь двухкомнатной квартиры около 28 кв. м)⁸. Стены облицовывали силикатными плитками, крыши покрывали сборным железобетоном. Промышленное строительство также

¹ Черняускас К. Перспективы развития города Клайпеды. С. 2, 4.

² Cibas A. Klaipėdos miesto centro rekonstrukcija. P. 3.

³ KLA A. F. 104. Ap. 1. V. 4. L. 146.

⁴ KLA A. F. 104. Ap. 1. V. 213. L. 84.

⁵ KLA A. F. 104. Ap. 1. V. 330. L. 8-12.

⁶ KLA A. F. 104. Ap. 1. V. 213. L. 84.

⁷ KLA A. F. 104. Ap. 1. V. 25. L. 296 – 297.

⁸ Сарулис Н. По старой моде // Советская Клайпеда. 1958. 28 нояб. С. 3.

отказалось от индивидуальных проектов в пользу типовых. Переход от отраслевой к территориальной системе руководства вызвал изменения в организации управления архитектурой и строительством, о чём подробнее говорилось выше. 1 сентября 1957 г. было образовано Управление местного хозяйства на правах хозрасчета на базе ликвидированных отдела коммунального хозяйства, конторы благоустройства, конторы по очистке города и ряда других учреждений¹. С этого времени начался новый этап в истории строительства советской Клайпеды.

Завершая настоящую главу, обобщим вышесказанное.

Клайпеда стала ценным приобретением для Литовской ССР. По площади территории и промышленному значению город занимал третье место в республике. В отличие от Калининграда, где градостроительная деятельность послевоенного десятилетия сводилась практически исключительно к восстановительным работам, в Клайпедe с середины 1950-х гг. возводили новые здания. Жилые районы возникли в южной части города. Как в Калининграде, да и в целом в стране, территориальное расположение новых районов обуславливали нужды промышленных предприятий. Параллельно с новым строительством продолжались работы по расчистке завалов и сносу аварийных зданий.

Особенностью градостроительства в Клайпедe стало то, что правительство поощряло индивидуальное застройщиков. Появились пригородные посёлки и городские кварталы, возведённые частным образом. Количество жилой площади постоянно увеличивалось, но в связи с быстрым ростом населения ощущался её дефицит.

В то же время для Клайпеды актуальной являлась общегосударственная проблема нехватки стройматериалов, качество работы проектных и строительных организаций зачастую требовало переделок. Не хватало высококвалифицированных специалистов, обученных рабочих различных специальностей.

Уже не раз отмечалось негативное отношение советских властей к исторической архитектуре, старые здания ассоциировались с фашистским Мемелем и Кёнигсбергом. В пропаганде повторялась мысль о необходимости построить новый советский город, сделать его красивым и удобным для жизни. Новые архитектурные идеи представлялись в качестве директивы. Клайпеду и Калининград расчищали от развалин, но в то же

¹ KLA.A. F. 104. Ap. 1. B. 282. L. 155 – 158.

время происходил процесс утраты своеобразного, складывавшегося веками образа старого города. Свою роль в изменении архитектурного облика присоединённых городов сыграли изменения в составе населения, их идеологические воззрения, специфика тоталитарного государства, особенно перемены в отношении собственности, земли, национализация всего имущества.

Однако в Клайпеде зодчие не были столь однозначны в своих суждениях по отношению к старой архитектуре, как в Калининграде. К числу «ценных зданий, характерных для Клайпеды», отнесли некоторые постройки в готическом стиле (педагогическое училище по ул. С. Нерис, почтамт по ул. Горького), а также здания в стиле ренессанс (муниципалитет по ул. Данес и драматический театр). Приветствовалось применение в гражданской архитектуре эркеров, балконов, металлических решеток с орнаментами¹. Подчеркивался литовский национальный вклад в городскую архитектуру. Как и в отношении других прибалтийских городов, отрицалось «тевтонское происхождение» сохранившейся архитектуры. Решение Клайпедского горисполкома от 10 августа 1956 г. отвело земельный участок площадью 1 га католической религиозной общине под строительство католического костёла и административного жилого здания². В Калининградской области вопрос о строительстве храма для православных даже не обсуждался. С другой стороны, в 1957 г. снесли коробку здания костёла на ул. Пергалес, стоявшую на участке, выделенном Министерству рыбной промышленности под жилищное строительство³.

Общей чертой генеральных планов Калининграда и Клайпеды являлось следование государственной градостроительной концепции. Создание новых городов с широкими улицами и микрорайонами, магистралями, такими, как в Москве, Сталинграде, Новгороде, Киеве... Их основные идеи легли в основу последующих генпланов и были частично реализованы.

Проекты центров городов остались лишь на бумаге. Первые архитекторы оставили будущим поколениям право принимать важнейшие градостроительные решения относительно облика городского ядра. К концу 1950-х гг. в центрах Калининграда и Клайпеды не имелось ни одного полностью законченного,

¹ Об архитектурном облике Клайпеды. С. 2.

² KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 239. L. 110.

³ KLAA. F. 104. Ap. 1. B. 281. L. 146.

благоустроенного и архитектурно оформленного комплекса. Основные причины сложившейся ситуации:

- 1) В рассматриваемый период преобладало восстановительное строительство. Выбор падал на пригодные для восстановления коробки зданий.
- 2) Необходимость скорейшего обеспечения жилплощадью работников возрождённых промышленных предприятий приводила к ведущей роли ведомственных застройщиков в выборе мест и масштабов строительства.
- 3) Затягивание разработки проектов центра и оформления техдокументации.

В настоящее время задача архитектурного решения центральной части города остаётся актуальной как для Калининграда, так и для Клайпеды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немецкие города Мемель и Кёнигсберг претерпели существенные разрушения в годы Второй мировой войны. Карта Европы изменилась таким образом, что их послевоенное развитие происходило в новом политическом и социокультурном пространстве, которое существенно поменяло сложившуюся ранее западноевропейскую градостроительную модель.

Восстановление городов СССР происходило в русле единой концепции градостроения, продиктованной партийным руководством. На её формирование влияли политические, социальные, экономические события. Послевоенный план возрождения народного хозяйства предусматривал первоочередное развитие промышленности, ставил задачу достижения довоенного уровня производства. Поэтому основные финансовые и технические ресурсы сосредотачивались в промышленных ведомствах. Жилищное строительство в Калининграде и Клайпеде в большинстве своём осуществлялось на средства крупных промышленных предприятий. Ставка делалась на скорость в ущерб качеству. Таким образом, центральные городские площади и магистрали застраивали по остаточному принципу, их архитектурный облик к концу 1950-х гг. оставался несформированным. В то же время, в сложившейся ситуации усматривается некая положительная роль. Послевоенные архитекторы, оставив неосвоенными пространства центральных городских улиц и площадей, предоставили время и возможность будущим зодчим грамотно решить вопрос относительно их градостроительного ансамбля.

Как известно, архитектура служит средством эстетического воспитания людей. После непродолжительного послабления в послевоенные годы усилился контроль над духовной жизнью общества. Правительство санкционировало демонстрацию превосходства советского образа жизни над западным, пропаганду силы и величия страны-победительницы. Появилось почётное звание «Город-Герой», которого удостоились двенадцать населённых пунктов. Проекты послевоенного восстановления архитектурных ансамблей присоединённых городов насыщались победной символикой. Поэтому первым возведённым сооружением зачастую становился мемориальный

объект. Повсеместно происходило проектирование Дворцов Советов, центральных проспектов и площадей, шла смена топонимов.

Таким образом, градостроительной деятельности отводилась функция «закрепления» присоединённых территорий за СССР, как на государственном уровне, так и в сознании населения.

Именно по этой причине при проектировании на первое место ставили идейно-художественное выражение. Разработанные к началу 1950-х гг. генеральные планы Калининграда и Клайпеды создавались по примеру академических проектов тех лет, выступивших своеобразными «шаблонами». Протяжённые проспекты высотных зданий в стиле «сталинский ампи́р», просторные парадные площади, мемориальные парковые зоны, озеленённые набережные и кварталы типовой застройки, в которых созданы все условия для жизни людей, характеризовали генплан каждого советского города. В 1950-е гг. Калининград и Клайпеда проектировались как промышленные центры с развитыми морскими портами.

В то же время в градостроительных проектах второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. кроется серьёзное противоречие. Цели, поставленные архитекторами, не подкреплялись материальными, финансовыми, кадровыми ресурсами. Стремление по требованию государства выполнить большой объём работы в кратчайшие сроки зачастую приводило к ошибкам. Поэтому результат не всегда соответствовал заданному плану. Задачи, продиктованные генпланами, по сути, являлись утопичными. Их так и не удалось полностью реализовать. На местах осуществлялось восстановление сохранившихся зданий с минимальными инфраструктурными преобразованиями по разработанному местными архитекторами проектам. В связи с необходимостью выполнить и перевыполнить план нередко объекты сдавали в эксплуатацию с незаконченными строительными работами.

В середине 1950-х гг. смена политического лидера СССР привела к изменениям градостроительных установок. Недавно утверждённые генпланы признали устаревшими, началась разработка новых. Давно назревшая жилищная проблема требовала скорейшего разрешения. Панацеей стало массовое типовое строительство.

Вышесказанное свидетельствует о типичности архитектурно-градостроительного развития Калининграда и Клайпеды, его соответствии общенациональным показателям.

С другой стороны, оно имело свои специфические особенности, обусловленные статусом присоединённых территорий, в которых необходимо было с нуля построить советский общественный строй. С 1945 по 1946 гг. в Клайпед, по 1947 г. в Калининграде длился организационный период, не лишённый трудностей и конфликтов, когда власть находилась в руках чрезвычайных органов управления, происходило формирование гражданских структур. Население территорий почти полностью поменялось. Отсутствовала строительная база. Отрицательно сказывался закрытый статус присоединённых районов. В силу этих обстоятельств восстановительные работы и разработка генпланов начались с задержкой в сравнении с тенденциями, характерными для европейской части страны.

В оставленных коренным населением городах действовали военные и гражданские трофейные команды. Главной целью переселенцев стало выживание. Поэтому и по окончании боевых действий продолжались разрушения. Уцелевшие здания, коммуникации из-за дефицита строительных материалов растаскивались новыми жителями и строительными бригадами. Неиспользовавшиеся сооружения приходили в негодность под воздействием атмосферных явлений. Сложилась парадоксальная ситуация разрушения во время восстановления. В Калининграде в первые несколько лет выбытие жилья из городского фонда превышало ввод.

С упорядочиванием системы управления решение о судьбе немецких зданий начала принимать городская администрация. Как правило, выбор зависел от степени и характера разрушений, а также от значения сооружения с точки зрения его расположения в системе города или района. В некоторых случаях решающую роль играли: утверждающая инстанция (многие проекты принимались в Москве); художественные и конструктивные особенности здания (например, не соответствовали официальной идеологии стили готика, модерн); использованные строительные материалы (отдавалось предпочтение шиферу вместо кровельной черепицы, металлу и железобетону вместо дерева).

В результате, восстановительные работы носили выборочный характер, зачастую велись бесконтрольно и практически сводились к ремонту отдельных сооружений и коммуникаций. Однако фактически, местные власти стремились сохранить и использовать как можно большее количество домов, в которых так остро нуждались переселенцы и учреждения.

В то же время советское градостроение в бывшей Восточной Пруссии имело внутренние отличия, во многом связанные с принадлежностью городов к разным союзным республикам. После войны восстановление Клайпеды взяло на себя литовское правительство. Параллельно с военным управлением практически сразу начала функционировать гражданская администрация, которая стала основным владельцем и распорядителем жилфонда. Союзное правительство оказывало помощь новой территории. В Калининграде конституционное управление началось на два года позже. Сложно шёл процесс передачи власти и собственности от военной к гражданской администрации. Практически в течение двух лет правительство не уделяло молодой области должного внимания. В послевоенные годы она стала источником стройматериалов и оборудования для советских строек.

Первое время на бывших немецких территориях ощущался острый дефицит рабочей силы, квалифицированных сотрудников. Основной трудовой ресурс наряду с военнослужащими в Калининграде составляло немецкое население, в Клайпеде – военнопленные. Но уже в 1946 г. заселение территорий приобрело массовый характер. В 1950-е гг. в Клайпеде данная проблема была решена за счёт российских переселенцев, в то время как Калининград все ещё страдал от кадрового голода. В целом, демобилизованные военнослужащие и прибывшие специалисты обеспечили восстановление городского хозяйства.

С одной стороны, из прибалтийских республик в конце 1940-х гг. выселили часть населения, несогласную с социалистическими преобразованиями и представлявшую угрозу политической стабильности. С другой стороны, советское руководство с целью достижения лояльности со стороны жителей республик проводило там особую политику. Стояла задача постепенной подготовки населения к переходу от капиталистического уклада к советскому образу жизни. При материальной поддержке центра активно происходило восстановление народного хозяйства, создавались

высокотехнологичные предприятия и производства. Реконструировались старые города, допускалось индивидуальное строительство. Уровень жизни населения Прибалтики был выше, чем в других советских республиках. Аграрная Литва всего за двадцать послевоенных лет превратилась в индустриально-аграрную республику.

Ещё один вопрос, который не вставал перед зодчими советских городов, – что делать с немецким архитектурным наследием. В Калининграде и Клайпеде избрали разный путь.

Процесс «освоения» и укоренения новых жителей шёл медленно и с разной динамикой в разных частях бывшей Восточной Пруссии. Это зависело от особенностей территориальной политики центральных и региональных властей, от истории миграции, состава населения, народных традиций. В 1945 – 1950 гг., когда ещё свежи были воспоминания о войне, повсеместно наблюдалось отрицание германской культуры. Население в своём стремлении выжить небрежно относилось к жилому фонду. Уничтожались немецкие памятники, кладбища. В 1950-е гг. стали происходить изменения. Литовцы воспринимали присоединённую территорию как возвращённую, родную, именовали её Малая Литва. Политика коммунистической власти в Клайпеде опиралась на литовские традиции, на понимание того, что в архитектуре необходимо соединять реалии современной жизни с непрерывностью традиции национальной культуры. Власти стремились ассимилировать германское культурное наследие с целью скорейшей адаптации и социальной стабильности населения. Литовская градостроительная культура относительно безболезненно восприняла близкие ей традиции немецкого религиозного и светского зодчества.

Что касается русской самобытности, то в бывшем Кёнигсберге она столкнулась с непониманием и неприятием градообразующих элементов немецкого поселения. Многие переселенцы чувствовали себя временными жителями, считали бывшую прусскую территорию чужой. Существенное влияние на настроения населения оказывала официальная пропаганда. Власть заботилась о том, чтобы немецкие традиции не были усвоены и приняты советскими гражданами. В период десталинизации ускорилось физическое уничтожение «чужого» архитектурного наследия (разрушение кирх, подрыв руин королевского замка и пр.). Однако в сознании населения, вложившего силы и душу в возрождение города, в мышлении нового поколения людей,

родившихся и выросших в Калининграде, наоборот, «трофейный город» постепенно становился «своим». Общественность начала выступать в защиту памятников архитектуры.

В СССР послевоенная концепция города строилась на основе преемственности по отношению к архитектурному наследию прошлого. В Клайпеде, как и в городах прибалтийских республик, наряду с социалистическими преобразованиями признавалась ценность старого города как памятника национальной культуры. В Калининграде немецкая архитектура никак не была связана с исконно русской. Поэтому и о сохранении её официально не говорили. Хотя местные архитекторы признавали необходимость включения довоенных зданий в новую застройку. По умолчанию многие сооружения «чужой» материальной культуры органично влились в современный городской пейзаж.

В то время как параллельно с ремонтом старой застройки в Клайпеде в конце 1940-х – начале 1950-х гг. началось новое строительство, в Калининграде этот процесс стал набирать темпы только к концу 1950-х гг. Кроме того в Клайпеде получила распространение индивидуальная застройка, чему способствовала помощь государства. Вместе с тем, как и по всей стране, с ростом населения дефицит жилья продолжал увеличиваться в обоих городах.

К концу 1950-х гг. не все здания в Клайпеде и в Калининграде удалось отремонтировать и восстановить, некоторые районы лежали в руинах. Но это уже были другие, советские города. Базовые направления строительства, очертания будущих городских пейзажей были заложены именно в первые послевоенные годы (дорожная схема, расположение административных и общественных центров, зелёных зон). В то же время, сохранялась преемственность городской среды. Сформированный в те годы облик городов сочетал в себе архитектурно-градостроительную среду немецкого времени и черты советского зодчества.

Таким образом, в послевоенные годы Калининград и Клайпеда развивались, как и вся страна, по одним градостроительным канонам и результат деятельности специалистов, занятых в проектно-строительном комплексе, должен рассматриваться с учётом объективной реальности. Архитекторы и строители, часто осознавая последствия своей работы, должны были соответствовать духу времени. По разным

причинам было допущено немало ошибок, в том числе снесены многие ценные здания, архитектурные памятники, а часть реконструированных зданий не только изменила своё функциональное назначение, но и получила значительные искажения во внешнем облике. В то же время за рассматриваемый период проделана огромная работа по расчистке и восстановлению городов, решались социальные вопросы, связанные, прежде всего, с обеспечением населения необходимым объёмом жилья и учреждениями обслуживания, возрождались производственные мощности. Изменения в градостроительном облике Калининграда и Клайпеды, которые начались уже на этапе восстановления, были порождены естественным ходом истории, соответствовали конкретно-историческому времени и пространству централизованно управляемой страны.

На основе имеющегося исторического опыта современным градостроителям важно выбрать путь созидания, а не разрушения. В городах с богатой историей перемены неизбежны. В постоянно развивающемся урбанистическом пространстве необходимо сохранить и грамотно включить архитектурные, ландшафтные памятники довоенной и советской эпохи в облик современной застройки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Б/н – Без номера.

ГАКО – Государственный архив Калининградской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАСК, Госархстройконтроль – Государственный архитектурно-строительный контроль.

Гипрогор – Государственный институт по проектированию городов.

ГРЭС – Государственная районная электрическая станция.

ЖБИ – Завод железобетонных изделий.

КГОМ – Калининградский государственный областной музей.

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.

МВД – Министерство внутренних дел СССР.

МГБ – Министерство государственной безопасности СССР.

НА / Фонды КОИХМ – Научный архив / Фонды Калининградского областного историко-художественного музея.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР.

ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

ПВО – Противовоздушная оборона.

П/о – Партийная организация.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

СНК – Совет народных комиссаров.

ТЭЦ – Тепловая электрическая станция.

УВСР – Управление восстановительных и строительных работ.

УНР – Управление начальника работ.

ЦБК – Целлюлозно-бумажный комбинат.

ЦПКиО – Центральный парк культуры и отдыха.

ЦС – Центральный совет.

KLAA – Klaipėdos apskrities archyvas (Архив Клайпедского уезда).

LCVA – Lietuvos centrinis valstybes archyvas (Литовский государственный центральный архив).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники:

1.1. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

1. ГАРФ. Ф. А-150 – Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам строительства и архитектуры (Госстрой РСФСР). Оп. 2. Д. 182, 529, 883.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

2. РГАЛИ. Ф. 674 – Союз архитекторов СССР. Оп. 3. Д. 519, 608, 688, 756, 885.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

3. РГАЭ. Ф. 293 – Академия архитектуры СССР. Оп. 3. Д. 220. Навалихин Д. К. К вопросу архитектурной реконструкции г. Калининграда. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 1. М., 1954. – Машинопись; Д. 221. Навалихин Д. К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. М., 1956. – Машинопись; Д. 222. Навалихин Д. К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда: альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. М., 1956.

4. РГАЭ. Ф. 9432 – Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР. Оп. 1. Д. 523, 528, 529.

5. РГАЭ. Ф. 9510 – Министерство городского строительства СССР. Оп. 3. Д. 70.

Государственный архив Калининградской области (ГАКО).

6. ГАКО. Ф. 1-П – Калининградский областной комитет КП РСФСР. Оп. 1. Д. 71, 75, 102, 103, 105, 124; Оп. 2. Д. 75; Оп. 15. Д. 71; Оп. 18. Д. 114; Оп. 19. Д. 57; Оп. 22. Д. 13; Оп. 32. Д. 86.

7. ГАКО. Ф. Р-135 – Калининградская организация Союза архитекторов СССР. Оп. 1. Д. 7, 14, 19.

8. ГАКО. Ф. Р-164 – Калининградская областная проектная контора (Облпроект). Оп. 1. Д. 1.

9. ГАКО. Ф. Р-216 – Калининградский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 4, 5, 41.

10. ГАКО. Ф. Р-295 – Территориальное производственное объединение жилищно-коммунального хозяйства Калининградской области. Оп. 1. Д. 2; Оп. 3. Д. 3.
11. ГАКО. Ф. Р-297 – Калининградский областной совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 49, 118; Оп. 7. Д. 2, 118, 130, 173, 221.
12. ГАКО. Ф. Р-298 – Управление по гражданским делам Калининградской области. Оп. 1. Д. 4; Оп. 3. Д. 1, 6, 8.
13. ГАКО. Ф. Р-332 – Временное управление по гражданским делам при Военном Совете особого военного округа. Оп. 1. Д. 2.
14. ГАКО. Ф. Р-520 – Калининградский областной отдел по делам архитектуры. Оп. 1. Д. 2, 4, 6, 8, 10, 25, 38, 45, 173.
15. ГАКО. Ф. Р-522 – Управления главного архитектора Калининграда. Краткая историческая справка «Отдел по делам строительства и архитектуры исполнительного комитета Калининградского городского Совета депутатов трудящихся». Сост. заведующая Калининградским городским госархивом О.С. Дмитриева. 15.03.1979 г.
16. ГАКО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 5, 25, 45.
17. ГАКО. Ф. 774-П – П/о КПСС проектного института «Калининградгражданпроект». Оп. 1. Д. 1, 3.
Научный архив Калининградского областного историко-художественного музея (НА КОИХМ).
18. НА КОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 54, 58, 72, 73, 125, 155, 156, 183.
19. НА КОИХМ. Б/н. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. 1945 – 1950 гг. / Ред. Ю. В. Костяшов, Ю. И. Матюшина, А. Н. Попадин. – Калининград, 1992. Машинопись. – Т.1.
Фонды Калининградского областного историко-художественного музея (Фонды КОИХМ).
20. Фонды КОИХМ. КГОМ2-11880.1. Интервью первых переселенцев, прибывших в Калининградскую /Кёнигсбергскую/ область в 1945 – 1946 гг. – Калининград, 1991. Машинопись. – Т. 11.

21. Фонды КОИХМ. КГОМ2-11880.2. Интервью первых переселенцев в Калининградскую область в 1947 и последующие годы. – Калининград, 1991. Машинопись. – Т. 12.
22. Фонды КОИХМ. Б/н. Материалы совещания по проектированию центра города Калининграда 26 – 27 марта 1964 г.
23. Фонды КОИХМ. КГОМ1-12092.34. Навалихин Д. К. Доклад по диссертационной работе «К вопросу реконструкции центра города Калининграда».
Klaipedos apskrities archyvas (KЛАА).
24. КЛАА. Ф. 104 – Клайпедский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Ар. 1. В. 1, 3, 4, 6, 9, 12, 20, 24, 25, 27, 28, 35, 40, 80, 88, 99, 122, 134, 182, 183, 184, 185, 194, 211, 212, 213, 214, 215, 218, 235, 236, 237, 238, 239, 260, 280, 281, 282, 317, 322, 330, 338, 357, 363.
Lietuvos centrinis valstybes archyvas (LCVA).
25. LCVA. Ф. R-530 – Министерство строительства Литовской ССР. Ар. 1. В. 9, 21, 22, 43, 87.
26. LCVA. Ф. R-754 – Совет министров Литовской ССР. Ар. 4. В. 377; Ар. 13. В. 35.
27. LCVA. Ф. R-755 – СНК Литовской ССР. Ар. 2. В. 34, 159.

1.2. Опубликованные источники

а) Официальные документы и статистические материалы

1. Административно-хозяйственная деятельность советских военных властей в Кёнигсберге в апреле-мае 1945 г. / сост. В. Н. Маслов, С. Тецлав // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2001. – Вып. 3. – С. 149 – 184.
2. Выписка из приказа № 195 от 13.05.1948 г. Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР «О разработке генерального плана города Калининграда» // На переднем крае: к 60-летию становления и развития строительного комплекса Калининградской области. – Калининград : ИП Мишуткина И. В., 2009. – Кн. 1: 1945 – 1990 гг. / М. П. Нетреба и др. ; авт. предисл. : С. О. Бучельников, М. П. Нетреба. – 2009. – С. 245 – 246.
3. Докладная записка старшего областного государственного санитарного инспектора Я. Ф. Андреева начальнику Управления по гражданским делам Калининградской области В. А. Борисову об угрозе эпидемии туляремии, 30 октября 1946 г. // В

- начале нового пути : Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / сост. В. Н. Маслов. – Калининград : Изд-во ИП Мишуткиной И. В., 2004. – С. 167.
4. Калининградская область в цифрах. 1946 – 1967 / сост. Д. К. Пчёлкин. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1967. – 30 с.
 5. Калининградская область в восьмой пятилетке : стат. сб. / Стат. упр. Калинингр. обл.; сост. А. Кускова. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1972. – 254 с.
 6. Народное хозяйство Калининградской области : стат. сб. / ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Калинингр. обл. ; ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Калинингр. обл. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1961. – 218 с.
 7. Отношение начальника городского управления по гражданским делам г. Калининграда начальнику областного управления МВД генерал-майору тов. Трофимову. Копия зам. начальника областного управления по гражданским делам тов. Фадееву, 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып. 2. – С. 113.
 8. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // Правда. – 1955. – 10 нояб. – С. 1.
 9. Приказ № 2 по Кёнигсбергскому городскому управлению по гражданским делам, май 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып. 2. – С. 102.
 10. Приказ № 10 по Кёнигсбергскому городскому управлению по гражданским делам «О закреплении за сульфитно-спиртовым заводом № 2 жилых домов», 18 июня 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып. 2. – С. 103.
 11. Приказ № 21 Калининградского городского управления по гражданским делам «О порядке оформления ордеров на квартиры и на жилые помещения», 12 июля 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып. 2. – С. 105.
 12. Приказ № 23 Калининградского городского управления по гражданским делам «О перерегистрации договоров на аренду и передачу в бессрочное пользование жилых

- и нежилых помещений», 13 июля 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып. 2. – С. 106 – 107.
13. Приказ № 143 Калининградского городского управления по гражданским делам «О самовольном захвате жилых домов предприятиями и организациями», март 1947 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып. 2. – С. 127.
14. Приказ № 403 начальника Управления по гражданским делам Калининградской области В. А. Борисова об организации регулярного пассажирского автобусного сообщения в Калининграде, 10 сентября 1946 г. // В начале нового пути : Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / сост. В. Н. Маслов. – Калининград, 2004. – С. 134.
15. Приказ № 7 по Калининградскому городскому управлению по гражданским делам «О мерах борьбы с самовольными захватчиками квартир в домах, принадлежащих горкомхозу», 9 января 1947 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып. 2. – С. 123 – 124.
16. Приказ № 101 по Калининградскому городскому управлению по гражданским делам «Об изъятии незаконно присвоенного дома у гр. ...», 26 сентября 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып. 2. – С. 109 – 110.
17. Решение Калининградского облисполкома № 482 от 8 октября 1955 г. «О правилах застройки города Калининграда» // На переднем крае: к 60-летию становления и развития строительного комплекса Калининградской области. – Калининград : ИП Мишуткина И. В., 2009. – Кн. 1 : 1945 – 1990 гг. / М. П. Нетреба и др.; авт. предисл.: С. О. Бучельников, М. П. Нетреба. – 2009. – С. 248 – 252.
18. Справка об освоении города Калининграда, 1948 г. / сост. Н. Г. Макарьева // Калининградские архивы : Материалы и следования. – Калининград, 2001. – Вып. 3. – С. 204 – 226.
19. Справка о развитии Кёнигсбергской области, не ранее 1 июля 1946 г. // В начале нового пути : Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы

- деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 – июнь 1947) / сост. В. Н. Маслов. – Калининград, 2004. – С. 86 – 93.
20. Справка Управления промстройматериалов о восстановлении промышленности строительных материалов в области, 2 июля 1947 г. // Самая западная : сб. док. и материалов о становлении и развитии Калинингр. обл. – Калининград, 1980. – Вып. 1. 1946 – 1952. – С. 67 – 68.
 21. Указ Верховного Совета СССР от 28 мая 1953 г. «Об упразднении Вильнюсской, Каунасской, Клайпедской и Шауляйской областей Литовской ССР (образованных указом 20 июня 1950 г.)» // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – ноябрь 1958 г.). – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1959. – С. 69 – 70.
 22. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О национализации земли, банков, промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи в Кёнигсбергской области», 21 июня 1946 г. / сост. И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып. 2. – С. 104 – 105.
 23. Щербаков, В. В. Сталинская программа хозяйственного и культурного строительства Калининградской области / В. В. Щербаков. – Калининград : Тип. изд-ва «Советская Литва», 1947. – 31 с.

б) Публикации в периодических изданиях

1. Белов, К. Улицы в руинах / К. Белов // Советская Клайпеда. – 1985. – 26 янв. – С. 4.
2. Важнейшие задачи советских градостроителей. Беседа с секретарём правления Союза архитекторов СССР т. В. А. Шквариковым // Советская Клайпеда. – 1956. – 6 янв. – С. 2 – 3.
3. Газетная корреспонденция о восстановлении коммунального хозяйства в городе Гвардейске: Калининградская правда. – 1947. – 21 марта // Самая западная : сб. док. и материалов о становлении и развитии Калинингр. обл. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1980. – Вып. 1. 1946 – 1952 гг. – С. 111.
4. Гарадаускас, И. Так начинались первые уроки... / И. Гарадаускас // Советская Клайпеда. – 1985. – 26 янв. – С. 6.

5. Гнатенко, М. Каким мы хотим видеть Калининград. Несколько замечаний о застройке и планировке города / М. Гнатенко // Калининградская правда. – 1959. – 5 апр. – С. 3.
6. Диркстис, К. Свет городу / К. Диркстис // Советская Клайпеда. – 1985. – 26 янв. – С. 5.
7. Дыховичная, Н. Неотложные вопросы восстановления и планировки Калининграда / Н. Дыховичная // Калининградская правда. – 1947. – 30 июля. – С. 2.
8. Дыховичная, Н. Строить по-новому, по-советски / Н. Дыховичная // Калининградская правда. – 1947. – 9 окт. – С. 3.
9. Заприводин, Н. Загогулина на фасаде / Н. Заприводин // Калининградская правда. – 1955. – 27 нояб. – С. 4.
10. Из газетной статьи председателя горисполкома об участии калининградцев в благоустройстве города : Калининградская правда. – 1958. – 19 апреля // Самая западная : сб. док. и материалов о становлении и разв. Калинингр. обл. – Калининград : Кн. изд-во, 1987. – Вып. 2. 1952 – 1961 гг. – С. 240 – 241.
11. Метельский, Г. Население – всего несколько человек / Г. Метельский // Советская Клайпеда. – 1985. – 26 янв. – С. 4.
12. Навалихин, Д. К. Будущее города / Д. К. Навалихин // Калининградская правда. – 1948. – 15 мая. – С. 2.
13. Навалихин, Д. К. Задачи архитектурной реконструкции Калининграда / Д. К. Навалихин // Калининградская правда. – 1951. – 30 июня. – С. 3.
14. Навалихин, Д. К. Продуманно вести застройку / Д. К. Навалихин // Калининградская правда. – 1948. – 24 февраля. – С. 3.
15. Навалихин, Д., Пейсин, Д. Каждое новое здание должно украшать наш город / Д. Навалихин, Д. Пейсин // Калининградская правда. – 1949. – 3 сент. – С. 2.
16. Никулин, В. Город большого будущего / В. Никулин // Советская Клайпеда. – 1946. – 27 янв. – С. 3.
17. Никулин, В. К новым успехам! / В. Никулин // Советская Клайпеда. – 1945. – 5 дек. – С. 3.
18. О застройке и благоустройстве центральных улиц и площадей города Калининграда // Калининградская правда. – 1954. – 3 фев. – С. 2.

19. Об архитектурном облике Клайпеды // Советская Клайпеда. – 1953. – 21 окт. – С. 2 – 3.
20. Петраускас, А. В разведке / А. Петраускас // Советская Клайпеда. – 1985. – 30 янв. – С. 3.
21. Письма из ФРГ // Калининградская правда. – 1988. – 14 июня. – С. 3.
22. Разработка детальных проектов центральных магистралей // Калининградская правда. – 1954. – 3 фев. – С. 2.
23. Рут, Г. Помню русских друзей / Г. Рут // Калининградская правда. – 1989. – 1 марта. – С. 3.
24. Сарулис, Н. По старой моде / Н. Сарулис // Советская Клайпеда. – 1958. – 28 ноября. – С. 3.
25. Светличный, В. И. Внедрять прогрессивные методы строительства / В. И. Светличный // Советская Клайпеда. – 1955. – 20 дек. – С. 3 – 4.
26. Семичев, Б. Город-сад / Б. Семичев // Калининградская правда. – 1953. – 17 мая. – С. 3.
27. Страна – Клайпеда. Объединение «Литрыбпром» // Советская Клайпеда. – 1985. – 27 янв. – С. 4.
28. Стубра, А. Первый комендант портового города / А. Стубра // Советская Клайпеда. – 1975. – 16 апр. – С. 3.
29. Толовые шашки на деревьях // Советская Клайпеда. – 1985. – 26 янв. – С. 4.
30. Тянь, Д. К. Советский город Калининград / Д. К. Тянь // Калининградская правда. – 1947. – 17 нояб. – С. 2.
31. Цибас, А. Наш город в новой пятилетке / А. Цибас // Советская Клайпеда. – 1946. – 16 мая. – С. 2.
32. Чепис, А. Новые кварталы Клайпеды / А. Чепис // Советская Клайпеда. – 1960. – 6 фев. – С. 2.
33. Черняускас, К. Новый генеральный план города / К. Черняускас // Советская Клайпеда. – 1958. – 7 янв. – С. 2.
34. Черняускас, К. Перспективы развития города Клайпеды / К. Черняускас // Советская Клайпеда. – 1954. – 9 марта. – С. 2, 4.

35. Чяпас, М. Лук на спортивных площадках / М. Чяпас // Советская Клайпеда. – 1957. – 8 июля. – С. 2.
36. Шаронов, М. Это будет в шестой пятилетке. 205 миллионов квадратных метров / М. Шаронов // Советская Клайпеда. – 1956. – 7 апр. – С. 1.
37. Шире размах строительства жилищ для трудящихся // Советская Клайпеда. – 1954. – 10 июля. – С. 1.
38. Шлижюс, Ч. Победы и успехов торжество / Ч. Шлижюс // Советская Клайпеда. – 1985. – 27 янв. – С. 1.
39. Юргайтис, Э. Возвращение / Э. Юргайтис // Советская Клайпеда. – 1985. – 26 янв. – С. 4.
40. Юшкявичюс, Б. Вспоминая прошлое / Б. Юшкявичюс // Советская Клайпеда. – 1985. – 26 янв. – С. 6.
41. Cibas, A. Klaipėdos miesto centro rekonstrukcija / A. Cibas // Tiesa. – 1946. – 21 birželio. – P. 3.

в) Воспоминания

1. Аккерман, П. А. Месяц в штабе армии / П. А. Аккерман // Костяшов, Ю., Кретинин, Г. Россияне в Восточной Пруссии / Ю. Костяшов, Г. Кретинин. – Калининград : ФГУИПП «Янтар.сказ», 2001. – Ч. 2. Дневники, письма, записки, воспоминания. – С. 216 – 223.
2. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев : Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / С. П. Гальцова, А. Н. Гедима, М. А. Клемешева и др. ; рук. авт. кол. Ю. В. Костяшов. – СПб. : Изд-во «Бельведер», 2002. – 272 с. ; Их же. – 2-е изд., испр. и доп. – Калининград : Изд-во КГУ, 2003. – 233 с.
3. Гумилёв, Н. С. Записки кавалериста / Н. С. Гумилёв // Костяшов, Ю., Кретинин, Г. Россияне в Восточной Пруссии / Ю. Костяшов, Г. Кретинин. – Калининград : ФГУИПП «Янтар.сказ», 2001. – Ч. 2. Дневники, письма, записки, воспоминания. – С. 227 – 231.
4. Денисов, В. В. Калининград – судьба моя : лит.-публ. сб. / В. В. Денисов / авт.ст. Н. Горбачева, В. Кожемяко ; ред. Н. Н. Глушченкова ; фот. В. Г. Мокеенко, В. В. Денисов. – Калининград : Кн. изд-во, 2001. – 461 с.

5. Минакова, Р. Д. Пейзаж цвета времени: худ.-ист. повествование / Р. Д. Минакова. – Калининград : Янтарная летопись, 2007. – 187 с.
6. Минцлов, С. Р. По Ливонскому рубежу / С. Р. Минцлов // Костяшов, Ю., Кретинин, Г. Россияне в Восточной Пруссии / Ю. Костяшов, Г. Кретинин. – Калининград : ФГУИПП «Янтар.сказ», 2001. – Ч. 2. Дневники, письма, записки, воспоминания. – С. 233 – 234.
7. На переднем крае : к 60-летию становления и развития строительного комплекса Калининградской области. – Калининград : ИП Мишуткина И.В., 2009. – Кн. 1 : 1945 – 1990 гг. / М. П. Нетреба и др. ; авт. предисл. : С.О. Бучельников, М. П. Нетреба. – 2009. – 385 с.
8. Твардовский, А. Т. Родина и чужбина / А. Т. Твардовский // Костяшов Ю., Кретинин Г. Россияне в Восточной Пруссии / Ю. Костяшов, Г. Кретинин. – Калининград : ФГУИПП «Янтар.сказ», 2001. – Ч. 2. Дневники, письма, записки, воспоминания. – С. 249 – 252.
9. Pužauskas, M. Mes statėme Klaipėda / M. Pužauskas. – Klaipėda, 1998. – 268 p.
10. Pužauskas, M. Darbas saulę palydėdavo / M. Pužauskas. – Klaipėda, 2001. – 243 p.

2. Литература:

2.1 Научные монографии и статьи

1. Архитектура Советской России / М. И. Астафьева и др. / под ред. Ю. С. Яралова. – М. : Стройиздат, 1975. – 224 с.
2. Архитектура сталинской эпохи : Опыт исторического осмысления / Рос. акад. архитектуры и строительных наук / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. – М. : КомКнига, 2010. – 496 с.
3. Бахтин, А. П. История замка Кёнигсберг / А. П. Бахтин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2004. – Вып. 6. – С. 119 – 131.
4. Белинцева И. В., Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики (Гданьск, Калининград, Эльблонг) / И. В. Белинцева / Моск. гос. ун-т культуры и искусства, Высшая школа культурологии. – М. : Высшая школа культурологи МГУКИ, 2002. – 146 с.
5. Белинцева, И. В. Архитектурное наследие Восточной Пруссии как факт культуры послевоенного Калининграда / И. В. Белинцева // Мир культуры – культура мира.

- Материалы международной научно-практической конференции 18 – 19 мая 2005 г. – М., 2005. – С. 40 – 43.
6. Белинцева, И. В. В поисках культурной идентичности (на материале архитектуры Калининграда и области в послевоенное десятилетие) / И. В. Белинцева // Вестник МГУКИ. – 2007. – № 5. – С. 265 – 269.
 7. Белинцева, И. В. Культурный переворот: Кёнигсберг-Калининград в послевоенное десятилетие / И. В. Белинцева // Архитектура в истории русской культуры. – М., 2005. – Вып. 6 : Переломы эпох – С. 332 – 357.
 8. Богданов, Л. Реконструкция городов Советской Прибалтики и проблема архитектурного наследия / Л. Богданов // Архитектура СССР. – 1953. – № 1. – С. 9 – 16.
 9. Васютин, О. Историко-градостроительные этапы развития Кёнигсберга /Калининграда / О. Васютин // Калининград : образы будущего. Градостроительное развитие центральной части города. Документация международного симпозиума 15 – 17 июня 2005 г. – Калининград, 2005. – С. 38 – 51.
 10. Всеобщая история архитектуры. В 12 томах / под ред. Н. В. Баранова. – М. : Стройиздат, 1975. – Т 12. Кн. 1. Архитектура СССР. – 755 с.
 11. Гаузе, Ф. Кёнигсберг в Пруссии: история одного европейского города / Ф. Гаузе / пер. с нем. В. Херд, Н. Конрад. – Реклингхаузен : Изд-во Биттер, 1994. – 316 с.
 12. Глински, Г., Вёрстер, П. Кёнигсберг – Калининград : Прошлое и современность / Г. Глински, П. Вёрстер / пер. с нем. П. Фрост. – Берлин/Бонн : Весткройц-Ферлаг, 1996. – 179 с.
 13. Голомшток, И. Тоталитарное искусство / И. Голомшток. – М. : Галарт, 1994. – 294 с.
 14. Город в зеркале генплана : панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков / под ред. Е. В. Кonyшевой, С. А. Баканова, Л. В. Никитина. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2008. – 409 с.
 15. Губин, А. Б. Исторические записки / А. Б. Губин // Преголя : Приложение к «Балтийскому альманаху» / Калининградский региональный общественный фонд культуры ; Калининградский клуб краеведов ; сост. А. Б. Губин. – Калининград : Капрос, 2011. – № 6. – С. 5 – 66.

16. Губин, А. Б. Калининград в зеркале статистики / А. Б. Губин // Балтийский альманах. – Калининград, 2006. – № 6. – С. 63 – 70.
17. Губин, А. Б. «Калининградстрой» : этапы структурных преобразований / А. Б. Губин // Калининградской области – 60 : этапы истории, проблемы развития : сб. статей. – Калининград : Янтарная летопись, 2006. – С. 90 – 105.
18. Губин, А. Б. Строительство жилья / А. Б. Губин // Балтийский альманах. – Калининград, 2007. – № 7. – С. 19 – 21.
19. Губин, А. Б., Салахов, В. Т. Калининград : восстановление и строительство / А. Б. Губин, В. Т. Салахов // Запад России. – 1996. – № 1. – С. 180 – 192.
20. Губин, А. Б., Салахов, В. Т. Кёнигсберг-Калининград : концепция градостроения / А. Б. Губин, В. Т. Салахов // Кёнигсберг-Калининград : город, история : сб. науч. статей. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – С. 70 – 82.
21. Еремеев, В. Г., Ильин, А. Г., Костриков, Б. И. Строительный комплекс Калининградской области / В. Г. Еремеев, А. Г. Ильин, Б. И. Костриков. – Калининград : Кн. изд-во, 1984. – 216 с.
22. Жукас, Ю. Клайпедэ – 750 лет / Ю. Жукас // Балтийский альманах. – № 4. – Калининград, 2004. – С. 108 – 119.
23. Журавлёв, А. М., Иконников, А. В., Рочегов, А. Г. Архитектура Советской России / А. М. Журавлёв, А. В. Иконников, А. Г. Рочегов. – М.: Стройиздат, 1987. – 447 с.
24. Золов, А. В. Калининград, Россия : документально-аналитический очерк / А. В. Золов. – Калининград : Янтарный сказ, 1996. – 72 с.
25. Изгнание прусского духа : как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы // Костяшов, Ю. В. Изгнание прусского духа ; Маттес, Э. Запрещённое воспоминание / Ю. В. Костяшов, Э. Маттес. – Калининград : Изд-во КГУ, 2003. – С. 7 – 80.
26. Иконников, А. В. Архитектура XX века. Реальность и утопии : сб. статей / А. В. Иконников. – М. : РААСН, 1996. – 112 с.
27. Иконников, А. В. Гуманистическая направленность советской архитектуры / А. В. Иконников // Серия «Строительство и архитектура». – № 1. – М. : Знание, 1980. – 48 с.

28. Иконников, А. В. Историзм в советской архитектуре, 1917 – 1954 / А. В. Иконников. – М. : Стройиздат, 1997. – 558 с.
29. Иконников, А. В. Советская архитектура – реальность и утопии / А. В. Иконников // Художественные модели мироздания : XX век. Взаимодействие искусств в поисках нового образа мира : в 2-х кн. – М. : Наука, 1999. – Кн. 2. – С. 91 – 121.
30. Именная книга организаторов становления и развития Калининградской области : историко-документальный очерк. – Калининград : ГП «КГТ», 2002. – 396 с.
31. История Калининградской области (1951 – 1965) : учеб. пособие для студентов-историков Калинингр. ун-та / В. Г. Бирковский и др. – Калининград : Изд-во КГУ, 1986. – 76 с.
32. История края (1945 – 1950) : учеб. пособие для студентов-историков Калинингр. ун-та / В. Г. Бирковский и др. – Калининград : Изд-во КГУ, 1984. – 117 с.
33. Казакова, О. В. «Борьба с излишествами» в 1930 – 1950-е годы / О. В. Казакова // Архитектура сталинской эпохи : Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М. : КомКнига, 2010. – С. 40 – 48.
34. Калининградская область : Очерки становления и развития / К. Ф. Щёкин, А. Г. Хмурчик, В. Е. Кузьминов и др. – Калининград : Кн. изд-во, 1988. – 280 с.
35. Кёстер, Б. Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени / Б. Кёстер / пер. с нем. А. Шабунин. – Хузум, 2000. – 256 с.
36. Кёстер, Б. Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени / Б. Кёстер / пер. с нем. А. Шабунин. – Калининград : Живём, 2014. – 272 с.
37. Колганова, Э. М., Колганов, И. П. Самая западная : краткий очерк о Калининградской области / Э. М. Колганова, И. П. Колганов. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1959. – 62 с.
38. Конышева, Е. В. Архитектурный образ Челябинска второй половины 1940-х – первой половины 1950-х годов : проекты и их реализация / Е. В. Конышева // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. – М. : КомКнига, 2010. – С. 265 – 279.
39. Корнелюк, И. В. Градообразователи : Страницы истории Калининградского государственного колледжа градостроительства / И. В. Корнелюк. – Калининград : Янтарный сказ, 2008. – 303 с.

40. Косенкова, Ю. Л. Две схемы изменения ценностных ориентиров в советском градостроительстве (1937 – 1938 и 1947 – 1948 годы) / Ю. Л. Косенкова // Архитектура в истории русской культуры. – М. : КомКнига, 2005. – Вып. 6 : Перелом эпох / отв. ред. И. А. Бондаренко. – С. 358 – 376.
41. Косенкова, Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов : От творческих поисков к практике строительства / Ю. Л. Косенкова. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 378 с.
42. Костяшов, Ю. В. Переселенцы рассказывают / Ю. В. Костяшов // Запад России. – 1996. – № 1. – С. 155 – 176.
43. Костяшов, Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945 – 1956 гг. / Ю. В. Костяшов. – Калининград : Terra Балтика, 2009. – 352 с.
44. Кретинин, Г. В. Военные комендатуры Кёнигсбергского особого военного округа в 1945 – 1946 годах / Г. В. Кретинин // Вестник РГУ им. И. Канта. – 2006. – Вып. 12. – С. 55 – 62.
45. Кретинин, Г. В. Государственно-правовые аспекты формирования территории и населения Литвы : ист. очерк / Г. В. Кретинин. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – 30 с.
46. Кретинин, Г. В. Ещё раз о военных комендатурах Кёнигсбергского особого военного округа в 1945 – 1946 годах / Г. В. Кретинин // Вестник РГУ им. И. Канта. – 2007. – Вып. 12. – С. 88 – 92.
47. Кретинин, Г. В. Литва в составе СССР в 1940-х годах: государственно-правовые и экономические аспекты : ист. очерк / Г. В. Кретинин. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – 36 с.
48. Кретинин, Г. В. Советская Литва на перекрёстке истории / Г. В. Кретинин // Исследования Балтийского региона. Вестник Института Балтийского региона РГУ им. И. Канта. – 2009. – № 1. – С. 38 – 48.
49. Кретинин, Г. В. Советские военные комендатуры в Восточной Пруссии и немецкое население : октябрь 1944 – 9 мая 1945 года / Г. В. Кретинин // Россия и Балтия. – М. : Весь Мир, 2011. – Вып. 6 : Диалог историков разных стран и поколений. – С. 151 – 166.

50. Кретинин, Г. В., Манкевич, М. А. Советская Литва (1940 – 1965 гг.) : некоторые вопросы историографии / Г. В. Кретинин, М. А. Манкевич // Балтийские исследования. – Калининград : Изд-во НЭТ, 2009. – Вып. 4: Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Прибалтики в XX веке. – С. 92 – 98.
51. Кретинин, Г. В., Фёдорова, О. Г. Государственно-правовые и экономические вопросы восстановления Клайпеды в послевоенные годы. К истокам трансграничного сотрудничества / Г. В. Кретинин, О. Г. Фёдорова // Регион сотрудничества. – Калининград, 2009. – Вып.1. Актуальные проблемы социально-экономического и политического развития Балтийского региона. – С. 26 – 40.
52. Кретинин, Г. В., Фёдорова, О. Г. Клайпедский край после окончания Второй мировой войны / Г. В. Кретинин, О. Г. Фёдорова // Akta Historica Universitatis Klaipedensis. T. XVIII. Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje : faktai ir istorinės įžvalgos. – Klaipėda : Klaipėdos uiversiteto Baltijos region istorijos ir archeologijos institutas, 2009. – С. 252 – 263.
53. Кретинин, Г. В., Фёдорова, О. Г. От Литвы к Литовской ССР : предвоенные планы и послевоенная действительность (1939 – 1945) / Г. В. Кретинин, О. Г. Фёдорова // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – № 3. – С. 159 – 178.
54. Криворуцкая, И. Е. О восстановлении послевоенного Калининграда, 1946 – 1953 гг. / И. Е. Криворуцкая // Балтийский альманах. – 2002. – № 2. – С. 3 – 6.
55. Литва за полвека новой эпохи. – Вильнюс : Минтис, 1967. – 448 с.
56. Малинина, Т. М. Советская архитектура в годы Великой Отечественной войны / Т. М. Малинина // Архитектура СССР. 1975. – № 5. – С. 29 – 34.
57. Манина, А. Восстановление 15 русских городов / А. Манина // Архитектура СССР. 1975. – № 5. – С. 34 – 41.
58. Маслов, В. Н. Военные комендатуры – первые советские органы власти в Кёнигсберге / В. Н. Маслов // Кёнигсберг-Калининград : город, история : сб. науч. ст. / Отв. ред. В. Н. Маслов. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – С. 39 – 49.
59. Маслов, В. Н. Временное гражданское управление Особого Военного округа (1945 – 1946) / В. Н. Маслов // Калининградской области 60 : этапы истории, проблемы развития : сб. ст. – Калининград : Янтарная летопись, 2006. – С. 67 – 76.

60. Маслов, Е. А. «Да, господин Аденауэр, у нас никто и не думает строить новые церкви». Культурная политика властей и духовные запросы первых калининградцев / Е. А. Маслов // Балтийские исследования. Восточная Пруссия и Калининградская область в XX веке : сб. науч. трудов / АНО НОЦ «Балтийская Европа». – Калининград : Изд-во «НЭТ», 2009. – Вып. 5. – С. 69 – 93.
61. Михалев, Л., Попов, А. Проблемы проектирования генеральных планов городов / Л. Михалев, А. Попов // Архитектура СССР. – 1965. – № 1. – С. 16 – 18.
62. Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшинкин, В. И. Гальцов и др. – Калининград : ФГУИПП «Янтарный сказ», 2004. – 460 с.
63. Салихова, Е. В. Хроники садов и парков (Кёнигсберг-Калининград) : Монография / Е. В. Салихова. – Калининград : Балтийский институт экономики и финансов, 2008. – 279 с.
64. Сладков, Д. В. Организация работы Гипрогора в годы послевоенного восстановления городов / Д. В. Сладков // Послевоенное восстановление городов (по материалам совещаний 1985 г.) : Сборник / Союз архитекторов СССР ; отв. ред. Ю. П. Волчок. – М. : СА СССР, 1988. – С. 102 – 107.
65. Смолицкая, Т. А. К истории отечественного градостроительства 30 – 60-х годов XX века : Л.М. Букалова и А.С. Смолицкий (100 лет со дня рождения) / Т. А. Смолицкая. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
66. Советская архитектура : ежегодник. – М. : Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1955. – IV.
67. Фарутин, И. А. Из документов и исследований истории области. Как решалась жилищная проблема в 1945 – 1947 гг. / И. А. Фарутин // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград, 2000. – Вып.2. – С. 95 – 100.
68. Фёдорова, О. Г. К проблеме заселения Клайпедского края в 1945 г. / О. Г. Фёдорова // Балтийские исследования. Актуальные проблемы истории Юго-Восточной Прибалтики в XX веке : сб. науч. трудов. – Калининград, 2009. – Вып. 4. – С. 21 – 29.
69. Фёдорова, О. Г. Послевоенное восстановление Клайпеды и Калининграда: сравнения и оценки / О. Г. Фёдорова // Россия и Балтия. – М., 2011. – Вып. 6 : Диалог историков разных стран и поколений. – С. 167 – 176.

70. Хан-Магомедов, С. О. «Сталинский ампир»: проблемы, течения, мастера / С. О. Хан-Магомедов // *Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления* / Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Научно-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостр-ва; сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. – М. : КомКнига, 2010. – С. 10 – 25.
71. Хмельницкий, Д. С. *Архитектура Сталина. Психология и стиль* / Д. С. Хмельницкий. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – 560 с.
72. Хмельницкий, Д. С. *Зодчий Сталин* / Д. С. Хмельницкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 311 с.
73. Хоппе, Б. «Злой город» или часть собственной истории? Об отношении к немецкой архитектуре в Калининграде после 1945 г. / Б. Хоппе / пер. с нем. З. Ф. Чекина // *Кёнигсберг – Калининград : город, история : сб. науч. статей.* – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – С. 82 – 91.
74. Цапенко, М. П. *О реалистических основах советской архитектуры* / М. П. Цапенко. – М. : ГИЗ по строительству и архитектуре, 1952. – 394 с.
75. Шумаускас, М. Ю. *Достижения промышленности социалистической Литвы* / М. Ю. Шумаускас. – Вильнюс : Гос. изд. полит. и науч. лит-ры, 1950. – 111 с.
76. Arbušauskaitė, A. *Das tragische Schicksal Ostpreußens nach 1945 im Lichte neuer Dokumente* / A. Arbušauskaitė // *Annaberger Annalen.* – 1995. – Nr. 3. – S. 6 – 19.
77. Arbušauskaitė, A. *Die alteingesessene Zivilbevölkerung des Memelgebietes während der sowjetischen Okkupation* / A. Arbušauskaitė // *Annaberger Annalen.* – 1999. – Nr. 7. – S. 39 – 64.
78. Demereckas, K., Safronovas, V. *Klaipėda 1945 – 1965...* / K. Demereckas, V. Safronovas. – Klaipėda : Libra Memelensis, 2010. – 304 p.
79. Franz, W. *Geschichte der Stadt Königsberg* / W. Franz. – Königsberg, 1934. – 228 s.
80. Frobarth, V. *Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion 1945 – 1990. Mit einer analytischen Betrachtung des Kaliningrader Gebiets in der Politik Rußlands 1991 – 2000* / V. Frobarth. – Berlin, 2001. – 297 s.
81. Galtsov, V. *Grundlegende Besonderheiten der Geschichte des Kaliningrader Gebietes* / V. Galtsov // *Annaberger Annalen.* – 1999. – Nr. 7. – S. 29 – 38.

82. Galtsov, V. Königsberg a Kaliningrad: problems de patrimoines historique et culturel / V. Galtsov // La Revue de la BNU. Bibliotheque nationale et universitaire de Strasbourg. – 2012. – Numero 05. – P. 39 – 45.
83. Genys, J., Andrijauskas, E. Klaipėdos urbanistika ir architektūra po didžiojo gaisro / J. Genys, E. Andrijauskas // Klaipėda. Istorija Populiariai. – Klaipėda : Klaipėdos miesto savivaldybė, 2002. – P. 121 – 152.
84. Hermann, A. Das Schicksal der in der Heimat verbliebenen Memelländer nach 1945 / A. Hermann // Annaberger Annalen. – 1993. – Nr. 1. – S. 83 – 92.
85. Hoppe, B. Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946 – 1970 / B. Hoppe. – München, 2000. – 166 s.
86. Kabus, R. Ruinen von Königsberg: Bilder eines Kaliningrader Architekten / R. Kabus / Mit einem Beit. von Jurij N. Iwanow. – Husum : Husum Druck- und Verlagsgesellschaft, 1992. – 106 s.
87. Kairelis, A. Šlovingasis dešimtmetis / A. Kairelis // Atgimęs miestas: Klaipėdos išvadavimo iš vokiškųjų fašistų okupuotų dešimtmečio proga: straipsnių rinkinys. Возрождённый город: К десятилетию освобождения Клайпеды от немецко-фашистских захватчиков : сб. ст. – Vilnius : Valstybinė politines ir mokslinės literatūros leidykla, 1955. – S. 3 – 17.
88. Kairiūkstyte, N. Klaipėdos kraštas ir jo ypatumai 1944 – 1947 metais / N. Kairiūkstyte // Lietuvos istorijos metraštis : 2000 metai. – Vilnius, 2001. – P. 257 – 276.
89. Kairiūkštyte, N. Klaipėdos ūkio atkūrimas pirmaisiais pokario metais (1945 – 1946 m.) / N. Kairiūkštyte // Tarybinės Klaipėdos istorijos klausimai. – Vilnius, 1977. – P. 22 – 33.
90. Kareivinės, tapusios Klaipėdos universitetu / sudarytojas ir mokslinis redaktorius dr. V. Safronovas. Klaipėda, 2012. – 258 p.
91. Kibelka, R. Memellandbuch: fünf Jahrzehnte Nachkriegsgeschichte / R. Kibelka. – Berlin : Basidruck, 2002. – 238 s.
92. Kibelka, R. Ostpreußens Schicksalsjahre : 1944 – 1948 / R. Kibelka. – Berlin : Aufbau, 2001. – 358 s.
93. Kostjasov, J. V. Russen und Deutsche in Ostpreußen nach 1945 – Konfrontation oder Integration? / J. V. Kostjasov // Annaberger Annalen. – 1999. – № 7. – S. 161 – 172.

94. Kraniauskas, L., Gedutis, A., Acus, A., Kraniauskienė, S., Viluckienė, J., Spiriajevas E. Klaipėdos diskursai 1990 – 2010 m. : sociologinė miesto tapatybių rekonstrukcija. Monografija / L. Kraniauskas, A. Gedutis, A. Acus, S. Kraniauskienė, J. Viluckienė, E. Spiriajevas. – Klaipėda : Klaipėdos universiteto leidykla, 2012. – 472 p.
95. Lapė, P. Klaipėdos miesto pokario architektūra ir jos problemos / P. Lapė // Klaipėdos kultūros raidos bruožai. – Klaipėda, 1992. – P. 93 – 98.
96. Luschnat, G. Die Lage der Deutschen im Königsberger Gebiet 1945 – 1948 / G. Luschnat / (Europäische Hochschulschriften : Reihe 3, Geschichte und ihre Hilfswissenschaften ; Bd. 686). – Frankfurt am Main : Lang, 1998. – 231 s.
97. Mačiulskis, M. Die Tätigkeit des MVD-MGB im Memelland in den Nachkriegsjahren (1945 – 1953) / M. Mačiulskis // Annaberger Annalen. – 1999. – Nr. 7. – S. 65 – 94.
98. Nikžentaitis, A. Verloren und neu gefunden. Ein Blick auf die neue Heimat in Ostpreußen nach 1945 : Einige einführende Bemerkungen über dieses Thema / A. Nikžentaitis // Annaberger Annalen. – 1999. – Nr. 7. – S. 13 – 28.
99. Petronis, P. Klaipėdos operacijos pabaiga / P. Petronis // Klaipėdos išvadavimas. – Vilnius : Leidykla «Mintis», 1975. – P. 3 – 13.
100. Podehl, M. Architektura Kaliningrada. Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde / M. Podehl. – Marburg : Verlag Herder-Institut, 2012. – 420 s.
101. Safronovas, V. Antrojo pasaulinio karo įvykiai Rytų Prūsijoje Klaipėdos krašto ir Kaliningrado srities atminimo kultūroje / V. Safronovas // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. T. XVIII. Antrojo pasaulinio karo pabaiga Rytų Prūsijoje : faktai ir istorinės įžvalgos. – Klaipėda : Klaipėdos uiversiteto Baltijos region istorijos ir archeologijos institutas, 2009. – P. 87 – 108.
102. Safronovas, V. Vykdomoji valdžia ir jos kadrų politika Klaipėdos mieste 1945 – 1957 metais / V. Safronovas // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. T. XI. Klaipėdos visuomenės ir miesto struktūros. – Klaipėda : Klaipėdos uiversiteto Baltijos region istorijos ir archeologijos institutas, 2005. – P. 113 – 125.
103. Sakson, A. Od Kłajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich : Kraj Kłajpedzski, Obwód Kaliningradzki, Warmia I Mazury / A. Sakson. – Poznań : Instytut Zachodni, 2011. – 828 s.

104. Tatoris, J. Senoji Klaipėda. Urbanistinė raida ir architektūra iki 1939 metų / J. Tatoris / Paminklų restauravimo projektavimo inst. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1994. – 334 p.
105. Vareikis, V. Der Umgang mit Denkmälern in Klaipėda / V. Vareikis // Annaberger Annalen. – 1999. – Nr. 7. – S. 95 – 100.
106. Vareikis, V. Der Weg nach Westen: Die soziale und wirtschaftliche Transformation der Stadt Klaipėda nach der Unabhängigkeit / V. Vareikis // Nordost-Archiv. Im Wandel der Zeiten : Die Stadt Memel im 20. Jahrhundert. Bd. 10. – Lueneburg, 2002. – S. 173 – 186.
107. Vareikis, V. Klaipėda (Memel) in der Nachkriegszeit 1945 – 1953 / V. Vareikis // Annaberger Annalen. – 1995. – Nr. 3. – S. 52 – 66.
108. Vareikis, V. Klaipėda zwischen der Sowjetunion und der Litauischen SSR, 1945 – 1990 / V. Vareikis // Nordost-Archiv. Im Wandel der Zeiten : Die Stadt Memel im 20. Jahrhundert. Bd. 10. – Lueneburg, 2002. – S. 117 – 148.
109. Vareikis, V. 99 stories about Klaipėda / V. Vareikis. – Klaipėda : Publishing Group DRUKA, 2009. – 208 p.
110. Vareikis, V. Nuo romantinės praeties į modernią ateitį / V. Vareikis // Klaipėda. Istorija Populiariai. – Klaipėda: Druka, 2002. – P. 13 – 42.
111. Wörster, P. Königsberg (Kaliningrad) nach 1945. Fragen der Denkmalpflege und der Gestaltung des historischen Stadtbildes / P. Wörster // Dokumentation Ostmitteleuropa. – Jahrgang 20. Heft 6. – Marburg an der Lahn : Herder-Institut. – 1994. – 62 s.
112. Žukas, J. Klaipėdos ekonominė raida / J. Žukas // Klaipėda. Istorija Populiariai. – Klaipėda : Druka, 2002. – P. 43 – 68.

2.2 Диссертации и авторефераты

1. Батурко, И. Ю. История градостроительной политики в Ленинграде : По материалам генеральных планов города с 1917 по 1991 гг. : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 ; С.-Петербург. гос. ун-т / Батурко Инна Юрьевна. – СПб., 2005. – 22 с.
2. Исаева, И. В. История развития отечественного градостроительства в период 1943 – 1957 гг. : на примере Курской области: автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 ; Кур. гос. техн. ун-т / Исаева Ирина Владимировна. – Курск, 2009. – 28 с.

3. Ким, И. П. Развитие территорий, присоединенных к СССР после второй мировой войны : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 ; Сахалин. гос. ун-т / Ким Инна Пенхваевна. – Южно-Сахалинск, 2010. – 27 с.
4. Конышева, Е. В. Градостроительство и архитектура г. Челябинска конца 1920-х – середины 1950-х годов : автореф. дис. ...канд. искусствовед. : 17.00.04 ; С.-Петерб. гос. акад. инс-т живоп., скульп. и арх-ры им. И.Е. Репина / Конышева Евгения Владимировна. – СПб., 2003. – 24 с.
5. Косенкова, Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства : автореф. дис. ...доктора арх-ры : 18.00.01 ; НИИ теории арх. и градостр-ва Рос. акад. арх-ры и строит. наук / Косенкова Юлия Леонидовна. – М., 2000. – 50 с.
6. Podehl, M. Architektura Kaliningrada 1917 – 1991. Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde : Inauguraldissertation für Doktorwürde : Nr. 18861 ; Eidgenössischen Technischen Hochschule Zürich / Podehl Markus. – Zürich, 2010. – 512 s.

2.3 Публикации автора по теме исследования

1. Митина, Е. С. Восстановительный период в истории градостроительства в Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.) / Е. С. Митина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – Вып. 12 : Сер. Гуманитарные науки. – С. 71 – 76.
2. Митина, Е. С. Восстановительный период на новых территориях запада СССР на примере Калининградской области (1945 – середина 1950-х гг.) / Е. С. Митина // Региональная история. Краеведение. Московведение : Сб. мат-ов VII-X Всероссийских научно-практических студенческо-аспирантских конференций / отв. ред. В. Ф. Козлов, сост. А. Г. Смирнова. – М. : Издательский центр «Краеведение», 2013. – Вып. 2. – С. 87 – 92.
3. Митина, Е.С. Градостроительство в Восточной Пруссии в межвоенный период / Е. С. Митина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. – Вып. 6 : Гуманитарные науки. – С. 129 – 134.
4. Митина, Е. С. «Кёнигсберг. Сегодняшний Калининград. Архитектура немецкого времени» / Е. С. Митина // Калининградские архивы : материалы и исследования :

- сб. ст. / отв. ред. В. Н. Маслов. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. – Вып. 11. – С. 150 – 154.
5. Митина, Е. С. От немецкого Мемеля к советской Клайпедe (восстановление города в первое послевоенное десятилетие) / Е. С. Митина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта.– Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2011. – Вып. 12 : Сер. Гуманитарные науки. – С. 88 – 92.
 6. Митина, Е. С. Первые градостроительные проекты Калининграда (1946 – первая половина 1950-х годов) / Е. С. Митина // Ретроспектива : всемирная история глазами молодых исследователей : сб. науч. статей. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. – Вып. 8. – С. 51 – 58.
 7. Митина, Е. С. Послевоенное градостроительство в Калининградской области по воспоминаниям архитектора Л.В. Черкасовой / Е. С. Митина // Калининградские архивы : материалы и исследования : науч. сб. / отв. ред. В. Н. Маслов. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. – Вып. 9. – С. 181 – 192.

2.4 Специальная и справочная литература

1. Архитектура : учеб. для студентов строит. вузов / Б. Я. Орловский, А. А. Магай, Г. А. Бабаян, П. П. Сербинович / под ред. Б. Я. Орловского. – М. : Высш. шк., 1984. – 287 с.
2. Большой энциклопедический словарь Калининградской области / Б. Н. Адамов, В. А. Беспалов, В. И. Гальцов и др. / ред. В. Н. Маслов. – Калининград : Аксиос : Балт. АГП, 2011. – 455 с.
3. Градостроение // Российский гуманитарный энциклопедический словарь. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – Т. 1. – С. 502.
4. Градостроительство // Большая Российская энциклопедия. – М. : Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2007. – Т. 7. – С. 585.
5. Градостроительство // Большая советская энциклопедия. – М. : Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1952. – 2-е изд. Т. 12. – С. 396 – 404.
6. Градостроительство // Большая энциклопедия. – М. : ТЕРРА, 2006. – Т. 13. – С. 332.
7. Градостроительство // Новая российская энциклопедия. – М. : Изд-во «Энциклопедия», изд. дом «Инфра-М», 2008. – Т. V (1). – С. 144.

8. Градостроительство // Первый толковый большой энциклопедический словарь. – СПб. : РИПОЛ-НОРИНТ, 2006. – С. 464.
9. Градостроительство // Популярная художественная энциклопедия. – М. : «Советская энциклопедия», 1986. – Кн. 1. – С. 184 – 187.
10. Градостроительство // Российский энциклопедический словарь. – М. : Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2001. – Кн. 1. – С. 389.
11. Градостроительство СССР (1917 – 1967) : альбом / В. А. Шквариков, Н. Я. Колли, В. А. Лавров и др. ; Гос. ком. по гражд. стр-ву и архитектуре при Госстрое СССР, Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т по градостр-ву. – М. : Стройиздат, 1967. – 395 с.
12. Дробнис, А. А., Мешкаускас, К. А. 20 лет Советской Литвы (1940 – 1960 гг.) / А. А. Дробнис, К. А. Мешкаускас. – М. : Знание, 1960. – 32 с.
13. Заварихин, С. П. Советская архитектура : 1917 – середина 1950-х гг. : учебное пособие / С. П. Заварихин. – Л. : ЛИСИ, 1984. – 96 с.
14. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии: справочник / авт.-сост. А. П. Бахтин; ред. В. Ю. Курпаков. – Калининград : Терра Балтика, 2005. – 207 с.
15. Из истории предприятий, учреждений и организаций хозяйственного комплекса Калининградской области : сб. материалов / сост. В. И. Егорова, Н. А. Шадрина. – Калининград : Янтарная летопись, 2006. – 239 с.
16. История советской архитектуры, 1917 – 1954 : учебник / под ред. Н. П. Былинкина, А. В. Рябушкина и др. – М. : Стройиздат, 1985. – 2-е изд. – 256 с.
17. Калининградская область : история, экономика, культура, природа / авт. введ. Н. С. Коновалов ; сост. К. Ф. Щекин и др. ; ред. З. Н. Глушкова. – Калининград : Кн. изд-во, 1978. – 183 с.
18. Каталог объектов культурного наследия Калининградской области / Науч.-произв. центр по охране, учёту и реставрации памятников истории и культуры Калинингр. обл. ; ред.-сост. А. М. Тарунов. – М. : Науч.-инф. изд. центр, 2005. – Т. 1. Памятники архитектуры. Город Калининград / авт. предисл. А. П. Бахтин, Е. В. Суздальцев, О. И. Васютин, А. П. Овсянов. – 2005. – 207 с.
19. Каталог объектов культурного наследия Калининградской области / Науч.-произв. центр по охране, учёту и реставрации памятников истории и культуры Калинингр.

- обл ; ред.-сост. А.М. Тарунов. – М. : Науч.-инф. изд. центр, 2005. – Т. 2. Калининградская область (памятники архитектуры) / авт. предисл. А. П. Бахтин, Л. Н. Копцева. – 2005. – 192 с.
20. Кёнигсберг-Калининград, 1255 – 2005 : ил. энцикл. справ. / под общ. ред. А. С. Пржездомского. – Калининград : Янтарный сказ, 2006. – 794 с.
 21. Кёнигсберг-Калининград = Königsberg-Kaliningrad : альбом / худ. А. В. Максимов, фото. В. Шредер ; текст А. П. Овсянов, В. Б. Соловьёва ; пер. А. Г. Коваленко, В. Х. Гильманов. – Калининград : Янтарный сказ, 2005. – 231 с.
 22. Клайпедастрой. Klaipėdos Statyba : брошюра на лит. и рус. языках. – Вильнюс, 1987.
 23. Летопись Калининградской области / С. П. Гальцова, И. А. Гордеев, Л. А. Ефремов и др. В 2 т. – Калининград : ИП Мишуткина И.В., 2005. – Т. 1 : 1945 – 1976. – 592 с.
 24. Малые города Калининградской области : энциклопедический справочник / ред. А. П. Попадин ; рец. А. А. Ярцев. – Калининград : Аксиос, 2011. – 440 с.
 25. Памятники истории и культуры / рук. проекта и фот. Е. В. Менсон ; ред. Е. Н. Войтехович. – М. : Лето-Пресс, 2005. – Т.1 : Калининград / В. И. Кулаков, А. П. Бахтин, А. П. Овсянов, Н. И. Чебуркин. – 2005. – 313 с.
 26. Памятники истории и культуры / рук. проекта и фот. Е. В. Менсон ; ред. Е. Н. Войтехович. – М. : Лето-Пресс, 2005. – Т.2 : Калининградская область / В. И. Кулаков, А. П. Бахтин, Н. И. Чебуркин ; авт. ст. Е. В. Суздальцев. – 2005. – 349 с.
 27. Партина, А. С. Архитектурные термины : иллюстрированный словарь / А. С. Партина. – М. : Стройиздат, 2001. – 208 с.
 28. Klaipėda : albumas / sudarytojas K. Demereckas. – Klaipėda : «Libra Memelensis», 2002. – 100 p.

2.5 Электронные ресурсы

1. «Архитектурный вестник» : Предложение о перестройке и развитии города Кёнигсберга, 1938 год [Электронный ресурс] / пер. с нем. Т. В. Сахаровой // Восстановление Кёнигсберга [сайт фонда содействия изучению и развитию культурно-исторического и архитектурного наследия]. – Режим доступа: <http://www.koenigfond.ru/content/articles/282/> (дата обращения: 07.07.2012).

2. Градостроительный Кодекс РФ (с изменениями на 21 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/gradostroitelnyj-kodeks> (дата обращения: 2.12.2013 г.).
3. Максименков, Л. В. Признания лубянского маршала. Неизвестный меморандум Лаврентия Берии о положении в Литве в 1953 году / Л. В. Максименков [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2008. – 8 мая. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2005-08-05/5_priznania.html (дата обращения: 22.11.2011).
4. Постановление Совета Министров СССР от 22 мая 1947 г. № 389 «Об охране памятников архитектуры» (с изм. и доп., внесёнными распоряжениями Совета Министров РСФСР от 27.07.1951 № 3839-р; от 01.03.1954 № 628 – р) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex16346.htm> (дата обращения: 14.05.2012).
5. Сухин, Д. Б. Германская градостроительная история Восточной Пруссии / Д. Б. Сухин [Электронный ресурс]. – 2009 – 2010. – Режим доступа: <http://instergod.ru/wp-content/uploads/2010/10/Encyclopaedia-redux.pdf> (дата обращения: 13.12.2011).
6. Фридлянд, Д. П. Обзор градостроительного развития города Выборга второй половины XX века / Д. П. Фридлянд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vyborg-site.narod.ru/arch5.htm> (дата обращения: 25.05.2012).
7. Хоппе, Б. Следы виртуальной истории в совершенно реальном городе / Б. Хоппе [Электронный ресурс] / пер. С. Михайлова. – Режим доступа: <http://art-guide.nсса-kaliningrad.ru/print.php3?aglang=rus&au=052hoppe> (дата обращения: 19.08.2012).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

(справочное)

Современные названия, административный статус и государственная принадлежность бывших городов Восточной Пруссии, упомянутых в диссертации

Алленбург – пос. Дружба, Правдинский район, Калининградская область, РФ.

Гердауэн – пос. городского типа Железнодорожный, Правдинский район, Калининградская область, РФ.

Голдап – город Голдап, Голдапский повят, Варминско-Мазурское воеводство, Польша.

Гумбиннен – город Гусев, Калининградская область, РФ.

Данциг – город Гданьск, Поморское воеводство, Польша.

Даркемен – город Озерск, Калининградская область, РФ.

Домнау – пос. Домново, Правдинский район, Калининградская область, РФ.

Инстербург – город Черняховск, Калининградская область, РФ.

Кёнигсберг – город Калининград, Калининградская область, РФ.

Лабиау – город Полесск, Калининградская область, РФ.

Мемель – город Клайпеда, Клайпедский уезд, Литва.

Нойкурэн – город Пионерский, Калининградская область, РФ.

Нойхаузен – город Гурьевск, Калининградская область, РФ.

Норденбург – пос. Крылово, Правдинский район, Калининградская область, РФ.

Тапиау – город Гвардейск, Калининградская область, РФ.

Тильзит – город Советск, Калининградская область, РФ.

Шталлупёнен – город Нестеров, Калининградская область, РФ.

Ширвиндт – пос. Кутузово, Краснознаменский район, Калининградская область, РФ. С

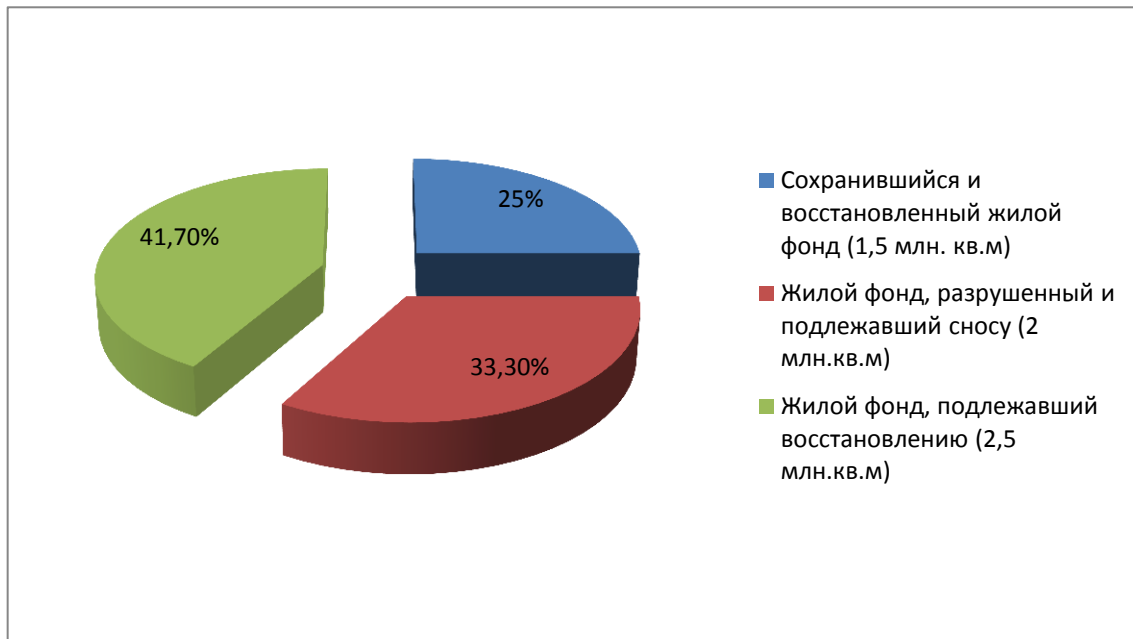
1978 г. официально не существует.

Эйдткунен – пос. Чернышевское, Нестеровский район, Калининградская область, РФ.

Приложение Б

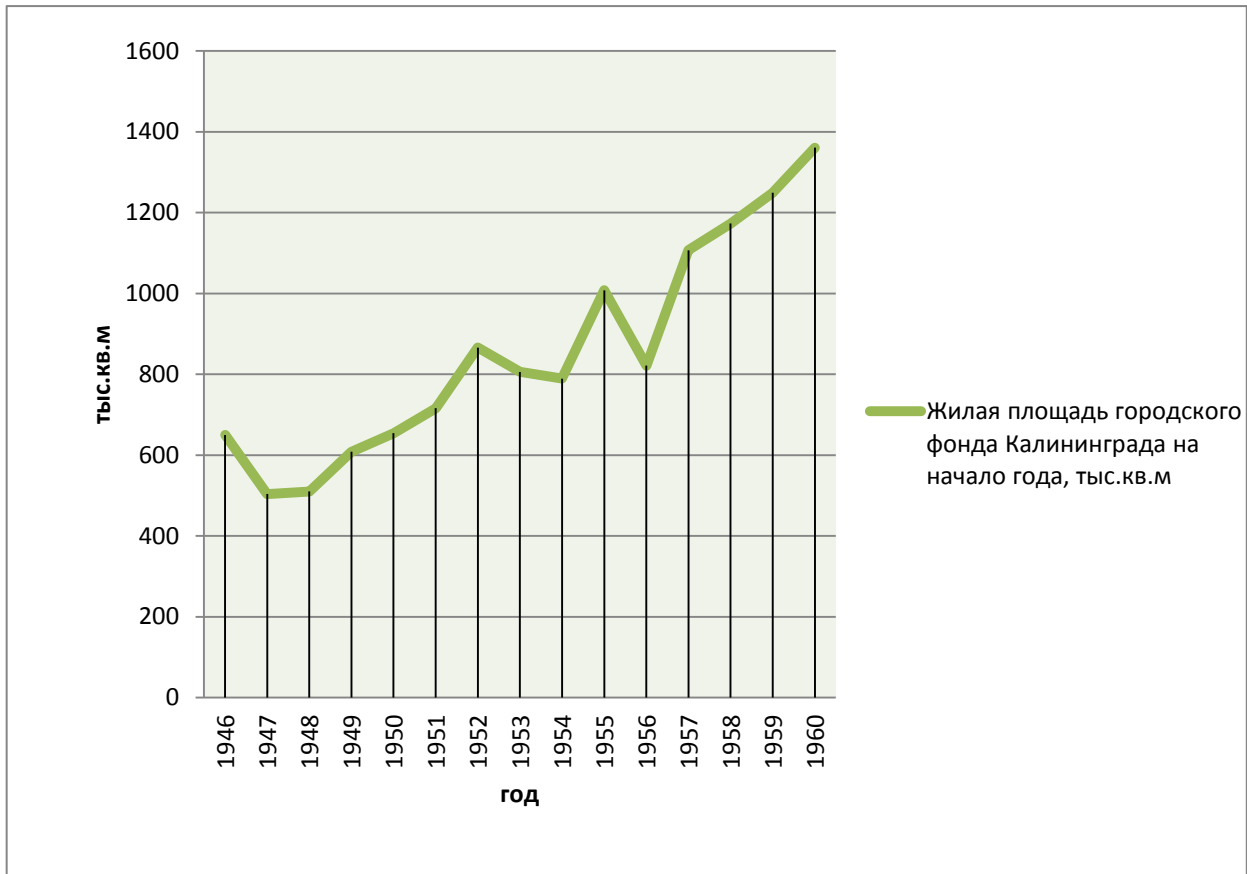
(справочное)

Иллюстративный материал

Составлено на основе количественных данных, приведённых в: Справка об освоении города Калининграда, 1948 г. / сост. Н. Г. Макарьева // Калининградские архивы : Материалы и исследования. – Калининград : Изд-во КГУ, 2001. – Вып. 3. – С. 206.

Рисунок Б.1 – Жилой фонд (общая площадь) в городе Калининграде по состоянию на июнь 1948 г.

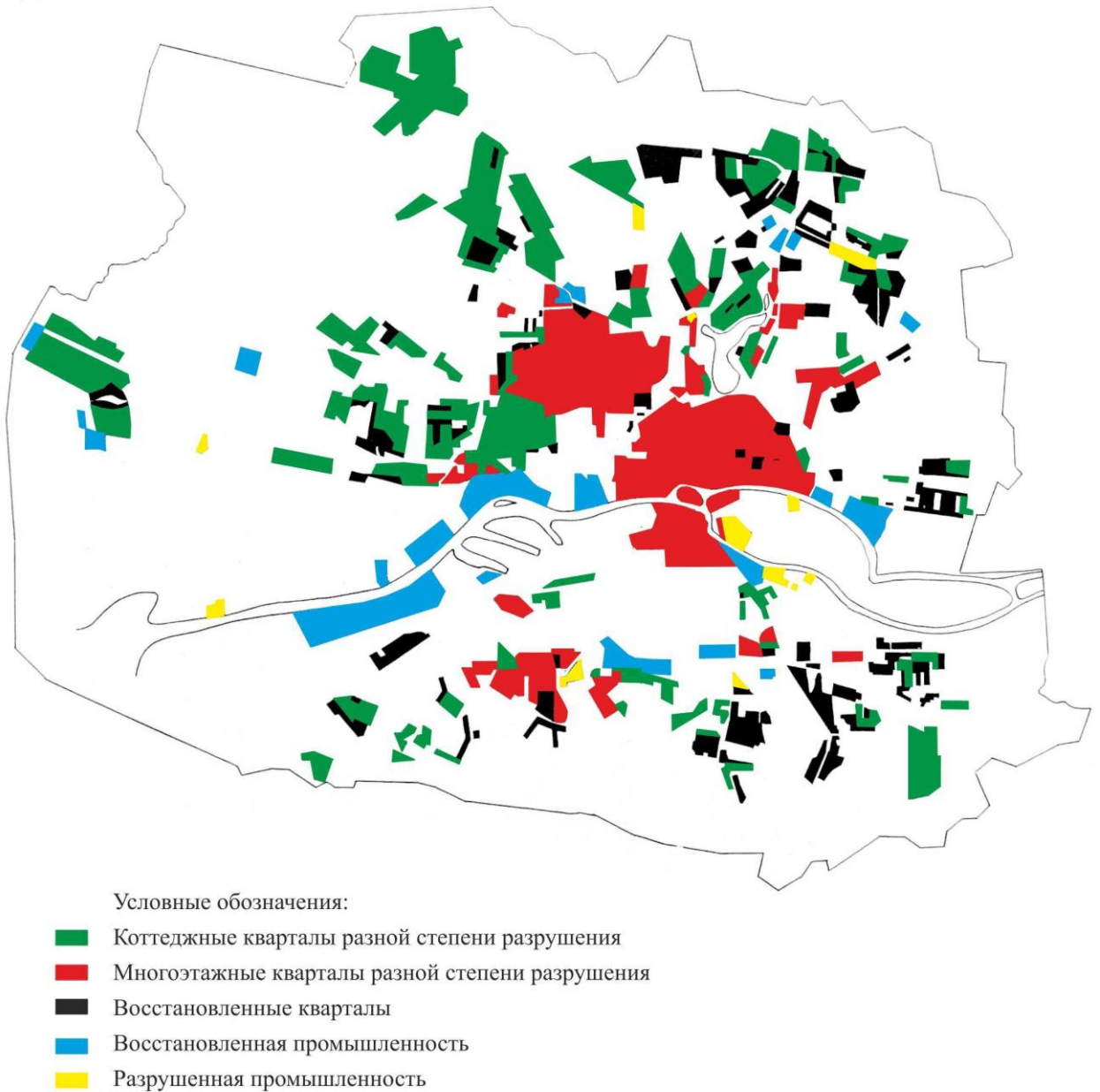

Составлено на основе данных, приведённых в: Губин А. Б. Строительство жилья // Балтийский альманах. – Калининград, 2007. – № 7. С. 19 – 21.

Использованы сведения на начало года; при наличии двух-трёх значений выбран наименьший показатель.

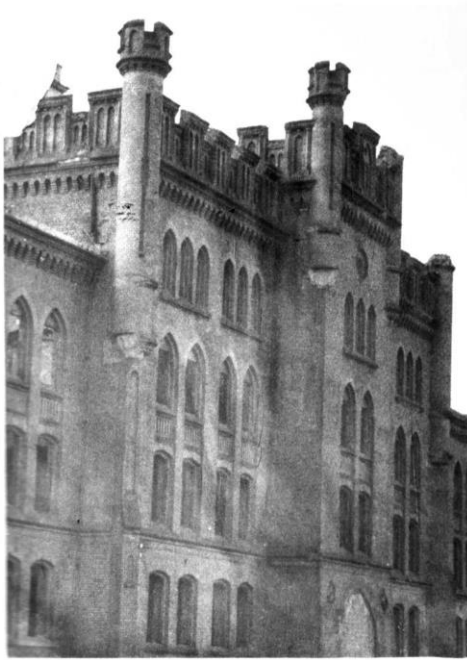
Рисунок Б.2 – Жилой фонд (полезная площадь) в городе Калининграде, 1946 – 1960 гг.

ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДА

Составлено на основе схемы: Послевоенное разрушение города // Фонды КОИХМ. КГОМ1-12092.56.

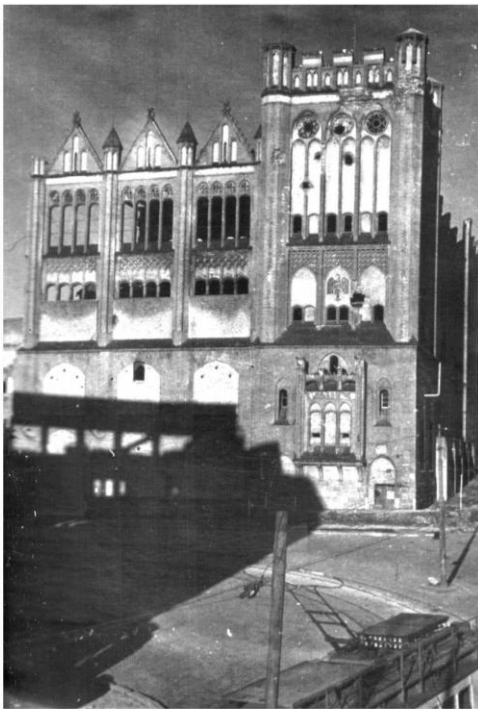
Рисунок Б.3 – Послевоенное разрушение города Калининграда. Схема составлена по состоянию на 01.01.1947 г.

1. Здание, трудно поддающееся реконструкции – решено в ложной готике / в кирпиче /

2. Здание, трудно поддающееся реконструкции – решено в ложной готике / в кирпиче /

3. Здание, трудно поддающееся реконструкции – решено в ложной готике / в кирпиче /

4. Здание, трудно поддающееся реконструкции / облицовано кирпичем /

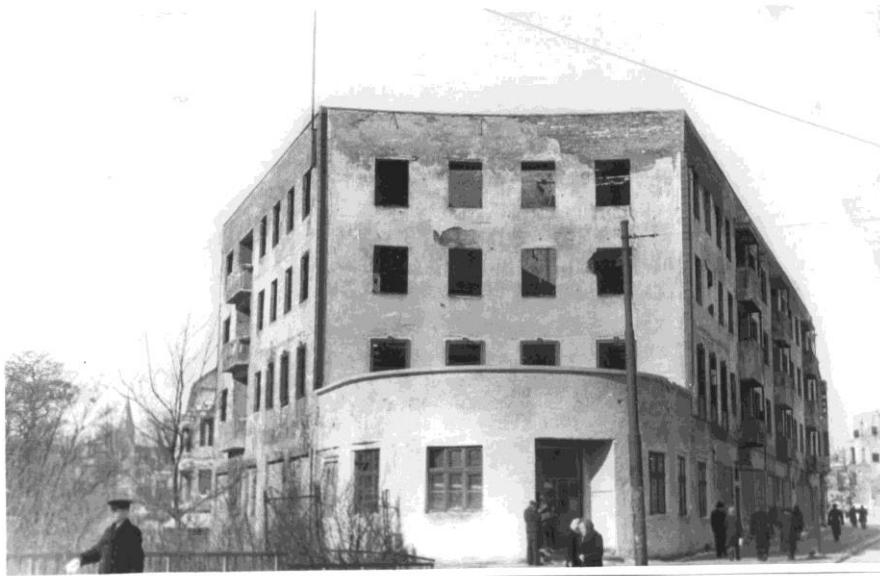
5. Здание, трудно поддающееся реконструкции / Детали выполнены из облицовочного кирпича /

Источник: Навалихин Д.К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда : альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. – М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222. Л. 49.

Рисунок Б.4 – Здания, трудно поддающиеся реконструкции (по Д.К. Навалихину).

1. Жилой дом 33/35 по Сталинградскому проспекту
после реконструкции / автор арх.
Атанов, В.С. / .

2. Жилой дом 33/35 по Сталинградскому проспекту
до реконструкции / Вид с торца. / .

Источник: Навалихин Д.К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда : альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. – М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222. Л. 39.

Рисунок Б.5 – Жилой дом № 33-35 по Сталинградскому проспекту (сегодня – проспект Мира, д. № 33-35) до и после реконструкции. Вид с торца. Автор проекта – архитектор В.С. Атанов.

Условное обозначение: красным кругом на схеме выделены кирхи.

Источник: Навалихин Д.К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда : альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. – М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222. Л. 54.

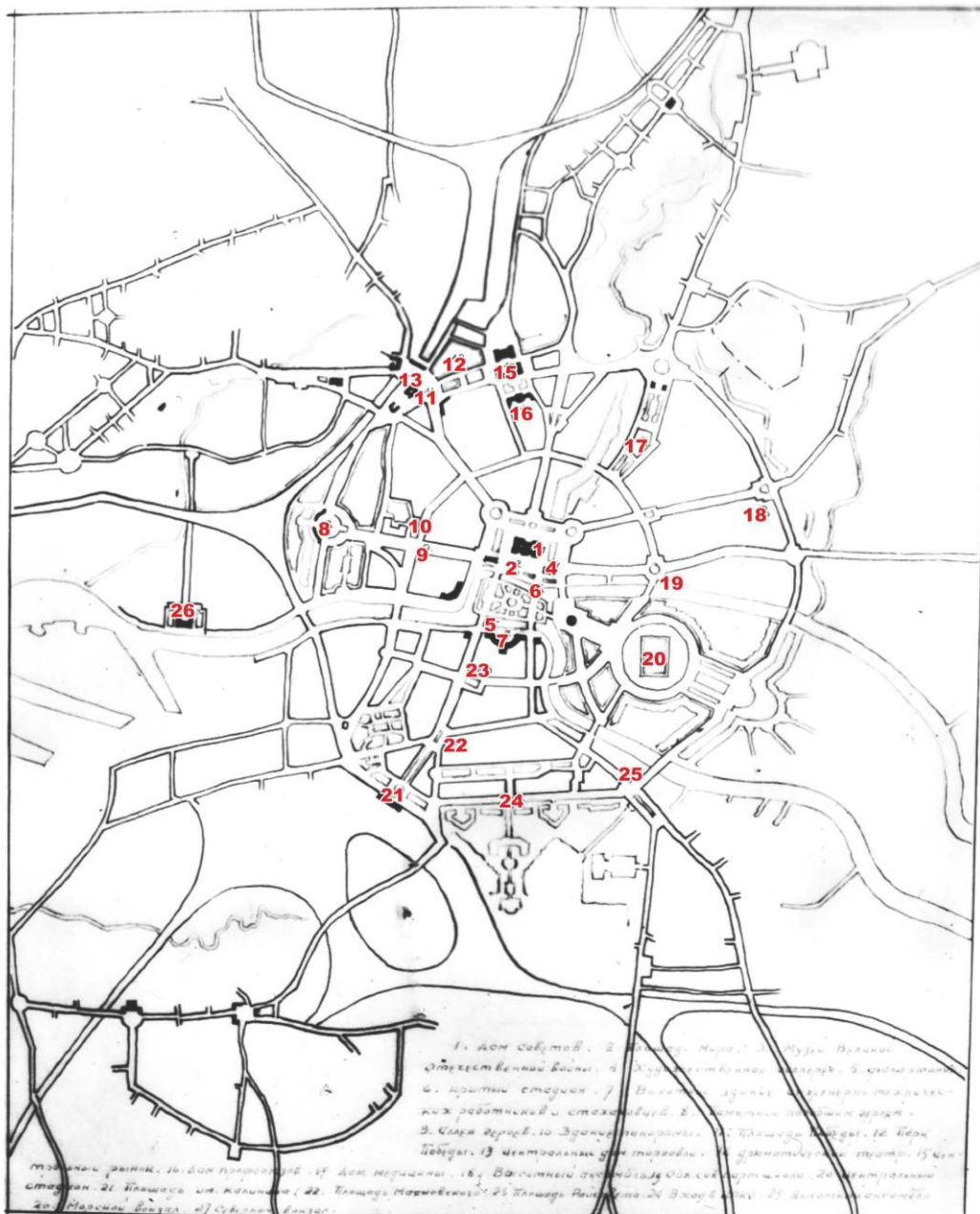
Рисунок Б.6 – Схема планировки центра города Калининграда (по проекту института «Гипрогор»)

Условное обозначение: красным кругом на схеме выделены кирхи.

Источник: Навалихин Д.К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда : альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. – М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222. Л. 55.

Рисунок Б.7 – Схема планировки центра города Калининграда (по проекту Управления главного архитектора города Калининграда, автор – архитектор Д.К. Навалихин).

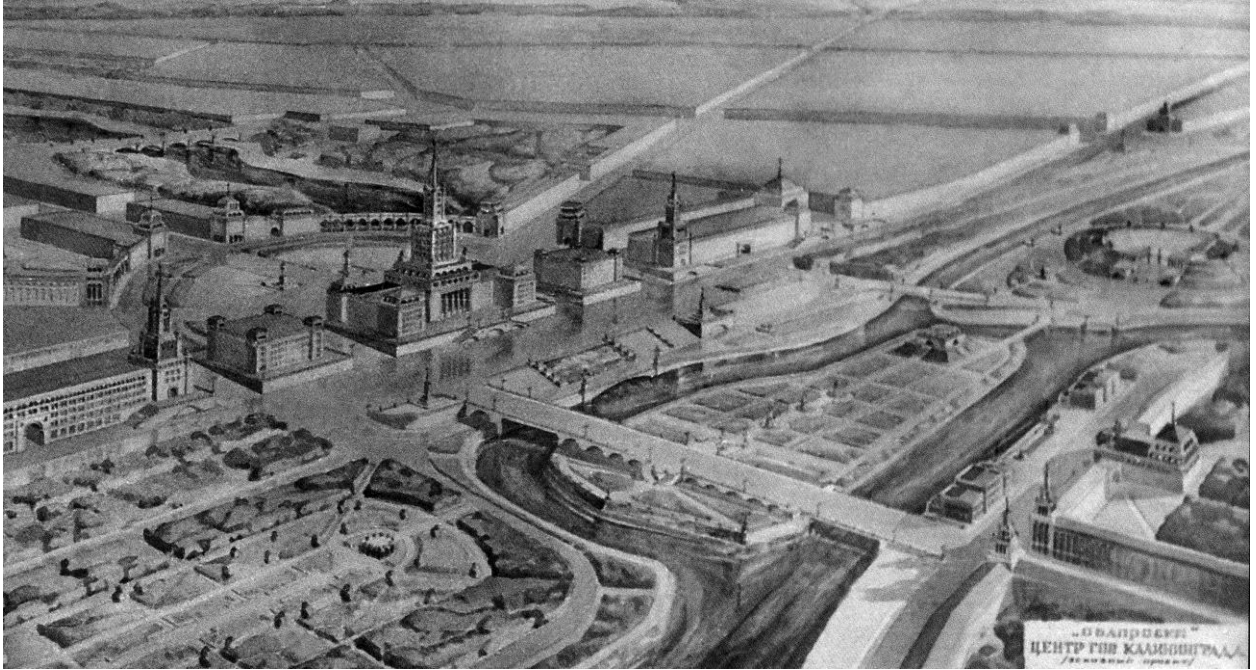

Надписи на схеме:

1 – Дом Советов; 2 – площадь Мира; 3 – Музей ВОВ; 4 – Художественная галерея; 5 – филармония; 6 – крытый стадион; 7 – высотное здание инженерно-технических работников и стахановцев; 8 – памятник погибшим героям; 9 – Аллея Героев; 10 – Здание панорамы; 11 – площадь Победы; 12 – Парк Победы; 13 – Центральный дом торговли; 14 – драматический театр; 15 – Центральный рынок; 16 – Дом профсоюзов; 17 – Дом медицины; 18 – высотный ансамбль; 19 – Областная советская партийная школа; 20 – Центральный стадион; 21 – площадь Калинина; 22 – площадь Маяковского; 23 – площадь Райсовета; 24 – вход в ЦПКО; 25 – высотный ансамбль; 26 – Морской вокзал; 27 – Северный вокзал.

Источник: Навалихин Д.К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда: альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. – М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222. Л. 79.

Рисунок Б.8 – Идейное и функциональное содержание сложившихся и рекомендуемых Д.К. Навалихиным основных узловых ансамблей будущего центра города Калининграда (вариант 1954 г.).

Опубликовано в: Кёнигсберг-Калининград = Königsberg-Kaliningrad: альбом / худ. А.В. Максимов, фото. В. Шредер ; текст А.П. Овсянов, В.Б. Соловьева ; пер. А.Г. Коваленко, В.Х. Гильманов. – Калининград : Янтарный сказ, 2005. – С. 70.

Рисунок Б.9 – Снимок макета планировки центра города Калининграда. Макет разработан в мастерской «Облпроект», авторы – архитекторы П.Ф. Диденко, А.В. Максимов, Д.К. Навалихин, 1954 г.

1. Первоначальный проект реконструкции площади Победы и здания Северного вокзала / авторы арх. Вайнштейн Л.В. и арх. Навалихин Д.К. /

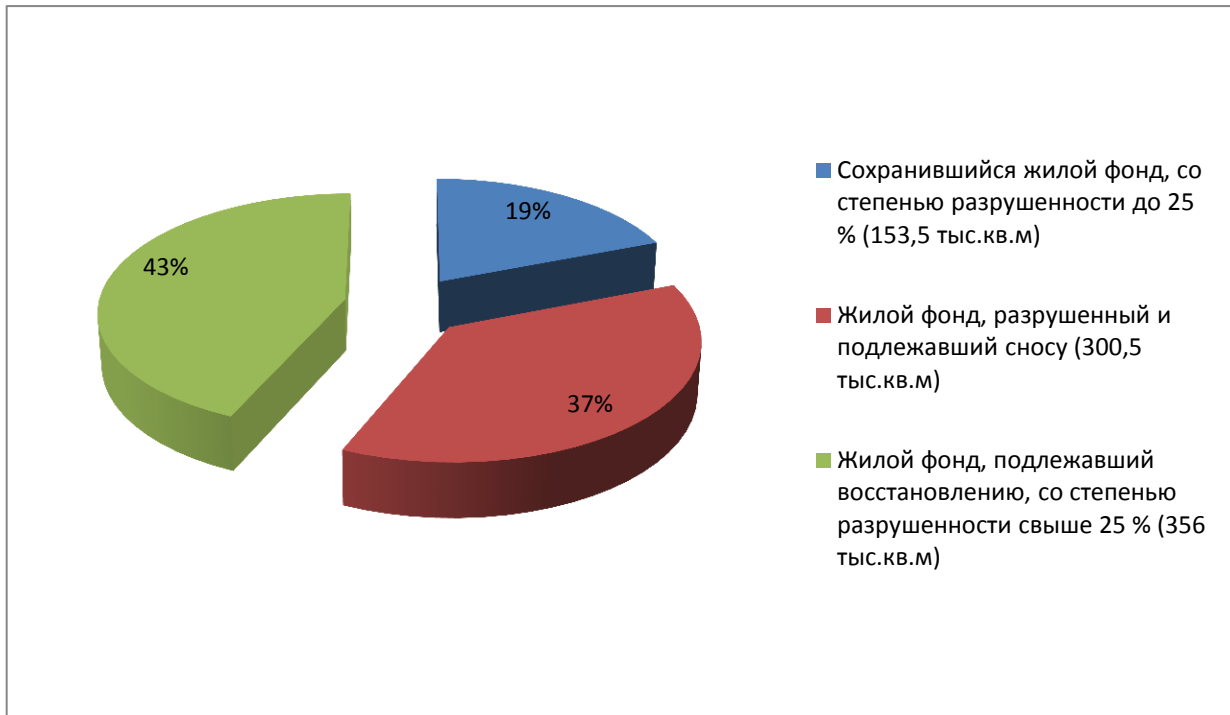
Источник рис. Б.10, Б.11: Навалихин Д.К. К вопросу реконструкции центра города Калининграда: альбом иллюстраций. Материалы кандидатской диссертации. Вариант 2. – М., 1956 // РГАЭ. Ф. 293. Оп. 3. Д. 222. Л. 85, 86.

Рисунок Б.10 – Проект реконструкции площади Победы и здания Северного вокзала, Архитектурно-проектная мастерская Калининградского областного отдела по делам архитектуры, авторы – архитекторы Л.В. Вайнштейн (Черкасова), Д.К. Навалихин, 1949 г.

1. Проект реконструкции площади Победы и здания Северного вокзала / авторы арх. Борисова Л.П. и арх. Навалихин Д.К. / 1951 год.

Рисунок Б.11 – Проект реконструкции площади Победы и здания Северного вокзала, мастерская «Облпроект», авторы – архитекторы Л.П. Борисова, Д.К. Навалихин, 1951 г.

Составлено на основе данных, приведённых в: LCVA. F. R-754. Ap. 4. B. 377. L. 80.

Рисунок Б.12 – Жилой фонд (общая площадь) в городе Клайпеде по состоянию на 01.07.1945 г.

Опубликовано в: Vareikis V. 99 stories about Klaipėda. – Klaipėda: Publishing Group DRUKA, 2009. – P. 152.

Рисунок Б.13 – Проект центра города Клайпеда, начало 1950-х гг.